Преобразованія въ Русской Церкви.

Разсмотрѣніе вопроса по официальнымъ документамъ и въ связи съ потребностями жизни.

Н. Д. КУЗНЕЦОВА.
(Присяжнаго повѣреннаго),

491

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ
И. К ГОЛУБЕВА, подъ фирмою „ПРАВОВѢДѢНІЕ".
и комиссіонера государственной типографіи
Москва, Никольская, д „Славянскаго Базара".
1910 г.

BX
491

130
37

Т-во типографіи А. И. Мамонтова. Москва, Леонтьевскій пер., д. № 5.

ГЛАВА I

Законъ 17 апрѣля 1905 года. Порядокъ его изданія въ отношеніи къ Православной Церкви въ Россіи. Возбужденіе вопроса о реформѣ въ устройствѣ Православной Церкви „Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Отношеніе ихъ къ современнымъ потребностямъ Церкви и главной задачѣ всей церковной реформы.

Въ своей книжкѣ «Церковь, Духовенство и Общество» мы старались уяснить [1]), что дѣла церковныя по преимуществу есть дѣла общенародныя, и потому къ участію въ разрѣшеніи столь важнаго вопроса, какъ преобразованіе всего церковнаго строя, должны быть въ той или иной формѣ привлечены все духовенство и ревнующіе о благѣ Церкви міряне.

Насколько возможно, мы слѣдили за движеніемъ вопроса о церковной реформѣ, и въ нашемъ распоряженіи оказались многіе документы, относящіеся къ этому вопросу. Поэтому мы считаемъ долгомъ, на основаніи всего этого, ознакомить русское общество съ положеніемъ дѣла о столь ожидаемыхъ преобразованіяхъ нашего церковнаго строя, чтобы лица, интересующіяся этимъ важнымъ дѣломъ, могли во время высказаться.

Вмѣстѣ съ этимъ мы позволимъ себѣ разсмотрѣть сдѣланную постановку вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ съ точки зрѣнія современныхъ церковныхъ нуждъ и потребностей.

Извѣстно, что въ началѣ этого года Особое Совѣщаніе Комитета Министровъ и Предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго Совѣта разсматривало вопросъ о положеніи въ Россіи сектанства и иновѣрія, результатомъ чего и явился Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 года. Проникавшія въ общество и печать свѣдѣнія о занятіяхъ Особаго Совѣщанія сразу возбудили опасеніе, что важный въ государственномъ и церковномъ отношеніи вопросъ попрежнему рѣшается столь много бѣдъ причинившими Россіи бюрократическими пріемами.

[1]) Церковь, Духовенство и Общество. Современная потребность живого участія народа въ дѣлахъ церковныхъ, въ связи съ вопросомъ о разъединеніи духовенства и мірянъ. Москва. 1905 г.

Судьба этого вопроса оказалась ввѣренной соображеніямъ группы случайныхъ чиновниковъ, не имѣвшихъ даже возможности серьезно изучить вопросъ и недостаточно знакомыхъ со всей его жизненной сложностью, да и самое обсужденіе его происходило безъ всякаго контроля и даже простого участія общественнаго голоса, который, какъ болѣе близкій къ дѣйствительной жизни, навѣрное открылъ бы передъ взорами гг. чиновниковъ многое, повидимому, совершенно упущенное ими изъ виду. Если ранѣе для бюрократическаго рѣшенія государственнаго вопроса требовались цѣлые годы, проходившіе въ продолжительной перепискѣ, съ разными запросами и отвѣтами даже тѣхъ вѣдомствъ и лицъ, которыхъ по самому отношенію къ данному дѣлу можно было и вовсе не касаться, то теперь бюрократизмъ обнаружился съ своей противоположной, но не менѣе вредной стороны. Вопросъ о положеніи иновѣрія и сектантства рѣшался съ необычайной поспѣшностью, безъ достаточнаго соображенія съ выработавшимися вѣками узаконеніями и безъ всякаго вниманія къ положенію православія, при чемъ Особое Совѣщаніе, повидимому, даже забыло запросить, не говоря уже о всей Церкви, но хотя бы православныхъ епископовъ или, по крайней мѣрѣ, св. Синодъ, который все же является представителемъ интересовъ Православной Церкви въ Россіи.

При такихъ условіяхъ не удивительно, что законъ 17 апрѣля 1905 года, симпатичный и желательный самъ по себѣ, вошелъ какъ бы клиномъ во всѣ существующія узаконенія по дѣламъ иностранныхъ исповѣданій и нехристіанскихъ обществъ, слагавшіяся путемъ цѣлаго историческаго процесса. Слишкомъ скороспѣлое приготовленіе закона, глубоко захватывающаго государственную жизнь, особенно ясно отразилось на его примѣненіи и пониманіи. Въ законѣ этомъ многіе изъ иновѣрцевъ и нехристіанъ стали отыскивать опору для разныхъ желаній и дѣйствій, нерѣдко не имѣющихъ ничего общаго съ вѣротерпимостью и чисто религіозными стремленіями. Такъ, наприм., по сообщеніямъ газетъ, въ одномъ изъ большихъ городовъ нехристіане, основываясь на законѣ 17 апрѣля, предъявили къ главному начальнику края требованіе, чтобы ихъ подкидыши - младенцы, поступающіе въ Воспитательный Домъ и покинутые родителями, воспитывались въ нехристіанской религіи, очевидно, уже на казенный счетъ. Въ иныхъ мѣстахъ собственники земель, ссылаясь на новый законъ о вѣротерпимости, соглашались возобновить необходимыя для крестьянъ аренды лишь подъ условіемъ принятія крестьянами римскаго католицизма. Извѣстно также, что православное населеніе Холмской Руси подъ вліяніемъ уже испытанныхъ послѣ манифеста 17 апрѣля всякаго рода давленій на религіозную совѣсть со стороны католицизма недавно обратилось къ правительству чуть ли не съ воплемъ о выдѣленіи Холмскаго края изъ состава Польши, на случай предоставленія ей полной автономіи.

Наконецъ, во время рѣзни между татарами и армянами въ предѣлахъ Кавказа, татары на основаніи того же закона иногда принуждали армянъ къ переходу въ исламъ, обѣщая въ этомъ случаѣ сохранить имъ жизнь.

Немало людей не только православныхъ, но и иновѣрцевъ, увидѣло въ законѣ 17 апрѣля указаніе, что отнынѣ для русскаго государства всѣ вѣры не только христіанскія, но и языческія, признаны одинаковыми, что оно вступило на путь религіознаго индиферентизма и отказалось признавать за православіемъ одинъ изъ историческихъ устоевъ государства или, по выраженію И. С. Аксакова, главную духовно-органическую силу русской народности.

Однимъ изъ лучшихъ показателей неопредѣленности и полной несогласованности закона съ многими другими интересами и задачами не только церковными, но и государственными можетъ служить образованіе отдѣльной комиссіи по вопросамъ о толкованіи и примѣненіи новаго закона. По истинѣ, трудная задача выпала на долю этой комиссіи и особенно въ отношеніи римскаго католицизма, который, какъ показываетъ исторія развитія русскаго законодательства по управленію его дѣлами, постоянно смѣшиваетъ чисто религіозные интересы съ интересами Римской куріи, стремящейся къ всемірному духовному господству. [1]).

И вотъ, когда, послѣ обсужденія вопроса объ иновѣріи и сектанствѣ, до русскаго общества дошли вѣсти, что Особое Совѣщаніе комитета министровъ сочло себя въ правѣ и уже приступило къ разрѣшенію вопроса и о преобразованіяхъ въ устройствѣ Православной церкви, то, естественно, сердца многихъ дрогнули, и въ нихъ сразу почувствовалась какая-то щемящая боль за судьбы Православной церкви въ Россіи.

Эти опасенія за интересы Православной Церкви нисколько не могли уменьшиться отъ объясненія причинъ, по которымъ Особое Совѣщаніе нашло нужнымъ заняться вопросами о положеніи Православной Церкви. Предсѣдатель Особаго Совѣщанія, какъ сообщали газеты, заявилъ, что, окончивъ разсмотрѣніе положенія иновѣрія и сектантства, Совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ передъ общею нашею матерью Православною Церковью, если бы оно не коснулось теперь и ея положенія. Такимъ образомъ члены Особаго Совѣщанія, считая себя вѣрными сынами Церкви, изъ опасенія совершить грѣхъ передъ нею выхлопотали разрѣшеніе заняться и ея дѣлами.

Какъ-то мало довѣрія внушаетъ указаніе на опасность совершить грѣхъ въ будущемъ, если грѣхъ уже совершенъ, а его не замѣчаютъ и въ немъ не раскаиваются. Сосредоточивъ прежде всего свои заботы о положеніи иновѣрія и сектантства и рѣшивъ вопросъ безъ участія Православной Церкви и даже, повидимому, не сознавая необходимости такого участія, члены Совѣщанія совершили этимъ великій грѣхъ передъ Православною Церковью и едва ли оказались ея вѣрными сынами. Вѣрные сыны Церкви и понимающіе ея благо на первомъ мѣстѣ, конечно, поставили бы вопросъ о преобразованіи именно ея устройства, тѣмъ болѣе, что они сами вполнѣ убѣждены въ ея ненормальномъ положеніи и невозможности для нея высказывать свой голосъ. Если страдаетъ мать и посто-

---

[1]) См. наше изслѣдованіе. „Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи". Временникъ Ярославскаго Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ронній, то по требованію нравственнаго закона и даже простому здравому смыслу вѣрный сынъ сначала поможетъ матери, а уже затѣмъ постороннему; дѣйствительно вѣрные сыны Церкви и не напрасно называющіе ее своею матерью едва-ли не не постарались бы затѣмъ выслушать и ея голосъ при обсужденіи вопроса объ иновѣріи и сектантствѣ и при ея участіи остановиться на томъ или иномъ рѣшеніи. Между тѣмъ благодаря Особому Совѣщанію для Православной Церкви въ Россіи, повидимому, навсегда пропущенъ важный историческій моментъ, когда Церковь во всеуслышаніе могла бы заявить о своихъ дѣйствительныхъ отношеніяхъ къ иновѣрію и сектантству и, — кто зчаетъ?—можетъ быть, значительно примирить ихъ съ собою. Вѣдь цѣлыя сотни лѣтъ именемъ Православной Церкви преслѣдовали сектантовъ и старообрядцевъ, и этимъ, конечно, возбудили въ нихъ не мало вражды къ Церкви.

И вотъ казалось наступилъ моментъ, когда Православная Церковь открыто можетъ заявить, что это было лишь злоупотребленіе ея именемъ. Для этого было достаточно лишь предоставить Церкви возможность высказаться, и можетъ быть, она нашла бы нужнымъ сама ходатайствовать объ отмѣнѣ разныхъ внѣшнихъ стѣсненій и преслѣдованій старообрядчества и сектантства. Сейчасъ трудно даже опредѣлить, какія вышли бы послѣдствія для умиротворенія церковныхъ несогласій, если бы Православная Церковь сама стала торжественно добиваться иного отношенія къ старообрядчеству и сектантству. Но, къ несчастію, при разрѣшеніи вопроса объ измѣненіи положенія старообрядчества и сектантства вѣрные сыны Церкви забыли о своей матери и ее не спросили; законъ получилъ характеръ чисто-гражданскій, а въ глазахъ многихъ даже какъ бы вопреки желанію Церкви, и скрытое чувство нерасположенія и вражды старобрядцевъ и сектантовъ къ Церкви, вызванное главнымъ образомъ самимъ же государствомъ, осталось въ прежнемъ видѣ. Между тѣмъ отмѣна гражданскихъ ограниченій и стѣсненій для старообрядцевъ и иновѣрцевъ, идущая отъ самой Церкви, не только могла бы дѣйствовать къ ослабленію вражды иначе мыслящихъ, но и способствовала бы къ усиленію самосознанія внутри самой Церкви и возстановленію за ней въ государствѣ того нравственнаго значенія, которое, наприм., достаточно ярко обнаруживалось въ дѣятельности извѣстныхъ московскихъ святителей св. Алексія и Филиппа.

Но—увы!—всѣ эти соображенія—уже одни мечты, и сдѣлались они таковыми благодаря членамъ Особаго Совѣщанія, именующимъ себя вѣрными сынами Церкви и опасавшимся совершить передъ нею великій грѣхъ...

Но не будемъ болѣе мечтать,—это очень тяжело, когда прошлаго уже не воротишь.

Итакъ вопросъ о церковной реформѣ оказался въ распоряженіи, извѣстныхъ намъ по подготовленію закона 17-го апрѣля, членовъ Особаго Совѣщанія. При мысли объ этомъ, люди, не подавленные бюрократической школой и считающіе, что дѣйствія человѣка, особенно въ дѣлахъ важныхъ, должны обусловливаться его убѣжденіями, а не приказаніями начальства или вліяніями.

разныхъ перемѣнчивыхъ теченій, естественно, прежде всего спрашивали, каковы религіозныя убѣжденія членовъ Совѣщанія и ихъ взгляды на задачи и дѣла Православной Церкви. И вотъ въ этомъ отношеніи газеты съ самаго же начала передали очень тревожныя свѣдѣнія. По утвержденію газетъ, предсѣдатель Совѣщанія, гр. Витте, при указаніи причинъ приступить къ вопросу о Православной Церкви высказалъ, что «не надо забывать, что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно — это земля, и то небольшое, что онъ отъ нея получаетъ, другое — его живая вѣра, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого самаго дорогого для него сокровища» [1]).

Такимъ образомъ, религіозная вѣра сопоставляется съ благами міра и одно пополняетъ другое. Перенесеніе недостатка въ землѣ и ея производительности облегчается существованіемъ въ душѣ народа вѣры, и вѣра даетъ народу силу мириться съ горестью жизни. Поэтому, конечно, для многихъ можетъ быть страшно, если народъ лишится вѣры. Тогда ощущеніе недостатка матеріальныхъ благъ сдѣлается болѣе острымъ и ничѣмъ не сдерживаемое можетъ побудить къ недовольству и покушенію отбирать ихъ у тѣхъ, кто имѣетъ ихъ въ изобиліи и для кого вѣра, повидимому, уже не такъ нужна.

Вотъ какія черты религіозной вѣры обратили на себя вниманіе руководителя Особаго Совѣщанія и, повидимому, въ согласіи съ большинствомъ его членовъ. Но если бы члены Совѣщанія были болѣе знакомы съ современнымъ положеніемъ религіознаго вопроса, то они вѣроятно удержались бы отъ такого опаснаго и односторонняго взгляда на религію и уже во всякомъ случаѣ отъ его открытаго обнаруженія, да еще въ качествѣ людей, обсуждающихъ церковную реформу. Подобный взглядъ на религію, какъ извѣстно, настойчиво проводится соціалистическими ученіями, чтобы тѣмъ удобнѣе было пошатнуть религію, склоняющую людей мириться съ окружающими условіями жизни и задерживающую ихъ стремленія добиться лучшаго строя [2]).

Всякій односторонній взглядъ на религію вообще свидѣтельствуетъ о невысокомъ духовномъ развитіи, но когда эта односторонность выдвигается на первый планъ въ дѣлахъ государственныхъ людьми, взявшими на себя разсмотрѣніе вопроса о церковной реформѣ, то это можетъ не только увеличивать соблазнъ, доставляя новыя подтвержденія указанному взгляду на религію, но и возбуждать большія сомнѣнія въ правильномъ отношеніи такихъ людей къ важному дѣлу церковныхъ преобразованій.

Вотъ почему, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, при первыхъ же извѣстіяхъ о занятіяхъ Особаго Совѣщанія дѣломъ церковной реформы, очень многіе стали

---

[1]) Газета „Слово“, 1905 г. № 104.

[2]) См. книгу. Церковь, Духовенство и Общество, стр. 10—15. Сравн., наприм., А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Глава VIII.

относиться къ нимъ съ полнымъ недовѣріемъ, и въ Москвѣ начало зарождаться движеніе съ цѣлью добиваться проведенія ея болѣе правильнымъ общенароднымъ путемъ.

Весь дальнѣйшій ходъ дѣла только все болѣе и болѣе поддерживалъ это недовѣріе и опасеніе за его судьбу.

Послѣ полученія Высочайшаго разрѣшенія на разсмотрѣніе вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ предсѣдатель Совѣщанія обратился къ петербургскому митрополиту съ предложеніемъ высказать свои соображенія. Къ участію въ этомъ митрополитомъ, повидимому, были приглашены нѣкоторыя лица, которыхъ онъ считалъ, очевидно, способными принести пользу своими знаніями и пониманіемъ церковныхъ потребностей. Въ самомъ непродолжительномъ времени соображенія были готовы и подъ названіемъ: «Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви», были представлены Особому Совѣщанію. Безъ сомнѣнія, отъ этого документа, долженствующаго дать толчокъ обсужденіямъ дѣла реформы, нужно ожидать, что въ немъ будутъ выставлены основные вопросы, которые опредѣлятъ собой порядокъ и направленіе всей реформы. Но прежде чѣмъ сдѣлать по поводу этихъ вопросовъ тѣ или другія замѣчанія, мы предлагаемъ ихъ вниманію интересующихся ими читателей цѣликомъ, чтобы общество имѣло возможность само судить о нихъ:

По совѣщанію Министровъ и Предсѣдателей Департаментовъ Государственнаго Совѣта.

ВОПРОСЫ

о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ православной церкви.

1) Бывшія въ Комитетѣ Министровъ сужденія по вопросу о вѣротерпимости открываютъ отдѣлившимся отъ Православной церкви (старообрядцамъ, сектантамъ и пр.) извѣстное государственное положеніе, съ опредѣленными правами и льготами, и въ то же время не касаются ихъ внутренней, въ собственномъ смыслѣ, церковной жизни. Вопросы, напр., о бракѣ и разводѣ, о церковномъ судѣ надъ духовными и свѣтскими лицами, объ организаціи общинно-приходской жизни и благотворительности, о назначеніи и способахъ выбора высшаго и низшаго духовенства и т. п.—все это останется внѣ вмѣшательства государственной, свѣтской власти (пока не выходитъ, конечно, за предѣлы дозволеннаго русскому подданному вообще). Такая автономія въ своихъ церковныхъ дѣлахъ ставитъ помянутыя общества въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ находится нынѣ признаваемая господствующею въ государствѣ церковь Православная, и, предоставляя духовенству этихъ обществъ особенный, исключительный авторитетъ въ дѣлахъ церковныхъ, открываетъ духовенству возможность широкаго вліянія на всю вообще жизнь, и семейную и общественную, своихъ пасомыхъ. Это, вмѣстѣ съ возможностью автономной организаціи, создастъ изъ этихъ обществъ

силу весьма внушительную и для многихъ болѣе привлекательную, чѣмъ стѣсненная въ своей чисто церковной дѣятельности церковь православная. Въ особенности это нужно сказать объ общинѣ, „приемлющей австрійское священство": она имѣетъ всю видимость православной церкви. Можетъ явиться опасность, что эта община обратится въ церковь народную, тогда какъ православная церковь останется только церковью государственной.

Въ виду этого, а также и въ виду того, что православная церковь составляетъ одну изъ главныхъ основъ русскаго государственнаго порядка и одинъ изъ его историческихъ устоевъ, не является ли и съ точки зрѣнія государства существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее государственное положеніе православной церкви въ Россіи съ тѣмъ, чтобы и при измѣнившемся государственномъ положеніи отпадшихъ отъ нея, не лишить ея авторитета у народа и не лишиться ея вліянія на послѣдній?

2) Такъ какъ однимъ изъ величайшихъ преимуществъ инославныхъ обществъ теперь является ихъ автономія во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, то, чтобы парализовать это преимущество, не благовременно ли устранить или хотя бы нѣсколько ослабить ту постоянную опеку и тотъ слишкомъ бдительный контроль свѣтской власти надъ жизнью церковной и надъ дѣятельностью церковнаго правительства, который лишаетъ церковь самостоятельности и иниціативы, и, ограничивая область ея вѣдѣнія почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совсѣмъ не слышнымъ ни въ частной, ни въ общественной жизни?

3) Не слѣдуетъ ли, поэтому, предоставить православной церкви большей свободы въ управленіи ея внутренними дѣлами, гдѣ бы она могла руководиться главнымъ образомъ церковными канонами и нравственно-религіозными потребностями своихъ членовъ и, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, могла бы своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства?

4) Наставники и пр духовныя лица инославныхъ общинъ, являясь ставленниками этихъ послѣднихъ, должны имѣть для нихъ особый авторитетъ и при всѣхъ обстоятельствахъ не только чисто церковной, но и общественной жизни окажутся естественными представителями своихъ общинъ и ходатаями за нихъ предъ правительствомъ. Такого же непосредственнаго участія въ общественной жизни прихода желаетъ и отъ православнаго духовенства Высочайшій указъ отъ 26 іюня 1904 года. Поэтому, не слѣдуетъ ли распространить на православныхъ священниковъ права быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учрежденій, имѣющихъ мѣсто въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ и быть представителями общины предъ властями, при желаніи послѣдней?

5) Чтобы голосъ церкви былъ болѣе слышенъ въ государственномъ управленіи (которое принципіально призываетъ на себя благословленіе церкви), а также, чтобы и государственные сановники могли непосредственно отъ полномочныхъ представителей церкви знать ея взглядъ на тотъ или иной предметъ, и представители церкви могли непосредственно разъяснять государственнымъ сановникамъ церковныя дѣла и ходатайствовать о нуждахъ и потребностяхъ церкви, не признано ли будетъ желательнымъ теперь же предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи (нѣсколькимъ изъ нихъ, по рангу или по выбору церкви) участія съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и подобныхъ высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій?

6) Для развитія приходской благотворительности и вообще для оживленія прихода и правильной организаціи приходской жизни было бы весьма важно признать приходъ юридическиаъ лицомъ съ правомъ собственности, что давало бы приходской организаціи устойчивость и средства матеріальныя. Съ другой стороны Православная церковь въ отношеніи къ вопросу о пріобрѣтеніи собственности окажется въ будущемъ едва ли не въ худшемъ положеніи, чѣмъ общины, отдѣлившіяся отъ нея: всякая собственность, хотя бы отказанная церкви по завѣщанію, закрѣпляется теперь за церковнымъ учрежденіемъ только Высочайшею волею. Поэтому, не признано ли будетъ возможнымъ теперь же пересмотрѣть законы о правѣ церкви на собственность, ея пріобрѣтеніе и пользованіе?

7) Возрожденіе и оживленіе прихода, отъ чего справедливо ожидаютъ благодѣтельныхъ послѣдствій для народной и государственной жизни вообще, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда иниціатива во многихъ дѣлахъ, а равно и окончательное вершеніе ихъ будутъ перенесены изъ центра въ области и епархіи. Но такая децентрализація, вмѣстѣ съ указанной выше перемѣной въ государственномъ положеніи Православной церкви, естественно предполагаетъ и влечетъ за собою многія измѣненія въ строѣ церковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго, и во взаимныхъ отношеніяхъ того и другого. Все это приводитъ къ мысли о необходимости пересмотра церковнаго строя. Съ другой стороны и независимо отъ этого, существуетъ настоятельная и въ литературѣ уже давно признаваемая необходимость пересмотра нѣкоторыхъ сторонъ церковнаго управленія, напр., особенно церковнаго суда, правъ и полномочій епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ и мн. др. Хотя всѣ эти вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, но вполнѣ компетентно и окончательно могутъ быть разрѣшены только въ церковномъ совѣщаніи. Поэтому, не благовременно ли теперь же представить Его Императорскому Величеству о настоятельной необходимости образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдущихъ лицъ духовенства и мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій?

По прочтеніи вопросовъ, въ которыхъ такъ много сказано о преимуществахъ положенія иновѣрія и сектанства, еще болѣе подтверждается, что дѣйствительно члены Особаго Совѣщанія, именующіе себя вѣрными сынами Церкви, позаботились прежде всего объ иновѣріи и сектантствѣ, а затѣмъ уже вспомнили о своей матери Православной Церкви.

Судя по содержанію вопросовъ, составители, повидимому, желали возбудить ими мысли о главныхъ потребностяхъ церковной жизни и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить ходъ дѣлъ церковной реформы. Этимъ, вѣроятно, объясняется и самая форма ихъ соображеній—въ видѣ вопросовъ. Окончательную же выработку проекта необходимыхъ преобразованій они считали нужнымъ представить церковному совѣщанію изъ іерарховъ съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ. Такой способъ отношенія къ дѣлу глубокой цер-

ковной реформы нельзя не признать достаточно осторожнымъ. Но что касается самыхъ вопросовъ, поставленныхъ составителями, то съ ними трудно согласиться, съ какой бы стороны ни разсматривать дѣло реформы. Многіе изъ вопросовъ далеко нельзя назвать основными вопросами предстоящей реформы и предлагаемые въ нихъ обсужденію предметы, вопреки ожиданію, недостаточно опредѣляютъ основаніе, сущность и самый порядокъ осуществленія реформы. Наряду съ коренными преобразованіями вопросы останавливаютъ вниманіе на предметахъ второстепенныхъ, правильная постановка которыхъ, не говоря уже объ ихъ разрѣшеніи, возможна лишь по разрѣшеніи въ томъ или иномъ направленіи вопросовъ основныхъ.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что самая мотивировка для реформы, указываемая въ вопросахъ, возбуждаетъ недоумѣніе. Предполагаемой глубинѣ и важности ожидаемыхъ преобразованій въ Православной Церкви едва ли можетъ соотвѣтствовать обоснованіе ихъ необходимости на предоставленіи разныхъ правъ и преимуществъ общинамъ иновѣрнымъ и сектантскимъ. Вѣдь преобразованія всего церковнаго строя прежде всего необходимы сами по себѣ, чтобы люди имѣли лучшія условія для воспріятія христіанства, а вовсе не по той главной причинѣ, чтобы Церковь легче могла парализовать преимущества инославныхъ общинъ и успѣшнѣе бороться съ ними. Самое положеніе Православной Церкви въ Россіи до сихъ поръ всегда было совершенно иное, чѣмъ общинъ инославныхъ и составители справедливо называютъ ее однимъ изъ историческихъ устоевъ русскаго государства. Уже одно это должно было бы заставить искать иныя болѣе глубокія обоснованія для церковной реформы и не смотрѣть на ея необходимость съ точки зрѣнія преимуществъ инославныхъ общинъ.

Извѣстно, что русское правительство еще во время Ѳеодора Іоанновича, по вопросу объ участіи государства въ развитіи церковной жизни разныхъ иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, прямо заявило англійскому послу Флетчеру, что Государю нашему до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ. Такое отношеніе русскаго государства къ иновѣрцамъ въ общемъ продолжалось почти всегда и только по мѣрѣ усложненія и расширенія въ Россіи иностранной церковной жизни, государственная власть вынуждена была издавать разныя узаконенія для охраненія порядка и спокойствія въ инославныхъ общинахъ, нисколько не заботясь о ихъ внутренней силѣ и ростѣ [1]).

Съ точки зрѣнія вопроса объ отдѣленіи церкви отъ государства интересы иностранной церковной жизни сами по себѣ, а еще тѣмъ болѣе интересы старообрядчества и сектантства нужно считать въ Россіи отдѣленными отъ государственныхъ. Если составители Вопросовъ желаютъ того же и для Православной Церкви въ Россіи, то еще понятно, что церковная реформа можетъ начаться съ пересмотра государственнаго положенія Церкви и именно подъ вліяніемъ инте-

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи. Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ресовъ государственныхъ. Но, повидимому, составители не склонны вызвать отдѣленіе Церкви отъ государства, а въ такомъ случаѣ едва ли для улучшенія церковной жизни нужно такъ замѣтно выдвигать вопросъ объ опекѣ и контролѣ государства, да еще не только надъ самой церковной жизнью, но даже и надъ дѣйствіями церковныхъ властей.

По нашему мнѣнію, дѣло реформы должно начаться съ немедленнаго исправленія самой церковной жизни, возстановленія въ Церкви соборнаго начала, чтобы не только однимъ епископамъ, но и другому духовенству и мірянамъ была предоставлена возможность живого участія въ дѣлахъ церковныхъ и чтобы самая реформа была проведена не иначе, какъ соборно. Съ возстановленіемъ въ церкви соборности самъ собой разрѣшится и вопросъ о контролѣ государства и во всякомъ случаѣ онъ не получитъ той остроты, какую склонны приписывать ему составители Вопросовъ. Значительное же ослабленіе контроля и участія государства безъ введенія въ церковную жизнь соборнаго начала могло бы еще болѣе закрѣпить существующее отчужденіе духовенства и народа и дать поводы къ развитію вреднаго и для церкви клерикализма. Правильно поставленная церковная жизнь при болѣе или менѣе живомъ участіи въ ней всѣхъ членовъ церкви не можетъ быть подавляема контролемъ государства особенно, когда и къ государственному управленію призывается самъ народъ. Отрицать же контроль государства надъ церковною жизнью, а тѣмъ болѣе надъ дѣйствіями духовныхъ властей едва ли возможно съ точки зрѣнія государственной, и необходимость его достаточно выяснена самой исторіей.

Одно изъ главныхъ золъ русской церковной жизни лежитъ глубже вліянія всѣхъ этихъ внѣшнихъ условій, но о немъ составители упоминаютъ только какъ бы мимоходомъ въ вопросѣ третьемъ въ ихъ замѣчаніи, что Православная Церковь, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи могла бы своимъ авторитетомъ быть неизмѣнной опорой государства.

Итакъ въ глазахъ людей, близко стоящихъ къ дѣламъ Церкви, къ какимъ, конечно, должны быть отнесены составители Вопросовъ, Русская Церковь является принявшей на себя политическую миссію и нуждается въ освобожденіи отъ нея. Вотъ здѣсь-то очень ярко и обнаруживается наше современное зло и притомъ съ двухъ сторонъ сразу. Выходитъ, что въ Церковь проникла какая-то порча, чуть ли не подмѣна самого идеала, такъ какъ политическая миссія имѣетъ совершенно другія цѣли, чѣмъ церковная. Проникшая же порча къ несчастію успѣла уже настолько подѣйствовать на сознаніе людей и затмить передъ нимъ истинную идею Церкви, что даже люди, близкіе къ Церкви, говорятъ, что Церковь приняла политическую миссію. Какъ же послѣ этого могутъ смотрѣть на Церковь люди невѣрующіе, равнодушные къ ея дѣламъ, а еще тѣмъ болѣе ея враги!

Но въ дѣйствительности, развѣ можно говорить такъ о Православной Церкви? Церковь никогда не принимала на себя политической миссіи и освобождать ее отъ этого нечего. Служеніе же государственнымъ цѣлямъ сочла

возможнымъ взять на себя лишь большая часть духовенства и нѣкоторые синодальные чиновники, а развѣ по отношенію къ духовенству, хотя бы и въ лицѣ его высшихъ іерарховъ, и къ синодальнымъ чиновникамъ можно употреблять слова Православная Церковь. Въ нѣдрахъ же самой Церкви напротивъ почти всегда въ той или другой степени раздавались протестующіе голоса и при томъ преимущественно со стороны мірянъ. Какъ громко и горячо говорили противъ этого, наприм., Ал С. Хомяковъ, Ю. Ф. Самаринъ, И. С Аксаковъ, Вл. С. Соловьевъ и друг., а изъ среды духовенства—нельзя не указать, напримѣръ, на ученаго церковнаго историка протоіерея А. М Иванцова-Платонова, немало осуждавшаго современное ему положеніе церковныхъ дѣлъ. Наконецъ, мы категорически утверждаемъ, что въ русскомъ обществѣ можно было найти тысячи людей, которые глубоко возмущались по выслушаніи или прочтеніи какой-либо статьи или поученія, гдѣ по выраженію Карамзина „языкомъ библейскимъ“ чуть ли не во имя святости Церкви всячески поддерживался существующій политическій строй [1]).

Отсутствіе же открытаго и болѣе активнаго протеста со стороны народа достаточно объясняется прежними условіями русской жизни, подавлявшими всякія стремленія, несогласныя съ желаніями властей, и это отсутствіе отнюдь не можетъ быть разсматриваемо, какъ указаніе, что народъ подобно лицамъ, участвовавшимъ въ церковномъ управленіи, былъ бы доволенъ теченіемъ церковной жизни, соглашался бы со всѣми ихъ распоряженіями и не различалъ бы вкравшееся опасное зло.

Вмѣстѣ съ этимъ, отчужденіе народа отъ дѣлъ церковныхъ, которому немало способствовало и принятіе на себя духовенствомъ служенія государственнымъ цѣлямъ, повело вообще къ затемнѣнію въ сознаніи людей истинной идеи Церкви и часто къ смѣшенію ея съ понятіемъ духовенства.

При изслѣдованіи вопроса о помраченіи въ духовенствѣ пастырскаго идеала, отчужденіи его отъ народа, народа отъ Церкви и затемнѣніи въ сознаніи народа истинной идеи Церкви, этихъ важнѣйшихъ современныхъ золъ, нельзя сваливать такъ много на сложившіяся въ Россіи съ XVIII вѣка строй церковнаго управленія, какъ это принято въ послѣднее время и какъ, повидимому, склонны думать сами составители Вопросовъ. Подобное отношеніе къ дѣлу не оправдывалось бы указаніями исторіи, да пожалуй противорѣчило бы и самому понятію Христіанской Церкви. Какъ бы то ни было, а то или другое государственное положеніе Церкви является для нея все-таки какими-то внѣшними условіями, а неужели же отъ этихъ внѣшнихъ условій—хороши они или плохи—можетъ столь много зависѣть правильность жизни внутри самой Церкви. Если бы это было такъ, то положеніе Церкви во враждебномъ ей мірѣ было бы не очень прочно

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ нами сказано въ кн. „Церковь, Духовенство и Общество“ стр. 28—35.

л, судя по исторіи государственнаго и церковнаго управленія, врата адовы пожалуй могли бы одолѣть Церковь.

Для исправленія указанныхъ золъ нужно прежде всего обратить вниманіе на состояніе церковной жизни, взятой самой по себѣ, независимо отъ отношеній къ ней со стороны государства, и только при этомъ условіи путь реформы можетъ быть намѣченъ прочно и согласно съ его жизненной справедливостью.

Существованіе въ Русской Церкви многихъ недостатковъ и нестроеній, не касающихся однако глубины общецерковнаго самосознанія и идеаловъ, одинаковыхъ у ней съ Церковью Вселенской, должно быть объясняемо главнымъ образомъ причинами, исходящими изъ сферы самой церковной жизни. По нашему убѣжденію, всѣ они, включая и самый строй управленія, сложившійся съ XVIII вѣка, вызваны прежде всего недостаточнымъ проведеніемъ соборнаго начала, въ Русской Церкви совсѣмъ почти подавленнаго еще во времена патріарховъ. Вредъ для Церкви отъ крайней слабости соборнаго начала очень ярко успѣлъ обнаружиться уже при самихъ патріархахъ въ столь печальномъ раздѣленіи въ Русской Церкви, извѣстномъ подъ именемъ старообрядчества.

Если бы соборное начало было жизненно на Руси, если бы духовенство въ лицѣ высшей іерархіи не обособило себя отъ народа и если бы высшая іерархія не сочла себя единственнымъ выразителемъ самосознанія Русской Церкви, то, намъ кажется, едва ли было бы допущено возникновеніе раскола и наложеніе на старообрядцевъ извѣстныхъ клятвъ. В. С. Соловьевъ, этотъ глубокій русскій мыслитель, очень близко принимавшій къ сердцу интересы Церкви, справедливо указываетъ, что русская іерархія со времени патріарха Никона, оставаясь по вѣрѣ и ученью православной, усвоила въ своей дѣятельности стремленія и пріемы, обличающіе чуждый не евангельскій и не православный духъ. Духовная власть стала признаваться, какъ принципъ и цѣль сама по себѣ, съ забвеніемъ, что авторитетъ и права духовной власти прямо зависятъ отъ вѣрнаго ея служенія правдѣ Божіей и суть естественное слѣдствіе и принадлежность такого служенія. „Вмѣсто того, чтобы поучать и руководить мірское правительство въ истинномъ служеніи Богу и землѣ, іерархія, по замѣчанію В. С. Соловьева, сама какъ бы пошла въ услуженіе къ этому правительству. Сначала, при Никонѣ, она тянулась за государственною короною, потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и, наконецъ, принуждена была надѣть государственный мундиръ“ [1]).

Такое антисоборное и даже антипастырское отношеніе къ дѣламъ церковнымъ со стороны іерархіи, въ связи съ ея нерасположеніемъ къ реформамъ Петра I, дѣйствительно, и поколебало духовный авторитетъ іерархіи въ глазахъ Петра, а затѣмъ и въ глазахъ передового русскаго общества, при чемъ обстоятельство это глубоко повліяло и на самую церковную реформу Преобразователя Россіи. Ненормальное положеніе, занятое іерархіей въ дѣлахъ церковныхъ,

[1]) Полное собраніе сочиненій т. III. О духовной власти въ Россіи.

стало возбуждать отчужденіе ея отъ народа, и это отчужденіе, начиная съ XVIII вѣка, все болѣе и болѣе усиливалось. [1]).

На все это въ Вопросахъ нѣтъ даже и намека. Такимъ образомъ, въ нихъ оставлены безъ вниманія первыя и главныя причины неправильностей, вкравшихся въ церковную жизнь, а потому и намѣчаемый въ нихъ путь реформъ является ненадежнымъ и несоотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ нуждамъ Церкви.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду преимущественно три первыхъ вопроса. Слѣдующіе два, 4-й и 5-й, еще болѣе подтверждаютъ сказанное.

Въ вопросѣ пятомъ, составители подъ вліяніемъ все того же оправданія необходимости церковныхъ преобразованій измѣненіемъ положенія иновѣрныхъ общинъ указываютъ, что духовныя лица этихъ общинъ, какъ избранные ихъ членами, должны имѣть особый авторитетъ и при всѣхъ обстоятельствахъ не только чисто церковной, но и общественной жизни окажутся естественными представителями своихъ общинъ и ходатаями за нихъ передъ правительствомъ. Такое положеніе духовенства отдѣлившихся отъ Церкви обществъ представляется составителямъ заслуживающимъ подражанія и для Православной Церкви, и потому они сочли нужнымъ поставить при проведеніи въ ней реформы вопросъ, не слѣдуетъ ли распространить на православныхъ священниковъ права быть непремѣнными членами общественно-государственныхъ учрежденій въ ихъ приходахъ (въ случаѣ возстановленія прихода, какъ земской единицы), участвовать въ мірскомъ сходѣ, и быть представителями общины передъ властями при желаніи послѣдней?

Очень многія религіозныя общины особенно сектантскія, какъ извѣстно, возникли и развились не столько на почвѣ удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей, сколько подъ вліяніемъ протеста противъ окружающаго или какихъ-либо другихъ болѣе мірскихъ цѣлей. Поэтому не удивительно, что ихъ духовные наставники оказываются съ двойнымъ авторитетомъ. Но какимъ же образомъ возможно желать распространенія этого и на православное духовенство, призванное къ проповѣданію христіанства ради заключающейся въ немъ высшей истины и дѣйствующей въ человѣчествѣ своей внутренней, духовной силой! Если въ настоящее время духовенство подорвало своей авторитетъ въ качествѣ служителей Божіихъ, то неужели возстановленію нужнаго для духовенства авторитета можетъ помочь участіе его въ дѣлахъ общественно-государственныхъ, да еще какъ представителей общинъ? Не будетъ ли это скорѣе новое вовлеченіе духовенства въ служеніе политическимъ цѣлямъ, но только подъ иной реформой!. Участіе въ общественно-государственной жизни, особенно когда къ ней призванъ весь народъ, не можетъ не считаться съ образованіями разныхъ партій и необходимости присоединенія къ тѣмъ или другимъ, а все это легко можетъ вовлечь и въ самую борьбу партій съ ея нерѣдко очень сильнымъ разгаромъ человѣческихъ страстей. Кромѣ того при усложненіи общественной жизни плодо-

[1]) „Церковь, Духовенство и Общество". глава II, стр. 15 – 25.

творное участіе въ ней требуетъ немалой затраты энергіи, большого вниманія и трудовъ и при томъ на дѣла чисто мірскія. И вотъ толкать на подобную дѣятельность духовенство значитъ поставить его въ крайне опасныя условія, при которыхъ не только можетъ быть омрачено его самосознаніе, какъ христіанскихъ пастырей, и отвлечены его силы и вниманіе отъ высшаго служенія, но и самый авторитетъ его будетъ подверженъ всѣмъ случайностямъ партійной борьбы.

При столь близкомъ вмѣшательствѣ въ интересы обыденной, мірской жизни очень возможно, что въ русскомъ духовенствѣ человѣкъ-пастырь будетъ убитъ не только человѣкомъ-гражданиномъ, но и человѣкомъ партіи.

Кто близко соприкасается уже съ теперешней окружающей жизнью, тотъ легко убѣдится, что даже человѣку мірскому, желающему работать на пользу интересовъ религіозныхъ и церковно-общественныхъ, возвышающихся надъ цѣлями партій и долженствующихъ захватывать всѣ партіи, необходимо стоять внѣ политическихъ партій, а еще тѣмъ болѣе вмѣшиваться въ ихъ борьбу. Во сколько же разъ подобное положеніе нужнѣе для духовенства, которое призвано возстановлять въ людяхъ образъ Божій, лежащій въ душѣ глубже всякихъ партійныхъ интересовъ!

Такимъ образомъ, помѣщеніе разсматриваемаго вопроса въ намѣчаемой программѣ церковныхъ преобразованій нужно признать не только излишнимъ, но и подрывающимъ самую программу.

Ужъ если дѣйствительно руководствоваться положеніемъ инославныхъ общинъ, то гораздо согласнѣе было бы съ духомъ Православной Церкви и для нея выдвинуть вопросъ объ избраніи духовенства народомъ, на что составители вопросовъ, вѣроятно, и обратили бы вниманіе, если бы обосновали всю реформу на необходимости возстановленія соборнаго начала. Активное участіе народа въ избраніи наставниковъ, конечно, способствуетъ ихъ вліянію среди инославныхъ общинъ. При существованіи же въ Русской Церкви значительнаго разъединенія духовенства и народа, всѣмъ занимающимся дѣломъ реформы необходимо очень серьезно подумать именно о выборномъ духовенствѣ... Объ этомъ скажемъ еще нѣсколько словъ ниже, когда будемъ говорить о приходѣ.

Не менѣе возбуждаетъ недоумѣнія и вопросъ пятый Здѣсь признается нужнымъ, чтобы голосъ Церкви болѣе былъ слышенъ въ государственномъ управленіи, которое принципіально призываетъ на себя благословеніе Церкви, и чтобы государственные сановники могли непосредственно отъ полномочныхъ представителей Церкви знать ея взглядъ на тотъ или иной предметъ и слышать ходатайства о церковныхъ нуждахъ и потребностяхъ. Поэтому составители поднимаютъ вопросъ: не желательно ли и при томъ немедленно предоставить высшимъ лицамъ изъ іерархіи участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и другихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ?

Едва ли кто будетъ спорить, что государственное управленіе призвано нормировать иной порядокъ человѣческой жизни и иными средствами, чѣмъ Хри-

стіанская Церковь. Различіе между тѣмъ и другимъ часто такъ велико, что для Церкви самое лучшее вовсе не вмѣшиваться въ дѣла государственныя, а не могъ бы, наприм., высказать голосъ Церкви, остающійся вѣрнымъ христіанскимъ цѣлямъ, по вопросамъ о введеніи винной монополіи и объ интересахъ акцизнаго вѣдомства, объ усиленіи милитаризма, о выгодѣ захватить чужую территорію и т. п. Въ подобныхъ дѣлахъ голосъ Церкви долженъ былъ бы дискредитировать или государство, или самого себя. Указаніе на принципіальное будто бы призываніе государственнымъ управленіемъ благословенія Церкви вовсе не достаточно для оправданія необходимости введенія ея голоса въ государственное управленіе. Мало ли кто и на что, на протяженіи человѣческой исторіи, призывалъ благословеніе Церкви, а она или вовсе не давала его, или, давая, подрывала свое же собственное значеніе. Поэтому во избѣжаніе двойного соблазна и относительно Церкви и относительно государства слѣдуетъ желать, чтобы голосъ Церкви не слышался въ государственномъ управленіи.

Или можетъ быть подъ голосомъ Церкви «Вопросы» разумѣютъ голосъ собственно духовенства, но такое предположеніе не допустимо. Смѣшать то и другое понятіе было бы непростительно въ виду уже одной важности намѣчаемой церковной реформы!

Но если имѣть въ виду участіе въ государственныхъ учрежденіяхъ собственно духовенства, то вопросъ объ этомъ возбуждался и ранѣе. Извѣстно, что еще въ царствованіе Александра II одинъ изъ русскихъ архіереевъ, епископъ Вятскій Агафангелъ, подалъ Государю записку о преобразованіи Св. Синода. Обращая вниманіе на отсутствіе въ Русской Церкви живой дѣятельности и благихъ предпріятій и на какую-то нравственную дисгармонію жизни и дѣятельности съ своимъ долгомъ въ духовенствѣ, епископъ находилъ причину этого въ устройствѣ Синода. Какъ средство исправить это, епископъ предлагалъ назвать Св. Синодъ „Святѣйшимъ правительствующимъ постояннымъ всероссійскимъ соборомъ“ и составить его изъ 16 членовъ, изъ которыхъ одинъ будетъ первенствующимъ, 11 завѣдующихъ управленіями по назначенію Синода, а 4 безъ управленія въ качествѣ совѣтниковъ, судей и наблюдателей за всѣми дѣлами. Эти-то послѣдніе въ качествѣ представителей собора должны были засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ Министровъ, но только при слушаніи въ нихъ дѣлъ духовнаго управленія или дѣлъ смѣшанныхъ, касающихся какъ гражданскаго, такъ и духовнаго вѣдомства [1]).

Такимъ образомъ русскій епископъ не считалъ, что его собратья, засѣдающіе въ государственныхъ учрежденіяхъ, будутъ выражать въ нихъ голосъ Церкви, а могутъ быть разсматриваемы только, какъ представители Синода и, конечно, духовенства, и при томъ самое присутствіе ихъ нужно лишь по дѣламъ духовнымъ. Съ такимъ ограниченіемъ, допущеніе архіереевъ въ государственныя учрежденія еще понятно, но и то оно встрѣчаетъ небезосновательныя

---

[1]) Т. В. Барсовъ. Святѣйшій Синодъ въ его прошломъ. Спб. 1895 года.

возраженія со стороны Московскаго митрополита Филарета, едва ли менѣе другихъ епископовъ способнаго разбираться въ подобныхъ вопросахъ. Филаретъ справедливо не находилъ русскихъ епископовъ достаточно подготовленными къ серьезному обсужденію государственныхъ дѣлъ, а безъ этого участіе епископовъ только дискредитировало бы ихъ въ общественномъ мнѣніи. Кромѣ того, вообще голосъ 3—4 епископовъ можетъ легко затеряться въ массѣ другихъ голосовъ Государственнаго Совѣта, а между тѣмъ епископамъ пришлось бы принять на себя отвѣтственность за рѣшеніе дѣлъ и подвергаться излишней критикѣ. Наконецъ, участіе отдѣльныхъ епископовъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ могло-бы ослабить значеніе Синода въ дѣлахъ церковныхъ. — Если бы Государственному Совѣту оказалось нужнымъ услышать мнѣніе Синода, то для этой цѣли, по убѣжденію Филарета, всего удобнѣе могли бы служить соединенныя совѣщанія Синода и Государственнаго Совѣта на равныхъ правахъ, съ сохраненіемъ ихъ цѣлости и взаимной независимости, какъ это было предположено еще самимъ Петромъ Великимъ въ формѣ конференцій Синода и Сената.

Соображенія Филарета едва-ли не заслуживаютъ полнаго вниманія и во всякомъ случаѣ нуждаются въ серьезномъ опроверженіи.

Вопросъ пятый, повидимому, поставленъ исключительно подъ вліяніемъ мысли, что все зло въ Русской Церкви происходитъ отъ близкаго участія государства въ ея дѣлахъ, и что участіе это, въ лицѣ свѣтскихъ чиновниковъ, нужно всячески вытравлять и возможно болѣе ослабить его даже въ дѣлахъ, поступающихъ на разсмотрѣніе чисто государственныхъ учрежденій. Между тѣмъ при соборности въ Церкви и живомъ отношеніи къ ея дѣламъ всѣхъ членовъ отстаиваніе церковныхъ интересовъ при обсужденіи въ высшихъ учрежденіяхъ дѣлъ, связанныхъ съ интересами государства, всего удобнѣе и полезнѣе для Церкви поручить именно людямъ свѣтскимъ, стоящимъ на высотѣ пониманія церковныхъ и государственныхъ интересовъ въ ихъ взаимодѣйствіи.

Составители «Вопросовъ о желательныхъ преобразованіяхъ» въ числѣ семи, конечно, имѣли въ виду выдвинуть лишь главные и существенные для Православной Церкви и включать сюда такіе, какъ 4-й и 5-й, едва ли вызывалось важными интересами и потребностями Церкви.

Переходя къ вопросу шестому, мы опять должны занимать вниманіе читателей тѣмъ, что во всякомъ случаѣ имѣетъ второстепенное значеніе для Церкви, при чемъ и правильное разрѣшеніе этого гораздо удобнѣе по совершеніи основныхъ преобразованій. Теперь составители поднимаютъ вопросъ о правѣ Церкви на собственность и о порядкѣ ея пріобрѣтенія и пользованія, и считаютъ нужнымъ заняться имъ немедленно, не ожидая, очевидно, проведенія всей реформы. „Къ этому ихъ привело убѣжденіе, что для развитія приходской благотворительности и вообще для оживленія прихода и правильной организаціи приходской жизни было бы весьма важно признать приходъ юридическимъ лицомъ съ правомъ собственности, что давало бы приходской организаціи устойчивость и средства матеріальныя“.

Даже съ юридической точки зрѣнія, не говоря уже о нравственной, совершенно непонятно, какимъ образомъ признаніе прихода лицомъ юридическимъ, т.-е. образованіе изъ него субъекта правъ въ обыкновенныхъ гражданскихъ отношеніяхъ, поведетъ къ развитію въ приходѣ любви къ ближнимъ въ формѣ благотворительности, къ оживленію прихода и правильной и устойчивой организаціи его жизни. Понятіе юридическаго лица есть чисто правовое, и оно дѣйствительно можетъ быть прилагаемо къ разнымъ организаціямъ, въ которыхъ, однако, уже съ самаго начала существуетъ ясное и сознательное соглашеніе человѣческихъ воль, направленныхъ къ опредѣленной цѣли. Это соглашеніе воль и представляетъ изъ себя жизненный цементъ данной организаціи, а признаніе ея юридическимъ лицомъ лишь помогаетъ отличать ее во внѣшнемъ мірѣ, какъ субъекта правъ. Если соглашеніе воль потеряетъ силу, то организацію не спасутъ права ея, какъ юридическаго лица. Такимъ образомъ, поскольку люди, какъ члены организаціи, дѣйствуютъ на служеніе ей, въ пользу ея цѣлей, они и порождаютъ общую жизнь, отличную отъ ихъ индивидуальной, и только при этомъ условіи къ ней приложимо и понятіе юридическаго лица.

Нашъ же приходъ находится въ состояніи не только безжизненности, но и распаденія. Между духовенствомъ и мірянами полное разъединеніе. Духовенство потеряло авторитетъ въ качествѣ служителей Божіихъ. Міряне равнодушны къ дѣламъ Церкви, и весь русскій церковный строй какъ бы разсчитанъ на лишеніе мірянъ активнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, съ возведеніемъ для нихъ чуть ли не въ главную заповѣдь: повиноваться всѣмъ словамъ и распоряженіемъ духовныхъ властей. Въ приходѣ не усматривается не только никакого соглашенія воль, направленныхъ къ достиженію церковныхъ цѣлей, но даже и самаго сознанія такой необходимости, а при этихъ условіяхъ,—что же будетъ достигнуто признаніемъ прихода юридическимъ лицомъ. И странно начинать дѣло обновленія прихода именно съ этого! Не признаніе прихода юридическимъ лицомъ съ имущественными правами сообщитъ ему устойчивость организаціи и единеніе въ преслѣдованіи церковныхъ цѣлей, а, наоборотъ, нравственное объединеніе прихожанъ и духовенства на почвѣ служенія Церкви должно повести къ оживленію прихода и устойчивости его организаціи, и тогда уже дѣйствительно можетъ потребоваться признаніе прихода лицомъ юридическимъ.

Ужъ если заводить рѣчь о мѣрахъ къ возрожденію прихода, то правильнѣе было бы, какъ мы уже замѣчали, выдвинуть вопросы, глубже касающіеся приходской жизни, напримѣръ, о выборномъ духовенствѣ и вообще о привлеченіи мірянъ къ болѣе активному участію въ дѣлахъ церковныхъ. Жизнь прихода должна протекать при взаимообщеніи духовенства и мірянъ. Міряне же должны измѣнить свое равнодушное отношеніе къ дѣламъ церковнымъ. И вотъ для скрѣпленія связей духовенства съ свѣтскимъ обществомъ и пробужденія въ послѣднемъ церковныхъ интересовъ при современныхъ условіяхъ, повидимому, необходимо именно предоставить приходу право избранія духовныхъ лицъ, а мірянамъ вообще доставить возможность дѣятельнаго участія въ какомъ-либо

учрежденіи въ родѣ приходскаго совѣта, завѣдующаго дѣлами прихода. Къ постановкѣ вопроса о выборномъ духовенствѣ и немедленномъ его осуществленіи было тѣмъ болѣе основаній, что участіе мірянъ въ избраніи духовныхъ лицъ было уничтожено сравнительно недавно и практиковалось даже по учрежденіи Св. Синода до самаго конца XVIII столѣтія, такъ что его нужно только возстановить. Указомъ Св. Синода отъ 23-го февраля 1722 года постановлено, что на освобождающіяся священническія и діаконскія мѣста новыхъ лицъ необходимо избирать всѣмъ прихожанамъ и «подавать объ нихъ выборы за своими руками». Въ 1737 году 15-го марта указъ этотъ былъ подтвержденъ, и въ такомъ положеніи дѣло оставалось, повидимому, до самаго конца XVIII вѣка, когда по причинамъ, не имѣющимъ къ приходской и даже церковной жизни вообще никакого отношенія, порядокъ этотъ вдругъ былъ отмѣненъ. Въ 1797 году послѣдовало Высочайшее запрещеніе принимать прошенія со многими подписями. По полученіи увѣдомленія объ этомъ со стороны Сената Св. Синодъ нашелъ, что запрещеніе это должно простираться и на прошенія, подаваемыя архіереямъ прихожанами при избраніи ими духовныхъ лицъ, гдѣ обыкновенно бываетъ много подписей. Поэтому Св. Синодъ постановилъ, чтобы прошенія объ опредѣленіи на духовныя мѣста принимаемы были лишь за подписью однихъ «желающихъ поступить въ священно и церковнослужительскіе чины съ приложеніемъ отъ прихожанъ одобреній о честномъ ихъ поведеніи» [1]).

Вотъ между прочимъ очень характерный случай изъ дѣятельности церковнаго управленія въ Россіи! Просто не вѣрится, чтобы порядки церковной жизни находились у насъ въ зависимости отъ столь случайныхъ и совершенно посторонних для Церкви обстоятельствъ, и чтобы подъ ихъ вліяніемъ призванный блюсти интересы Церкви Св. Синодъ могъ такъ легко измѣнять далеко не безразличные для церковной жизни порядки. Но, можетъ быть, Св. Синодъ и высшіе іерархи, будучи недовольны подобнымъ участіемъ прихожанъ въ избраніи духовенства, просто воспользовались удобнымъ предлогомъ къ его уничтоженію. Но въ такомъ случаѣ полнаго удивленія заслуживаютъ поводы, принятые Св. Синодомъ, и чѣмъ-то тяжелымъ, какимъ-то нецерковнымъ духомъ отзывается игнорированіе Синодомъ голоса народа при отнятіи у него имъ же самимъ признанныхъ правъ.

Послѣ такого распоряженія, въ послѣдующихъ узаконеніяхъ было уже легко вовсе уничтожить какое бы то ни было участіе народа при избраніи духовенства. По закону 6-го декабря 1829 года объ улучшеніи состоянія духовенства и по Уставу Духовныхъ Консисторій 27-го марта 1841 года назначенія на священнослужительскія должности становятся непосредственнымъ дѣломъ епархіальныхъ архіереевъ.

---

[1]) Срав. А. А. Папковъ. Начало возрожденія церковно-приходской жизни въ Россіи. Москва. 1900 г.

Итакъ вопросъ о выборномъ духовенствѣ далеко не чуждъ Русской Церкви, даже въ періодъ теперешняго ея управленія, и о немъ не слѣдовало умалчивать при мысли о возрожденіи прихода.

Между тѣмъ включеніе въ программу основныхъ преобразованій пересмотра существующихъ имущественныхъ правъ Церкви едва ли соотвѣтствуетъ ея современнымъ потребностямъ. Вопросъ этотъ преимущественно государственный. Онъ имѣетъ за собой длинную исторію, и въ ней можно найти для него много готовыхъ рѣшеній въ томъ или иномъ направленіи. Въ Россіи онъ и въ настоящее время разрѣшенъ достаточно благопріятно для Церкви. Составители, повидимому, не одобряютъ, что пріобрѣтеніе Церковью собственности, даже по завѣщанію, нуждается въ Высочайшемъ соизволеніи. Но неужели же можно требовать, чтобы пріобрѣтеніе Церковью собственности, да еще недвижимой, происходило безъ всякаго контроля государства. Исторія русская и другихъ странъ уже достаточно засвидѣтельствовала, что въ рукахъ духовенства и церковныхъ учрежденій мало-по-малу легко могутъ оказаться огромныя земельныя и всякія имущества, и для этого особенно часто служатъ отказы именно путемъ духовныхъ завѣщаній. Грѣшный человѣкъ при мысли о смерти естественно желаетъ какъ-либо загладить грѣхи своей жизни, и вотъ нерѣдко тщательно поддерживаемыя духовенствомъ надежды на улучшеніе загробнаго состоянія при передачѣ имущества на духовенство или Церковь заставляютъ немалое число людей писать на нихъ свои духовныя завѣщанія. Скопленіе же въ Церкви большихъ богатствъ въ формѣ недвижимой собственности можетъ вредно отражаться и на самой церковной жизни и причинять прямой ущербъ интересамъ государственнымъ Имущества эти между прочимъ выходятъ изъ общегражданскаго оборота, выгоднаго для государства, и поступаютъ, какъ принято говорить, ad manum mortuam. Поэтому государства уже давно вынуждены были издавать такъ называемые leges amortisationis, ограничивающіе въ тѣхъ или иныхъ предѣлахъ пріобрѣтеніе собственности Церковью.

Дѣйствующій законъ о переходѣ къ Церкви недвижимости лишь съ Высочайшаго разрѣшенія подготовлялся еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ, къ церковному строю которыхъ составители, повидимому, склонны питать симпатію. Не мѣшало бы, напр., вспомнить, что еще духовный соборъ 1551 года постановилъ, что архіепископы, епископы и монастыри не должны покупать вотчинъ безъ доклада Государю подъ опасеніемъ «отнятія вотчины и покупныхъ денегъ на Государя»; кромѣ того, соборъ прямо высказалъ, что не должно принимать въ монастыри вотчины на вѣчный поминъ души безъ разрѣшенія Государя подъ угрозою обращенія ихъ въ собственность Государя. Извѣстно, что соборъ 1581 года пошелъ въ этомъ направленіи еще далѣе. На поминъ души монастырямъ дозволялось теперь принимать лишь деньги, а не вотчины. Покупка же и закладъ вотчинъ церковными учрежденіями вовсе воспрещалась, и только для бѣдныхъ монастырей былъ оставленъ единственный способъ пріобрѣтенія

вотчинъ—пожалованіе Государя, по приговору соборовъ и бояръ [1]). Здѣсь можно было бы привести еще разныя узаконенія временъ Іоанна IV и Алексѣя Михайловича, которые находятся въ большемъ или меньшемъ согласіи съ постановленіями указанныхъ духовныхъ соборовъ, но для нашихъ цѣлей, полагаемъ достаточно и сказаннаго. Существующій же порядокъ пріобрѣтенія Церковью собственности, предписывающій полученіе Высочайшаго соизволенія, да и то лишь на переходъ недвижимаго имущества, по крайней мѣрѣ, за послѣднее время нисколько не препятствовалъ Церкви увеличивать свою недвижимую собственность. Словомъ вопросъ шестой и въ этомъ отношеніи является излишнимъ.

Самымъ важнымъ въ ряду всѣхъ вопросовъ нужно признать послѣдній, седьмой, въ которомъ, наконецъ, хотя и неопредѣленно, но все-таки идетъ рѣчь о самомъ церковномъ строѣ. Признавая благодѣтельнымъ возрожденіе прихода вообще, составители считаютъ его возможнымъ лишь при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, когда разсмотрѣніе многихъ дѣлъ будетъ перенесено изъ центра въ области и епархіи. Но такая постановка дѣла едва ли справедлива. Повидимому, самая децентрализація управленія только тогда можетъ принести много пользы, когда она застанетъ приходъ уже въ качествѣ живой ячейки русской церковной жизни, способной внести собой оживленіе въ епархію, а черезъ нея и въ область. Наше епархіальное управленіе почти такъ же мертво и далеко отъ интересовъ окружающей жизни, какъ и центральное. И сначала удобнѣе, да и необходимо постараться возбудить жизнь, такъ сказать, въ органическихъ клѣткахъ епархій—приходскихъ общинахъ. Сами составители какъ бы выдѣляютъ нѣкоторые вопросы и предлагаютъ разрѣшить ихъ теперь же, очевидно считая, что при благопріятномъ ихъ рѣшеніи они облегчатъ проведеніе всей реформы. И вотъ намъ кажется, что дѣлу церковныхъ преобразованій много помогло бы не немедленное разсмотрѣніе вопроса о допущеніи архіереевъ въ Государственный Совѣтъ и о расширеніи имущественныхъ правъ Церкви, а именно немедленное обсужденіе способовъ оживленія прихода. Къ церковной реформѣ нужно возможно скорѣе приступить, начиная съ прихода, и прежде всего постараться провести соборное начало въ жизнь прихода. Иначе, повидимому, будетъ трудно совершить дѣло реформы вполнѣ соборнымъ образомъ, какъ того требуетъ идея и благо Православной Церкви.

Необходимость децентрализаціи и измѣненія государственнаго положенія Церкви приводятъ составителей къ мысли и о необходимости пересмотра церковнаго строя. Кромѣ того, здѣсь же упоминается о настоятельной потребности пересмотра церковнаго суда, правъ епархіальныхъ съѣздовъ, участія въ нихъ мірянъ, какъ представителей приходовъ и мн. др Вопросы, какъ видимъ, начинаютъ уже нагромождаться одинъ на другой и во всѣхъ нихъ, какъ и разсмотрѣнныхъ ранѣе, нельзя уловить какую-либо связывающую ихъ общую идею.

---

[1]) Приведено у М. Горчакова. Монастырскій приказъ Спб. 1868 г. Глава III.

Съ какой главной цѣлью поставлены всѣ семь вопросовъ, и почему должно заниматься на первыхъ порахъ именно ими,— остается неяснымъ. Поэтому-то коренной вопросъ всей реформы—преобразованіе церковнаго строя въ „Вопросахъ“ какъ-то ступевывается и недостаточно ярко обоснованъ и отмѣченъ. Если-бы исходной точкой являлось для составителей отсутствіе соборнаго начала въ Русской Церкви и необходимость его возстановленія, то и вопросы и самая ихъ группировка, вѣроятно, вышла бы иная, болѣе соотвѣтствующая нуждамъ Церкви, и тогда введеніе соборнаго начала было бы положено во главѣ угла, а безъ этого реформа будетъ носить характеръ лишь частичной и второстепенной и не исправитъ главнаго зла, уже давно разлагающаго русскую церковную жизнь и угрожающаго подорвать въ народѣ самое вліяніе Православной Церкви.

Обращая вниманіе, что всѣ выставленные вопросы тѣсно соприкасаются съ интересами общегосударственными и законодательствомъ, составители считаютъ для вполнѣ компетентнаго и окончательнаго рѣшенія ихъ нужнымъ образовать церковное совѣщаніе. Поэтому они возбуждаютъ вопросъ о благовременности теперь представить Государю Императору о настоятельной необходимости особаго совѣщанія изъ представителей іерархіи и съ участіемъ свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ, которое и должно заняться пересмотромъ церковнаго управленія и выработкой проекта необходимыхъ въ немъ преобразованій.

Такой порядокъ проведенія церковной реформы былъ бы достаточно надеженъ, если, конечно, дѣло не ограничилось бы однимъ церковнымъ совѣщаніемъ, и само совѣщаніе получило бы нѣсколько иной составъ, чѣмъ рекомендуютъ составители, образованное изъ представителей іерархіи по назначенію совѣщаніе не могло бы считаться выраженіемъ голоса всѣхъ іерарховъ. Привлеченіе же къ участію только свѣдущихъ лицъ изъ духовенства и мірянъ нисколько не гарантировало бы, что въ совѣщаніи болѣе или менѣе достаточно обнаружится и церковное самосознаніе народа. Мы всѣ по многочисленнымъ примѣрамъ хорошо знаемъ, что представляютъ изъ себя обыкновенно свѣдущіе люди, приглашаемые при бюрократическихъ рѣшеніяхъ дѣлъ. Протекція, случайное знакомство съ предсѣдателемъ комиссіи, труды изъ исторіи прежнихъ временъ, въ лучшемъ случаѣ могущіе служить лишь хорошей исторической справкой,—да и знакомые предсѣдателю нерѣдко лишь по слухамъ,—вотъ что рѣшаетъ обыкновенно приглашеніе свѣдущихъ лицъ. Между тѣмъ въ такое важное для направленія всей реформы совѣщаніе, которому предстоитъ разработать самый проектъ необходимыхъ преобразованій и отмѣтить вопросы, выдвигаемые самой жизнью, должны войти люди, прежде всего хорошо понимающіе жизнь, горячо преданные интересамъ Церкви и способные достаточно ярко отражать въ себѣ современное церковное самосознаніе. Подобныхъ же людей всего лучше можетъ отыскать самъ народъ въ соединеніи съ духовенствомъ по предоставленіи ему права выбора ихъ по приходамъ и епархіямъ. Вслѣдствіе существовавшаго у насъ режима, подавлявшаго всякое несогласное съ нимъ слово и мысль и захватившаго собой и область церковной жизни, многіе люди, спо-

собные принести пользу при разрѣшеніи дѣлъ церковныхъ, остаются извѣстными пока лишь въ самыхъ малыхъ кругахъ, и о нихъ не имѣютъ понятія не только центральное церковное управленіе, но даже и мѣстные архіереи. Составители вѣдь сами признаютъ, что вопросы преобразованія церковнаго строя тѣсно связаны съ общегосударственными, а потому слѣдовало бы сильнѣе подчеркнуть, что въ совѣщаніе вмѣстѣ съ іерархами, всегда мало знакомыми съ вопросами государственными, должны быть допущены и міряне въ качествѣ его членовъ. а не только свѣдущихъ людей. Дѣло церковной реформы, конечно, не можетъ ограничиться разсмотрѣніемъ его въ совѣщаніи, но затѣмъ должно быть предоставлено на рѣшеніе общаго Помѣстнаго Собора Русской Церкви, для котораго совѣщаніе должно выполнить лишь всѣ подготовительныя работы.

Въ «Вопросахъ», какъ видимъ, нѣтъ ни слова о Помѣстномъ Соборѣ. Трудно думать, чтобы составители не считали его необходимымъ. Остается предполагать, что они просто не хотѣли касаться этого. Но въ такомъ случаѣ нужно признать, что въ «Вопросахъ» дѣло реформы намѣчено не до конца, и въ нихъ не указанъ ея важнѣйшій и главный моментъ.

Мысль о необходимости немедленнаго образованія общецерковнаго совѣщанія на болѣе широкихъ и жизненныхъ началахъ возникла въ обществѣ въ Москвѣ еще въ мартѣ нынѣшняго года, совершенно независимо отъ «Вопросовъ», и въ настоящее время она встрѣчаетъ все большее и большее сочувствіе. Вотъ, между прочимъ, примѣръ, что русское общество не менѣе составителей «Вопросовъ» способно понимать потребности церковной жизни, и вообще игнорировать его голосъ въ предстоящей сложной церковной реформѣ было бы прямо преступно. Болѣе другихъ на вопросѣ о совѣщаніи останавливаетъ вниманіе М. А. Новоселовъ, который считаетъ нужнымъ организовать „Соборное Подготовительное Совѣщаніе“ изъ епископовъ, архимандритовъ, настоятелей лучшихъ монастырей, священниковъ сельскихъ и городскихъ и ревнующихъ о благѣ Церкви мірянъ. Совѣщаніе это должно быть поставлено внѣ вѣдомствъ, въ непосредственномъ сношеніи съ Верховной властью и русскими епископами и съ правомъ сноситься со всѣми вѣдомствами и получать отъ нихъ нужныя свѣдѣнія [1]).

Дѣйствительно, въ виду крайней важности, сложности и многочисленности вопросовъ, которые, повидимому, предстоитъ обсуждать будущему Помѣстному Собору, безъ достаточно компетентнаго и независимаго отъ всякихъ посторонникъ вліяній подготовительнаго совѣщанія обойтись невозможно. Иначе Соборъ, который не можетъ же продолжаться слишкомъ долго, легко будетъ поставленъ въ невѣроятныя затрудненія и прямо можетъ не разобраться въ массѣ предстоящей ему серьезной и трудной работы.

---

[1]) О возрожденіи Русской Церкви. Вышній Волочекъ, 1905 г., стр. 85.

ГЛАВА II.

Записка Предсѣдателя Комитета Министровъ: „О современномъ положеніи Православной Церкви". Характеръ ея Недостаточная разработка вопросовъ реформы и неправильная тенденція ея относительно церковнаго строя XVI и XVII вѣка. Возраженіе на эту Записку Оберъ-прокурора св. Синода подъ названіемъ: Соображенія Статсъ-секретаря Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви. Отношеніе этого возраженія къ дѣлу церковныхъ преобразованій Указаніе черезъ него важнаго недостатка церковнаго управленія, отсутствія живого участія народа. Объясненіе на соображенія Побѣдоносцева со стороны Предсѣдателя Комитета Министровъ подъ названіемъ: „По поводу Соображеній Статсъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Главная задача объясненія—полемика съ Соображеніями К. П. Побѣдоносцева. Пріемы его при выясненіи важныхъ вопросовъ церковныхъ преобразованій. Отношеніе объясненія къ вопросу о церковномъ сознаніи

Само Особое Совѣщаніе при Комитетѣ Министровъ, для котораго и предназначались Вопросы, нашло ихъ недостаточно исчерпывающими задачу церковной реформы, и Предсѣдатель совѣщанія отъ себя представилъ Записку подъ названіемъ: „О современномъ положеніи Православной Церкви". Записка во многихъ отношеніяхъ старается поставить дѣло реформы шире и болѣе согласно съ требованіями жизни, чѣмъ это сдѣлано въ Вопросахъ. „Но къ сожалѣнію, записка носитъ на себѣ ясные слѣды бюрократическаго изготовленія и въ руководство при обсужденіи реформы принята быть не можетъ.

При необходимости разрѣшить какой-либо вопросъ въ нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ обыкновенно прибѣгали къ составленію особой записки; которой и пользовались для уясненія вопроса. Высшее начальство милостиво поручало кому-либо изъ подчиненныхъ или вообще желающихъ отличиться чиновниковъ приготовить записку въ извѣстномъ духѣ. И вотъ изъ цѣлаго моря литературы авторъ, едва ли хоть немного интересующійся предметомъ ради него самого, но подчиненный начальству и въ своихъ взглядахъ, старался обыкновенно понахватать разныхъ свѣдѣній и положеній, откуда придется, не разбирая ни достоинства литературы и не считаясь съ критикой, идущей со стороны другихъ направленій, лишь бы приготовить записку въ извѣст-

номъ вкусѣ. Успѣхъ же записки нерѣдко щедро оплачивался за казенный счетъ то повышеніемъ по службѣ, то давно желаннымъ орденомъ и т. п.

Нѣчто подобное, повидимому, имѣло мѣсто и при составленіи разсматриваемой Записки. Она не могла быть написана человѣкомъ всесторонне знакомымъ съ предметомъ и отдающимъ себѣ ясный отчетъ въ потребностяхъ церковной жизни.

Съ точки зрѣнія внутренняго единства и всесторонняго освѣщенія вопроса Записка оказывается сшитой на живую нитку изъ разныхъ обрывковъ фактовъ, положеній и выводовъ, въ извѣстномъ направленіи заимствованныхъ у разныхъ лицъ, не останавливаясь даже передъ газетными замѣтками. Правда, большая часть выхваченныхъ авторомъ выводовъ и положеній являются справедливыми, но все же они, какъ относящіеся въ дѣйствительности только къ какой-либо части вопроса или какъ отдѣльныя мнѣнія, при уясненіи предмета въ его цѣломъ нуждались бы не въ одномъ искусственномъ перечисленіи, а въ одной общей логической почвѣ и обоснованіи себя другъ другомъ.

Изложить высказанное нами по поводу „Вопросовъ“ мы считали небезполезнымъ въ виду того, что Вопросы являются документомъ, исходящимъ со стороны духовной власти и долженствовавшимъ направить вниманіе членовъ Особаго Совѣщанія на главныя и истинныя нужды Церкви, и кромѣ того они оказали вліяніе и на содержаніе Всеподданнѣйшаго доклада св. Синода, который разсмотримъ ниже. Останавливаться же много на Запискѣ мы не будемъ. Въ ней слишкомъ мало оригинальнаго и схваченнаго, такъ сказать, изъ самой жизни, а не изъ разныхъ книгъ. Подробный разборъ ея прямо повелъ бы къ обсужденію тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ она заимствована, а это уже излишне для нашей цѣли. Поэтому мы ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями и предлагаемъ читателямъ при желаніи самимъ прочесть Записку, помѣщаемую ниже [1]).

---

[1]) По совѣщанію Министровъ и Предсѣдателей Департаментовъ.

О современномъ положеніи православной церкви.

(Отъ Предсѣдателя Комитета Министровъ).

Объявленіе религіозной свободы вызываетъ необходимость измѣненій и въ государственномъ положеніи православной церкви.

Послѣ двухвѣковой политики религіозныхъ стѣсненій, Россія вступаетъ теперь на путь широкой вѣротерпимости. Къ этому побуждаетъ, какъ сознаніе несоотвѣтствія религіозныхъ стѣсненій духу православной церкви, такъ и испытанная долгимъ опытомъ ихъ безполезность. И оффиціальные отчеты, и особенно частныя сообщенія лицъ, стоящихъ близко къ миссіонерскому дѣлу, убѣждаютъ, что притѣсненія содѣйствуютъ усиленію расколо сектантства, а никакъ не его ослабленію Но если вопросъ о религіозной свободѣ можно считать рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ, то теперь вполнѣ своевременно

Характеристика въ Запискѣ положенія въ Россіи церковныхъ дѣлъ въ общемъ во многомъ справедлива, хотя и не охватываетъ ихъ всесторонне и недостаточно ярко оттѣняетъ главное зло. Въ указаніи необходимости созванія Помѣстнаго Собора для разрѣшенія вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ записка глубоко права. Очень хорошо, что въ ней обращено вниманіе и на составъ Собора, который для выраженія голоса всей Церкви не можетъ представлять изъ себя только архіерейскую коллегію, но въ немъ должны принять

выяснить и то положеніе, въ которомъ окажется при измѣнившихся условіяхъ сама православная церковь. въ силахъ ли она будетъ выдержать предстоящую борьбу съ сектантствомъ и иновѣріемъ вообще'

Въ духовной литературѣ по этому поводу слышатся весьма тревожные голоса „Объявить теперь свободу совѣсти для всѣхъ – это значило бы всѣмъ развязать руки, а дѣятелей церкви оставить связанными“ Къ этому мнѣнію епископа Сергія (ректора С.-Петербургской Духовной Академіи) присоединяется почти вся современная богословская литература. Очевидно, и при полной внѣшней свободѣ и даже охранѣ со стороны государства, внутреннюю жизнь православной русской церкви опутываютъ какія-то тяжелыя цѣпи, которыя также необходимо снять; слѣды ихъ, дѣйствительно, замѣтны въ современной религіозной жизни.

Современный упадокъ церковной жизни и его причины.

И духовная, и свѣтская печать одинаково отмѣчаютъ общую вялость внутренней церковной жизни: отчужденіе прихода и особенно образованныхъ слоевъ общества отъ своихъ духовныхъ руководителей: отсутствіе живого проповѣдническаго слова; общую слабость пастырской дѣятельности духовенства, ограничивающагося въ большинствѣ случаевъ только совершеніемъ богослуженія и требоисправленіемъ; полный упадокъ церковной приходской общины съ ея просвѣтительными и благотворительными учрежденіями; сухость и формальность епархіальнаго, „консисторскаго“ дѣлопроизводства и узко бюрократическій характеръ дѣятельности группирующихся около Синода учрежденій Еще отъ Достоевскаго мы услышали впервые грозное слово: „русская церковь въ параличѣ“; тогда оно не встрѣтило серьезнаго возраженія. Причину упадка церковной жизни и Достоевскій, и его многочисленные позднѣйшіе единомышленники указываютъ въ нѣкоторыхъ особенностяхъ совершенной Петромъ Великимъ реформы церковнаго управленія и въ томъ укладѣ мѣстной жизни, который сталъ развиваться съ этого времени Съ начала XVIII вѣка въ церковной жизни стало ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ исчезло соборное начало, это, прежде всего, и вызвало застой церковной жизни.

Соборное начало, какъ отличительная особенность древняго православія.

Религіозное начало есть по преимуществу начало общественное, оно развивается и крѣпнетъ тамъ, гдѣ общественной жизни предоставлена нѣкоторая свобода Естественно, поэтому, что „соборность“ была основнымъ началомъ церковной жизни и главнымъ принципомъ церковнаго управленія. Отъ христіанскихъ общинъ временъ апостольскихъ, съ ихъ старѣйшинами и братіею, и до византійскихъ патріарховъ съ придворнымъ штатомъ чиновъ, ихъ окружавшихъ, начало соборнаго управленія непрерывно выдерживалось въ церковномъ канонѣ.

участіе также клиръ и міряне. А если это такъ, то въ Запискѣ не слѣдовало бы вовсе какъ бы предрѣшать то, что еще долженъ высказать правильно организованный Помѣстный Соборъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ односторонняго взгляда на церковную реформу Петра ей приписываются всѣ современные недостатки, а возстановленіе въ Русской Церкви допетровскаго строя принимается

Органы соборнаго управленія.

Органами соборнаго управленія являлись соборы вселенскіе и помѣстные. Первые были явленіями исключительными, вызывавшимися особыми обстоятельствами, и конечно, не могли повторяться часто Но помѣстные соборы на основаніи апостольскихъ правилъ (20 и 37) и каноновъ вселенскихъ соборовъ (I, 5; IV, 19; VII, 8; VIII, 6), получившихъ силу непреложнаго кеноническаго закона, должны были собираться дважды или по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ. На помѣстные соборы являлись или присылали своихъ представителей всѣ епископы мѣстной церкви. Епархіальное управленіе было также основано на принципѣ соборности. При епископѣ состоялъ соборъ пресвитеровъ; часто въ этихъ совѣщаніяхъ участвовала и цѣликомъ вся церковная община; такимъ публичнымъ, общественно-совѣщательнымъ было церковное управленіе апостольскихъ временъ и вообще первыхъ вѣковъ христіанства, когда церковная община, имѣвшая отдѣльнаго епископа, не представляла большой численности; при дальнѣйшемъ развитіи церковной жизни, присутствіе всѣхъ членовъ общины сохранилось только на приходскихъ собраніяхъ, а на епископскомъ соборѣ постепенно замѣнялось ихъ представительствомъ. Патріаршество, которое разсматривалось духовнымъ регламентомъ, какъ помѣха соборному управленію церкви, отнюдь не нарушало принципа соборности,—патріархъ являлся далеко не единоличнымъ управителемъ церкви, а только предсѣдателемъ существовавшаго около него постояннаго собора; онъ былъ немыслимъ безъ собора; это обычный канонической порядокъ, рѣдкія отклоненія отъ котораго всегда сопровождались упадкомъ церковной жизни

Неканонической характеръ церковной реформы Петра Великаго.

Учрежденный Преобразователемъ Россіи Синодъ носитъ только внѣшнія, отнюдь не каноническія, черты соборности. Въ немъ соборное начало подмѣнено коллегіальностью. Сущность соборнаго начала не въ томъ, что во главѣ правленія стоитъ не одно, а нѣсколько лицъ, а въ томъ, что каждое изъ этихъ лицъ является представителемъ цѣлой общины. Коллегіальность же есть лишь система внутренней бюрократической организаціи. Въ нашемъ синодальномъ управленіи нѣтъ представительства отъ каждой епархіи, нѣтъ представительства вообще, такъ какъ члены Синода назначаются Правительствомъ; онъ представляетъ собою „не правительство церковное, а государственное бюрократическое учрежденіе“. Постоянный Синодъ—говоритъ профессоръ Заозерскій—какую бы форму онъ ни имѣлъ, есть во всякомъ случаѣ только исполнительный органъ цѣлаго помѣстнаго собора. Это, конечно, вполнѣ приложимо и къ русскому Синоду. Но въ Россіи помѣстный соборъ не только не собирается ежегодно, но не собирался ни разу уже въ теченіе двухсотъ лѣтъ. А потому, вся система нашего церковнаго управленія представляется не имѣющею каноническаго основанія. Православные канонисты сознаются, что при учрежденіи Синода Петръ Великій дѣйствовалъ не по образцу обязательныхъ для право-

какъ само собой разумѣющееся средство, способное уничтожить существующее зло. Автору записки растолковали, что при теперешнемъ синодальномъ управленіи не проявляется столь нужное для блага Церкви соборное начало, и вотъ авторъ заявляетъ, что съ начала XVIII вѣка соборное начало въ Русской Церкви стало ослабѣвать, а затѣмъ и совсѣмъ исчезло. Но если бы авторъ записки былъ достаточно знакомъ съ исторіей до XVIII вѣка, то онъ, вѣроятно, удержался бы

славной церкви каноновъ, а подъ сильнымъ вліяніемъ протестантскихъ каноническихъ системъ, съ которыми онъ познакомился въ Голландіи и Швеціи (Павловъ, Суворовъ и др.).

Въ епархіальномъ управленіи, въ замѣну древняго собора пресвитеровъ, учреждены такъ называемыя „консисторіи", представляющія бюрократическія коллегіи, съ четырьмя—пятью членами изъ духовенства, назначаемыми Синодомъ по выбору епископа, и съ свѣтскимъ чиновникомъ-руководителемъ. Такимъ образомъ, отъ представительства отдѣльныхъ приходскихъ обществъ на епископскомъ соборѣ здѣсь не осталось и слѣда. Если бы даже консисторію и можно было назвать соборомъ, то во всякомъ случаѣ это былъ бы соборъ безглавый, ибо онъ никогда не видитъ въ своемъ кругу епископа, а сносится съ послѣднимъ путемъ канцелярской переписки или черезъ свѣтское лицо—секретаря консисторіи.

Вліяніе на церковную жизнь реформы Петра Великаго.

Изгнаніе изъ церковной жизни принципа соборности управленія повело за собою измѣненіе и самаго духа церковной жизни. Дѣятельность Синода уже въ первые годы приняла внѣшній, бюрократически - полицейскій характеръ разыскивать разныя злоупотребленія, искоренять суевѣріе и свободомысліе въ разныхъ формахъ. Предписанія Синода епископамъ состояли по преимуществу изъ такихъ же наставленій о средствахъ розыска и искорененія, причемъ рекомендовалось иногда даже тайное выслѣживаніе и выспрашиваніе. Всѣ духовныя обязанности членовъ православной церкви были строго регламентированы и расписаны по статьямъ и параграфамъ, соотвѣтствующимъ нынѣшнему „уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій". Здѣсь было предусмотрѣно и уловлено всякое малѣйшее религіозное проявленіе духа и подробно предписано, какъ держать себя въ храмахъ и соблюдать въ нихъ благопристойность и тишину, какъ стоять предъ иконами, проводить праздники, ходить на исповѣдь и слѣдить за твердостью въ вѣрѣ православныхъ. Эти попытки полицейской регламентаціи не поддающихся ей предметовъ и явленій духовной жизни несомнѣнно вносили въ церковную сферу мертвящее вѣяніе сухого бюрократизма.

Главною цѣлью церковной реформы Петра I было низвести церковь на степень простого государственнаго учрежденія, преслѣдующаго исключительно государственныя цѣли. И дѣйствительно, церковное управленіе скоро сдѣлалось только однимъ изъ многочисленныхъ колесъ сложной государственной машины. Впослѣдствіи „вѣдомство православнаго исповѣданія" правильно организовалось по образцу остальныхъ Министерствъ, съ Оберъ-Прокуроромъ во главѣ, который сталъ представителемъ церкви предъ Государемъ и въ высшихъ Государственныхъ учрежденіяхъ (Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ).

отъ подобнаго заявленія, способнаго вести къ неправильному представленію о церковной жизни до эпохи преобразованій и могущаго возбуждать напрасныя мысли объ отысканіи въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ примѣровъ для исправле-

---

Въ настоящее время наше церковное управленіе носитъ замкнутый кан целярскій характеръ; іерархія сносится съ народомъ чрезъ посредство бумагъ, рѣдко входя съ нимъ въ непосредственное живое общеніе При чемъ постоянною преградой между церковью и народомъ, и церковью и Государемъ стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ. Говорить о церковной самодѣятельности, самопочинѣ, или даже о взаимномъ живомъ общеніи между собою іерархіи не приходится. Живую общественную жизнь и здѣсь замѣнила бумага. Единственнымъ путемъ къ пробужденію замершей жизни можетъ быть только возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія.

Древне-русскій „приходъ".

Неблагопріятный цоворотъ, совершившійся въ жизни русской церкви въ XVIII вѣкѣ, едва ли не ярче всего сказался въ упадкѣ прихода—этой основной ячейки церковной жизни. Поворотъ этотъ тѣмъ болѣе замѣтенъ, что церковно-общественная жизнь древне-русскаго прихода отличалась большимъ оживленіемъ. Русскій приходъ представлялъ прежде живую и самодѣятельную единицу Община сама строила себѣ храмъ, избирала священника и остальной церковный причтъ. Церковная казна имѣла тогда болѣе широкое назначеніе; ею поддерживались и содержались не только храмъ и дома для причта, но и школа съ учителемъ и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій; иногда она играла роль крестьянскаго банка и раздавалась неимущимъ. Приходская община сама судила своихъ сочленовъ и имѣла право самаго широкаго вмѣшательства даже въ ихъ внутреннюю семейную жизнь, слѣдя за нравственными поступками каждаго сочлена. Отъ этой живой и дѣятельной общины въ настоящее время осталось только одно имя.

Причины упадка прихода.

а) усиленіе крѣпостного права и развитіе государственной централизаціи.

Паденіе жизнедѣятельности прихода было вызвано сложными причинами, изъ которыхъ многія продолжаютъ оказывать свое гнетущее вліяніе и до сихъ поръ; главными изъ нихъ нужно признать развитіе крѣпостного права, подорвавшаго самостоятельность общинной жизни, и быстрое поступательное движеніе государственной централизаціи, все болѣе и болѣе устранявшей отъ участія въ управленіи мѣстные элементы. Было время, когда не въ мѣру усердные становые пристава преслѣдовали все, что носило на себѣ какую-нибудь тѣнь общины. „Братскій" судъ тогда считался самоуправствомъ, „братскія" сходки—опасными собраніями. Къ этимъ причинамъ общаго характера присоединились весьма своеобразныя требованія, которыя стали примѣняться правительствомъ къ приходскому духовенству.

в) возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей и послѣдовавшій вслѣдствіе этого разрывъ его съ паствой.

Смотря на церковь, только какъ на составную часть государственнаго механизма, преобразователь Россіи рѣшилъ привлечь ея служителей къ испол-

нія современныхъ недостатковъ. Соборное начало, къ сожалѣнію, почти никогда не дѣйствовало въ Русской Церкви, какъ этого требовала бы апостольская идея Христіанской Церкви (1 Коринѳ. XII) и какъ это устанавливается вселенскими

ненію чисто государственныхъ обязанностей и, къ великому несчастью приходскаго духовенства, возложилъ на него совершенно несвойственное духовному сану полицейско-сыскное дѣло,— священникъ долженъ былъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ числа податныхъ душъ и кромѣ того неукоснительно доносить обо всѣхъ открытыхъ ему на исповѣди поступкахъ, клонившихся къ вреду государства. Превратившись изъ духовнаго руководителя въ агента полицейскаго надзора, пастырь потерялъ всякое довѣріе своихъ пасомыхъ и нравственную связь съ ними. Этому способствовали и другія обстоятельства.

c) кастовая отчужденность духовенства.

Съ паденіемъ самостоятельности приходской общины сильно ухудшилось матеріальное положеніе духовенства; прежде община сама собирала извѣстную, заранѣе опредѣленную, сумму на содержаніе причта; съ паденіемъ общиннаго приходскаго хозяйства, духовенство оказалось вполнѣ предоставленнымъ себѣ и должно было питаться обработкой наравнѣ съ крестьянами тѣхъ небольшихъ клочковъ земли, которые были даны помѣщиками церквамъ, и копѣечными сборами съ прихожанъ за требы; осиротѣвшая же семья священника оставалась совсѣмъ безъ куска хлѣба и могла жить только подаяніемъ милостыни со стороны прихожанъ. Такое матеріальное положеніе приходскаго духовенства вызвало много темныхъ явленій въ церковной жизни. Тяжелое положеніе сиротъ побудило духовное начальство допустить на практикѣ весьма своеобразный способъ благотворенія—наслѣдственную передачу священническихъ мѣстъ сыну или мужу дочери умершаго члена причта. Поддерживаемый долгое время этотъ порядокъ замѣщенія священническихъ мѣстъ, мѣшая приливу въ духовное сословіе новыхъ силъ со стороны, положилъ начало его кастовой замкнутости, производящей теперь такое неблагопріятное впечатлѣніе на общество. Кастовый замкнутый характеръ духовенства — явленіе небывалое въ древней церковной жизни, гдѣ члены клира избирались изъ состава общины безъ всякаго различія ихъ званія и состоянія.

d) поборы духовенства при требоисправленіи, вызывающіе розни и недовѣріе со стороны прихода.

Во второй половинѣ минувшаго вѣка, особенно въ послѣднее его десятилѣтіе, благодаря заботамъ правительства, матеріальное положеніе духовенства стало улучшаться. Но все же 15—20 руб. мѣсячнаго жалованья и незначительные доходы съ церковной земли не обезпечиваютъ священнику даже насущнаго хлѣба и принуждаютъ его облагать приходъ рядомъ обязательныхъ сборовъ при совершеніи таинствъ и требоисправленіи. Эта необходимость печально отражается на взаимныхъ отношеніяхъ пастыря и паствъ. Въ душѣ священника денежные счеты въ самый неподходящій для этого моментъ поселяютъ чувство пастырскаго безсилія; эта вынужденная торговля святыней отнимаетъ у него всякую опору для дѣятельности; прихожанамъ, далеко не всегда способнымъ понять степень матеріальной нужды своего пастыря, такіе поборы подаютъ поводъ относить священника къ числу кулаковъ и міроѣдовъ. При такихъ условіяхъ обезпеченія духовенству трудно подняться выше простого

соборами. По разнымъ причинамъ въ Россіи сейчасъ же стала усиливаться власть митрополита въ ущербъ развитію областного управленія, окружныхъ соборовъ, самостоятельности епархіальной жизни и т. п., составляющихъ необходимыя

требоисправленія, какъ ремесла, и стать дѣйствительнымъ пастыремъ народа, а церковной общинѣ сплотиться около него, какъ центра; между той и другой стороной будетъ вѣчно стоять какая-то стѣна.

Средства усиленія приходской жизнедѣятельности.

Первымъ условіемъ для поднятія пастырской дѣятельности должно быть изысканіе такихъ путей обезпеченія духовенства, чтобы священникъ былъ избавленъ отъ необходимости торговаться съ прихожаниномъ предъ совершеніемъ таинства. Въ данномъ случаѣ нужно имѣть въ виду не одно увеличеніе средствъ на содержаніе духовенства изъ казны, быстраго роста которыхъ можетъ не допустить состояніе государственнаго казначейства, а такую организацію земскаго обложенія въ пользу духовенства,— путемъ которой оно получило бы съ прихода тѣ же средства, что и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Это удобнѣе всего выполнить при возстановленіи свободы самоуправленія церковной общины. Для оживленія приходской жизни церковной общинѣ необходимо вернуть отнятое у ней право на участіе въ церковномъ хозяйствѣ и право выбора или по крайней мѣрѣ участія въ выборѣ членовъ причта

Въ первые вѣка христіанства не только пресвитеры, но даже и епископы избирались мѣстною общиной. Это право избранія имѣло большое моральное значеніе,— епископъ или пресвитеръ вступалъ въ свою общину желаннымъ и званнымъ руководителемъ, а не невѣдомымъ пришельцемъ, котораго гонитъ сюда далеко не всегда даже собственная воля, а только милость или гнѣвъ высшаго начальства. Въ настоящее время вопросъ о замѣщеніи епископскихъ каѳедръ представляется настолько твердо установившимся, что отъ права общины на избраніе себѣ архипастыря уже не осталось и помина; но вопросъ о выборномъ началѣ бѣлаго духовенства подымался неоднократно. При современномъ составѣ сельской приходской общины, въ которой преобладаютъ элементы малоосвѣдомленнаго въ религіозномъ отношеніи крестьянства, можетъ-быть, несвоевременно говорить о выборѣ священника приходомъ; но группа приходскихъ представителей во главѣ съ пресвитерами явилась бы вполнѣ компетентнымъ для этого органомъ. Слѣды выборнаго начала до сихъ поръ остаются въ видѣ мертвыхъ археологическихъ остатковъ въ нашемъ богослуженіи,—каково, напримѣръ, пѣніе „аксіосъ“ при посвященіи во священника или діакона И, казалось бы, весьма своевременно воскресить это древнее начало, такъ сильно поддерживавшее внутреннюю жизнь церковной общины. Но для осуществленія его мало реорганизаціи только приходской общины. „Возрожденіе прихода вообще не достигнетъ благотворнаго значенія для цѣлой помѣстной церкви, если дѣло ограничится только возстановленіемъ автономнаго существованія мелкихъ церковныхъ единицъ Эти единицы должны быть связаны между собою духовнымъ общеніемъ, должны слиться въ обширнѣйшее общество епархіальное съ центральнымъ пунктомъ—епархіальнымъ архіереемъ. Параллельно съ приходскимъ собраніемъ должно періодически составляться „епархіальное собраніе“, имѣя образцомъ своего устройства „помѣстный соборъ“ (проф. Заозерскій). Такимъ образомъ и эта частичная реформа не достигнетъ цѣли безъ общей—реформы высшаго церковнаго управленія.

черты соборности. Съ полученіемъ Русской Церковью независимости отъ Константинопольскаго патріарха значеніе и власть митрополита сдѣлались еще больше, а начало соборности еще незамѣтнѣе. Не соборы, собиравшіеся на Руси, руководили митрополитомъ, а онъ самъ оказывалъ на нихъ то или иное вліяніе.

О необходимости возстановленія внутренняго единенія церковной общины.

Необходимымъ условіемъ нормальнаго хода внутренней жизни церкви является полное единеніе между собою вѣрующихъ. У вѣрующихъ первой христіанской общины были, по выраженію апостола, „одно сердце и одни уста"; тѣсно сплоченными союзами любви и братства являлись и позднѣйшія христіанскія общины. Такого единенія въ настоящій моментъ лишена наша православная церковь, почему такъ обильно и разрастаются на ея почвѣ разныя секты и плодится религіозный индифферентизмъ. Помимо общей разъединенности духовенства съ приходомъ, причины которой отмѣчены выше, весьма серьезныя опасенія вызываетъ недружелюбное отношеніе къ церкви значительной части нашей интеллигенціи и общая духовная рознь между послѣднею и народомъ. Сгладить этотъ пагубныи духовныи расколъ въ нашеи внутренней жизни можетъ только церковь.

Но для этого духовенству необходимо прежде всего возстановить свое вліяніе на образованные слои общества. Какъ показали послѣдніе годы, когда обнаружился значительный интересъ образованнаго общества къ религіознымъ вопросамъ, причину отчужденія его отъ церкви нельзя видѣть въ одномъ религіозномъ индифферентизмѣ и языческомъ характерѣ нашей свѣтской культуры. Причины коренятся, повидимому, глубже—въ самомъ складѣ церковной жизни, замершей, оторванной отъ волнующихъ общество интересовъ. Но во всякомъ случаѣ предъ нами тотъ печальный фактъ, что духовенство оказалось безсильнымъ примирить съ церковью и подчинить ея вліянію значительную часть образованнаго общества, что оно недостаточно подготовлено къ борьбѣ съ неблагопріятными церкви умственными и нравственными теченіями современной культуры.

Недочеты духовной школы.

Значительная доля вины за это падаетъ, по сознанію вполнѣ компетентныхъ органовъ духовной печати, на нашу духовную школу. Духовная школа совсѣмъ мало занимается современными теченіями общественной мысли. Изъ ученическихъ библіотекъ тщательно исключается все, что знакомитъ съ современными отрицательными культурными теченіями. Но прятать отъ будущаго священника литературу, отрицательно относящуюся къ религіи и государству, не значитъ ли просто обезоруживать его? Въ роли священника—офиціальнаго защитника религіознаго идеала—ему неминуемо придется столкнуться съ представителями самыхъ позднѣйшихъ отрицательныхъ теченій, и удивительно ли, что батюшка на соблазнъ всѣмъ окружающимъ окажется безсильнымъ сказать вѣское слово противъ нихъ [1]). При настоящихъ запросахъ общественной жизни священнику необходимо подробное критическое ознакомленіе со всѣми совре-

---

[1]) Ср. „Церковный Вѣстн." 1904 г., № 25. Ст. „Подготовка пастырей".

Очень характернымъ указаніемъ на несоборное положеніе митрополита можетъ служить извѣстный случай принятія уніи съ Римомъ главой духовенства московскимъ митрополитомъ Исидоромъ, отправившимся на Флорентійскій Соборъ. Возможность для Исидора отъ лица Русской Церкви признать унію съ

менными теченіями культурной мысли. Необходимо въ частности обстоятельное знакомство съ условіями соціальной жизни и съ науками общественными, котораго совсѣмъ не даетъ духовная школа. Въ превосходство нашего государственнаго строя надъ формами западно-европейской соціальной жизни наше духовенство вѣритъ, но только дѣтскою вѣрою, и потому, когда обстоятельства вызываютъ его высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ,— послѣдняя оказывается настолько неумѣлои и порою даже наивнои, что вмѣсто желательнаго результата производитъ только отрицательное дѣиствіе, клонящееся ко вреду государства; ибо неумѣлая защита принципа — лучшее средство его уронить въ глазахъ общества. Государству нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе. „Наша духовная школа вся сосредоточилась на исторіи, на прошломъ, она слишкомъ теоретична, оторвана отъ жизни и пока останется такою, всѣ проекты возрожденія приходской жизни будутъ имѣть мало успѣха“ [1]), такъ какъ центральнымъ лицомъ въ приходѣ, его вдохновителемъ и руководителемъ въ концѣ концовъ всегда будетъ священникъ, котораго готовитъ къ общественной дѣятельности церковная школа Вопросъ о духовной школѣ не есть вопросъ отдѣльнаго вѣдомства,—это дѣло, близко касающееся всего государства, ибо всецѣло отъ ея постановки зависитъ степень религіознаго воздѣйствія на народъ. И если теперь духовная школа представляется узко сословною, почти недоступною для постороннихъ свѣтскихъ элементовъ, то такой порядокъ вещей приноситъ существенный государственный вредъ. Если какое иное, то именно религіозное образованіе должно быть доступно всѣмъ, не взирая на различіе сословія и возраста.

Общіе выводы и проекты реформы церковнаго управленія.

Съ грустію останавливаясь на современномъ упадкѣ внутренней религіозной жизни, духовная литература не разъ отмѣчала нежелательныя насильственныя измѣненія, вводившіяся въ церковную жизнь безъ всякихъ справокъ объ отношеніи къ нимъ церковнаго сознанія. Весь XVIII вѣкъ и начало XIX были по преимуществу временемъ такихъ стѣсненій; далѣе уже сама церковная жизнь стала укладываться по указанному шаблону; такъ, на почвѣ обезличеннаго бюрократизмомъ церковнаго управленія уже сама собою создалась сухая, схоластическая, оторванная отъ жизни школа. Политика насилія надъ церковнымъ сознаніемъ, принеся, можетъ-быть, нѣкоторую государственную пользу въ ближайшее время, въ дальнѣйшемъ отразилась страшнымъ вредомъ — тѣмъ упадкомъ церковной жизни, съ которымъ приходится считаться теперь. Въ этомъ отношеніи она весьма напоминаетъ старинное хозяйство нашихъ землевладѣльцевъ, старавшихся извлечь изъ земли все, что можно

---

[1]) „Церковный Вѣстн“ Ibid.

папой и всѣ обстоятельства этого случая какъ разъ и объясняются недостаточностью на Руси соборнаго начала. По поводу своего образа дѣйствій Исидоръ высказалъ папѣ: Великій князь молодъ, а епископы некнижны, меня боятся и несмѣть имъ о томъ со мною глаголати [1]). О соединеніи съ Римомъ Исидоръ напередъ разсылалъ свои посланія, а затѣмъ по пути черезъ Кіевъ въ Москву всюду уже прямо поминалъ на своихъ службахъ папу. Что же,—вѣроятно, спроситъ читатель, предполагающій существованіе въ древней Россіи соборнаго начала,—Исидоръ можетъ быть уже въ Москвѣ предложилъ свои дѣйствія на обсужденіе, не говоримъ уже всей Церкви, а хотя бы собора епископовъ, чтобы добиться соборнаго признанія хотя бы уже совершившагося факта? Ничуть не бывало. По прибытіи въ Москву въ 1441 году, Исидоръ не созывая никакого собора, во время торжественнаго богослуженія въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ прямо сталъ поминать папу и распорядился о прочтеніи грамоты о соединеніи съ Римомъ, а особую грамоту объ этомъ папы передалъ Великому

взять съ нея въ данный моментъ, и этимъ обрекавшихъ на голодъ и нужду своихъ сыновей. Ибо нѣтъ такой тучной земли, которую бы не истощила безпрерывная немилосердная разработка. Кажется, за два вѣка слишкомъ ужъ интенсивнаго хозяйства государства на церковной почвѣ послѣдняя окончательно истощилась Церкви необходимъ союзъ съ государствомъ; необходима и государству поддержка церкви, но условія союза между тою и другою стороною должны быть составлены такъ, чтобы не ослаблять самодѣятельности ни церковнаго, ни государственнаго организма Реформа Петра Великаго кореннымъ образомъ нарушила это равновѣсіе.

Представители русской іерархіи не разъ пытались протестовать противъ новаго порядка вещей въ видѣ, напр., просьбы Императрицѣ Елизаветѣ объ упраздненіи свѣтскихъ чиновниковъ въ Синодѣ, или записокъ (митрополита Филарета) о необходимости созыва помѣстнаго собора, но свѣтская власть вѣдомства православнаго исповѣданія прилагала всѣ усилія къ сохраненію установленнаго порядка вещей. Въ настоящее время народнаго неустройства, когда особенно дорого живое, дѣятельное воздѣйствіе церковныхъ силъ на народъ, вопросъ о необходимости церковной реформы обсуждается въ духовной печати съ особеннымъ оживленіемъ „Теперь, говорятъ, настало время подробнѣйшаго разсмотрѣнія всѣхъ дефектовъ нашей церковной жизни и заправляющихъ ею установленій Чѣмъ шире будетъ поставлено дѣло пересмотра, чѣмъ скорѣе введены улучшенія и перемѣны, тѣмъ болѣе будетъ увѣренности въ томъ, что церковь вынесетъ настоящее испытаніе и выйдетъ изъ него полною свѣжихъ силъ для продолженія своего святого дѣла“ [2]) „Но реформа, замѣчаетъ духовная печать, должна быть не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ засѣдающихъ въ Синодѣ или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ всей русской церкви“ [3])

---

[1]) Бычковъ. Описаніе рукописей Императорской Публичной Библіотеки, ч. I, стр. 123—12[illegible] По цитатѣ Н. Ф. Каптерева, „Богословскій Вѣстникъ“, 1905 г. № 5

[2]) „Церковный Вѣстн.“ 1905 г. № 8. Ст. „Что дѣлать духовенству“.

[3]) „Богословскій Вѣстн.“ 1903 г. Февраль, 247.

князю. Что же дѣлали по этому поводу русскіе епископы, поставленные блюсти интересы Православной Церкви и хранить чистоту ея ученія? По сказаніямъ лѣтописей, князи, бояре и иные многіе, а „еще же паче и епископы русскіе вси умолчаша и воздремаша и уснуша“! Только одинъ Великій Князь Василій Васильевичъ не остался пассивнымъ зрителемъ совершеннаго главой духовенства, а началъ обличать Исидора и отказался признать его дѣйствія. Уже послѣ этого встрепенулись и всѣ бывшіе въ Москвѣ епископы, князи, бояре и множество христіанъ, стали обсуждать поступокъ своего митрополита и назвали его еретикомъ [1]).

Необходимость созыва помѣстнаго собора и его составъ.

При этомъ всѣ высказывающіеся по этому вопросу духовные органы указываютъ на необходимость созыва помѣстнаго собора. Но для того, чтобы этотъ соборъ представилъ собою дѣйствительно голосъ всей русской церкви, онъ не можетъ быть замкнутою архіерейскою коллегіею, которая есть явленіе не каноническое Какъ вселенскіе, такъ и помѣстные соборы были не коллегіями іерарховъ-епископовъ, но собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ церкви—какъ клира, такъ и мірянъ (Заозерскій); на нихъ присутствовали и принимали дѣятельное участіе и пресвитеры, и діаконы, и простые міряне На соборѣ долженъ быть выслушанъ каждый голосъ; только при такихъ условіяхъ достижима одна изъ главныхъ цѣлей собора—достаточная освѣдомленность о запросахъ современной духовной жизни. Въ составѣ постояннаго собора, существующаго въ настоящее время при константинопольскомъ патріархѣ кромѣ духовныхъ лицъ, находятся представители греческаго народа, избираемые народнымъ собраніемъ. И въ составъ русскаго Синода первоначально входили кромѣ епископовъ представители бѣлаго духовенства, и только съ теченіемъ времени онъ обратился въ замкнутую архіерейскую коллегію, что явилось дальнѣйшимъ отклоненіемъ отъ канонической почвы.

Двѣсти лѣтъ мы не слыхали голоса русской церкви, не пора ли, наконецъ, прислушаться къ нему; не пора ли узнать, что скажетъ она о современномъ укладѣ церковной жизни, получившемъ мѣсто помимо ея воли и вопреки завѣщаннымъ ей традиціямъ священной старины. На помѣстномъ соборѣ, гдѣ нужно будетъ организовать представительство, какъ отъ бѣлаго духовенства, такъ и отъ мірянъ, и долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни, которыя бы дали возможность Церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу дѣйствія. При настоящихъ неоспоримыхъ признакахъ нѣкотораго внутренняго шатанія какъ общества, такъ и народныхъ массъ, ждать дальше опасно. Религія составляетъ главную основу народнаго духа, ею до сихъ поръ стояла и была крѣпка русская земля, только при помощи этой силы можетъ выйти русскій народъ и изъ настоящей тяжелой годины испытаній. И не можетъ быть большаго государственнаго вреда, какъ стѣснять развитіе и свободное проявленіе этой народной силы, пытаясь вложить ее въ рамки сухихъ бюрократическихъ началъ, какъ это дѣлается теперь.

---

[1]) Никоновская лѣтопись, ч. V, стр. 146—156. Степенная книга, ч. II, стр. 11.

Введеніе же патріаршества сопровождалось на Руси образованіемъ такой повелительной единоличной церковной власти, да притомъ еще смѣшанной съ воздѣйствіемъ и на чисто мірскія стороны жизни, что власть эта совершенно обезличила передъ собой не только духовенства вообще, но и самихъ епископовъ, и при ней сдѣлалось почти уже невозможнымъ какое-либо живое проявленіе соборнаго начала.

Для думающихъ о существованіи въ Древней Россіи соборнаго начала не мѣшаетъ напомнить, что и самое созданіе патріаршества вовсе не произошло, какъ бы слѣдовало при такихъ условіяхъ, соборнымъ образомъ и по внутреннимъ нуждамъ самой Русской Церкви. Въ то время Москву считали наслѣдницей Византіи, третьимъ Римомъ, а въ Византіи былъ при царѣ патріархъ, и вотъ въ подражаніе этому онъ понадобился и для Москвы, „для полноты православнаго христіанскаго царства“, по выраженію проф. Н. Ф. Каптерева, и для внѣшняго блеска Церкви. Во время пребыванія въ Москвѣ въ 1586 году антіохійскаго патріарха Іоакима Феодоръ Іоанновичъ, посовѣтовавшись съ царицей и боярами, поднялъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества и поручилъ Борису Годунову вести объ этомъ переговоры съ Іоакимомъ. При неожиданномъ же появленіи въ Москвѣ въ 1588 году Константинопольскаго патріарха Іереміи за милостынею, царь по совѣщаніи опять лишь съ царицею и боярами, рѣшился воспользоваться пребываніемъ Іереміи для постановленія въ Москвѣ патріарха. Переговоры объ этомъ, а также о самомъ избраніи патріарха вели Годуновъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ. Только уже послѣ согласія Іереміи поставить патріархомъ намѣченное государемъ лицо были собраны русскіе іерархи для совѣщанія по дѣлу о введеніи патріаршества, при чемъ іерархи, посовѣтовавшись между собой отвѣтили царю, что они во всемъ „полагаются на волю его—благочестиваго государя“. По вопросу о введеніи въ Россіи патріаршества профессоръ московской духовной академіи Н. Ф. Каптеревъ справедливо заключаетъ, что все это дѣло велось исключительно свѣтскою властью и свѣтскими лицами, безъ всякаго участія въ немъ лицъ духовныхъ [1]). И только уже по окончательномъ его рѣшеніи и указаніи царемъ лица для патріарха созвали соборъ изъ духовныхъ лицъ, которые однако отказались отъ дѣятельнаго участія въ разрѣшеніи важнаго церковнаго вопроса, касающагося прежде всего церковныхъ интересовъ. Какъ странно послѣ всего этого указаніе Записки, что патріаршество, разсматриваемое Духовнымъ Регламентомъ, какъ помѣха соборному управленію отнюдь не нарушало принципа соборности, что патріархъ являлся не единоличнымъ управителемъ, а только предсѣдателемъ постояннаго собора! Да, въ этомъ отношеніи Духовный Регламентъ былъ правъ, такъ какъ для своего сужденія почерпалъ данныя изъ не-

---

[1]) Власть патріаршая и архіерейская въ Древней Руси. „Богословскій Вѣстникъ“, 1905 г. Апрѣль.

давнихъ обстоятельствъ самой церковной жизни, которыя, повидимому, неизвѣстны автору Записки.

Вотъ что утверждаетъ, наприм., о времени до Петра проф. Н. Ф Каптеревъ: „Въ древней Руси и за время патріаршества отношенія между архіереями и подвѣдомственнымъ имъ епархіальнымъ духовенствомъ были самыя ненормальныя, не каноническія, не церковныя". Архипастырь превратился у насъ въ существѣ дѣла въ большого, богатаго, всевластнаго владѣльца помѣщика; пастыри Церкви — въ его тяглыхъ не свободныхъ людей, во всемъ и всегда зависѣвшихъ отъ него, которыхъ онъ, какъ владыка по своему усмотрѣнію и облагалъ податями, и каралъ и жаловалъ". Это были два чуждыхъ другъ другу лагеря, подозрительно, а иногда и прямо враждебно смотрѣвшихъ другъ на друга. Архіереямъ и патріархамъ, очевидно, не было никакого дѣла до крайне ненормальнаго и униженнаго положенія приходскаго духовенства [1])

Столь же неправильно передъ судомъ исторіи и желаніе записки дискредитировать церковную реформу Петра увѣреніемъ, что „главною цѣлью Петра было низвести Церковь на степень простого государственнаго учрежденія, преслѣдующаго исключительно государственныя цѣли". Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы уже указывали на односторонность такого взгляда. Не Церковь, а духовенство, стремился Петръ подчинить государственному контролю. Онъ поступилъ такъ, потому что передъ нимъ и успѣхомъ его преобразованій еще слишкомъ ярко вставала вся дѣятельность и жизнь духовенства за патріаршій періодъ, когда глава духовенства, по выраженію В. С. Соловьева, безотчетно усвоилъ себѣ заблужденіе, что духовная власть признается сама по себѣ какъ принципъ и цѣль, и даже потянулся за приманкою земной власти. Все это, къ сожалѣнію, затмило въ сознаніи государя и настоящую идею Христіанской Церкви. Недостатки его церковной реформы вовсе не были его цѣлью, а представляютъ изъ себя одно изъ послѣдствій подавленія соборнаго начала въ самой же Русской Церкви. Кромѣ того, если принять во вниманіе, что патріаршество въ Россіи было создано подъ вліяніемъ мечты о наслѣдіи Москвой Византіи и притомъ стараніями самой же государственной власти, то должны значительно поколебаться нерѣдкіе упреки по адресу Петра Великаго за то, что онъ, какъ представитель государственной власти, уничтожилъ патріаршество.

Такимъ образомъ возвращеніе къ до петровскому церковному строю не только не гарантировало бы для Русской Церкви свободнаго развитія въ ней соборнаго начала, но могло бы направить нашу церковную жизнь въ другую крайность не менѣе дурную, чѣмъ бюрократизмъ,—создать въ Россіи крѣпкую опору для клерикаризма особенно вреднаго въ виду современныхъ условій церковной жизни [3]).

---

[1]) Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси въ ихъ отношеніи къ власти царской и приходскому духовенству. „Богословскій Вѣстникъ" 1905 г. Май

[2]) Церковь, Духовенство и Общество, глава II

[3]) Ibid.

По поводу „Вопросовъ“ и „Записки“ Оберъ-прокуроръ Св. Синода написалъ для Особаго Совѣщанія отвѣтъ подъ названіемъ: „Соображенія статсъ-секретаря Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви“.

Соображенія носятъ на себѣ исключительно полемическій характеръ и могутъ быть разсматриваемы лишь, какъ дополненіе къ „Запискѣ“. Желающіе ихъ прочесть, найдутъ ихъ здѣсь цѣликомъ напечатанными внизу [1]).

---

[1]) СООБРАЖЕНІЯ

Статсъ-секретаря Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви.

Донынѣ неразрывная связь Государства съ Церковью въ Россіи считалась основною опорою и Государства и Церкви, и распаденіе этой связи считалось гибельнымъ и для Церкви и для Государства.

Записка, разосланная Гг. Членамъ Комитета Министровъ, клонится, повидимому, подъ предлогомъ освобожденія Церкви, къ существенному ослабленію этой связи, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью Церкви и Государству.

Составитель этой записки, повидимому, мало знакомъ и съ исторіей и съ нынѣшнимъ состояніемъ церковнаго управленія и съ тѣми условіями матеріальными, нравственными и соціальными, посреди коихъ происходитъ бытъ церковный. Идеаломъ церковнаго устройства и жизни церковной представляется ему, повидимому, состояніе церкви въ вѣкахъ, предшествовавшихъ реформѣ Петра, и особливо въ 17-мъ столѣтіи при существованіи Патріаршества Онъ приводитъ нѣкоторые источники, изъ коихъ, повидимому, почерпалъ свои сужденія, но едва ли можно признать серьезными для столь важнаго дѣла статьи богословскихъ журналовъ и книжки нѣкоторыхъ идеалистовъ и идеологовъ, не знакомыхъ съ дѣйствительностью и мечтавшихъ возродить нашу Церковь, возвративъ ее къ строю временъ до-Петровскихъ Серіозными для сего источниками были бы основательныя сочиненія объ исторіи Государства и Церкви, съ нимъ неразрывно связанной, напримѣръ, сочиненія Голубинскаго, Макарія, Соловьева и т. п. Изученіе такихъ источниковъ показало бы составителю этой записки всю неосновательность его сужденій. Онъ увидѣлъ бы, какую мертвенность церковнаго управленія и церковнаго быта, исполненныхъ невѣжества пастырей и паствы, злоупотребленій, суевѣрныхъ обычаевъ и насилій, обличаютъ, совокупно съ Царемъ, соборы, начиная со Стоглава Онъ увидѣлъ бы, въ періодъ Патріаршества, какою мертвенностью обрядоваго формализма исполнена была церковная жизнь съ церковнымъ управленіемъ, и, можетъ быть, убѣдился бы, что церковная реформа была необходима.

Патріаршество устроено было въ Россіи не ради внутренней потребности, но ради возникшей въ Москвѣ политической мечты водворить на Руси порядки Византійскаго высшаго церковнаго управленія, желали имѣть, какъ въ актахъ говорится, для церкви новаго Константина, а Москву хотѣли видѣть

К. П. Побѣдоносцевъ справедливо указываетъ, что „Вопросы“ и „Записка“ обнаруживаютъ недостаточную продуманность о потребностяхъ церковной реформы и неясное представленіе отношенія церковныхъ дѣлъ къ государству. Одностороннее освѣщеніе вопроса заставили К. П. Побѣдоносцева сдѣлать нужныя, по

третьимъ Римомъ. Но эти стремленія, какъ порывы чувства, разбивались требованіями разума и давленіемъ силы вещей. Чтобы нашему Патріарху сравниться съ Константинопольскимъ, для сего потребовалось бы учредить подъ нимъ іерархическое устройство по греческому образцу. Но въ Греціи епархіи небольшія и епископъ можетъ дѣлать все самолично; а такая близость къ паствѣ у насъ при обширности епархіи невозможна Съ учрежденіемъ Патріаршества возникли только въ архіерейскомъ чинѣ „разгласія и межъ себя распри и высости, нестроенія Церкви и отъ народа молвы и укоризны“, что засвидѣтельствовали на Соборѣ 1681 г. согласно собравшіеся Митрополиты и Архіепископы, и Царю Ѳеодору били челомъ о возвышеніи приниженнаго патріаршею властью епископскаго сана и о *свободѣ* епископской дѣятельности. Патріархъ же мало по малу сталъ въ положеніе какъ бы феодальнаго владѣльца всей Церкви и дошелъ дошелъ до того, что при Никонѣ сталъ именоваться Государемъ, Отцомъ отцовъ и власть свою сталъ ставить самодержавно на ряду съ Царскою властью. Такъ, еще до воцаренія Петра, изъ среды самого духовенства возникали уже требованія реформы, коимъ Петръ въ духовномъ регламентѣ далъ опредѣленную, законную и обязательную форму. Въ строѣ церковной жизни епархій не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена, и уничтожены, чего желали всѣ, поводы „къ разгласію, распрямъ и высостямъ“ среди архіерейскаго чина. Событія въ концѣ 17-го и въ началѣ 18-го столѣтія показали, что патріаршее правленіе опасно для государства, и потому, въ цѣляхъ самозащиты, государству не оставалось иного исхода, какъ уничтожить патріаршее правленіе и замѣнить его *соборнымъ*. но съѣзжаться въ Россіи, при ея обширности и безпутьѣ, хотя разъ въ годъ, какъ требуется канонами, было невозможно, и потому явилась необходимость учредить постоянный соборъ, въ формѣ Святѣйшаго Синода,

Съ кончиною Петра не стало уже руководителя новыхъ учрежденій. Все измѣнилось, и XVIII столѣтіе было дѣйствительно для Церкви временемъ порабощенія и стѣсненія Но не по винѣ новаго учрежденія, а потому что Россіей стали править чуждые Россіи и русской вѣрѣ нѣмцы и по причинѣ всеобщаго невѣжества въ дѣлахъ Церкви и вѣры. Это же невѣжество было причиною и того, что въ Царствованіе Павла I въ офиціальномъ Государственномъ актѣ Императоръ поименованъ былъ *Главою* Церкви — названіе, не получившее впрочемъ офиціальнаго значенія и дѣйственной силы. Но затѣмъ въ XIX столѣтіи, по мѣрѣ постепеннаго смягченія нравовъ и расширенія правъ, ничто уже не препятствовало Церкви, ограждаемой Государствомъ, усилить и расширить свое духовное вліяніе въ народѣ и въ обществѣ, и внимательный и безпристрастный изслѣдователь фактовъ церковной жизни долженъ признать, что съ теченіемъ времени и съ распространеніемъ культуры въ обществѣ дѣятельность Церкви не только не понизилась противу прежняго времени, но получила значительное развитіе и новыя средства и способы для нравственнаго воздѣйствія на паству.

его мнѣнію, дополненія и остановить вниманіе на забытыхъ сторонахъ въ отношеніяхъ между Церковью и государствомъ въ Россіи. Но, разбирая „Вопросы“ и „Записку“, авторъ соображеній не сказалъ ничего положительнаго по вопросу о церковной реформѣ. Нужна ли она вообще и если да, то въ какомъ направленіи? Объ этомъ недостаткѣ Соображеній приходится прямо пожалѣть. Съ К. П. Побѣдоносцевымъ можно не соглашаться во взглядахъ, но всегда интересно и полезно узнать его мнѣніе, какъ человѣка серьезнаго, многоопытнаго и по своему преданнаго Церкви. Трудно повѣрить, чтобы онъ самъ не сознавалъ ненор-

---

Нынѣ радѣтель Церкви въ своей запискѣ жалуется, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность Церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей *автономіи*, опекою Государства и контролемъ свѣтской власти надъ жизнью церковной. Въ чемъ именно являются эти стѣсненія, — на это записка не даетъ опредѣлительныхъ указаній, ограничиваясь общими фразами, а отъ этихъ стѣсненій происходитъ будто бы упадокъ церковной жизни. Въ числѣ аргументовъ приводится выхваченная изъ сочиненія Достоевскаго фраза: „русская Церковь въ параличѣ“, но, толкуя эту фразу, надлежало бы объяснить, если этотъ параличъ есть, то давно ли начался и отъ чего происходитъ — отъ бездѣйствія своихъ силъ или отъ воздѣйствія чуждой силы. Объявляется *свобода* совѣсти для всѣхъ, говоритъ записка, а дѣятели церкви остаются „связанными“, какъ будто въ чемъ умаляется или нарушается *„свобода совѣсти“* въ ихъ дѣятельности. И эта фраза остается необъясненною безъ опредѣлительныхъ указаній на факты.

Авторъ записки желалъ бы повидимому устранить изъ церковной жизни всякое участіе людей свѣтскаго чина, т-е чиновниковъ, являющихся представителями и орудіями государственнаго попеченія о церкви, т.-е въ сущности пособниками церкви, служителями въ одинаковой степени и Церкви и Государства. Церковь, говоритъ онъ, должна быть освобождена отъ государственной или политической дѣятельности. Но такое уединеніе отъ интересовъ государственныхъ невозможно нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Россіи, гдѣ главнѣйшую заботу государственной власти составляетъ попеченіе о просвѣщеніи и воспитаніи народа въ духѣ вѣры и нравственности, притомъ церковные вопросы, особливо по отношенію къ Востоку, пріобрѣтаютъ нынѣ международное политическое значеніе, слѣдовательно не могутъ быть чужды государству.

Въ тѣхъ условіяхъ, въ коихъ должна дѣйствовать Русская Церковь на гремаднѣйшей территоріи въ незаселенныхъ пустынныхъ пространствахъ, посреди разноплеменнаго и некультурнаго населенія, посреди бѣдности народной,—она была бы обездолена безъ помощи со стороны Государства, и всѣмъ извѣстно, сколь обильно въ послѣднее время снабжена Церковь денежными отъ Государства пособіями на содержаніе духовенства и духовно-учебныхъ заведеній, на пенсіи, на церковно-приходскія школы, земельными надѣлами изъ казенныхъ земель и т. п. Но всѣ эти пособія уже ставятъ церковное управленіе въ необходимость и сообразоваться съ законами и порядками различныхъ казенныхъ управленій съ правилами контроля и входить въ постоянныя и непрерывныя отношенія съ управленіями всѣхъ безъ исключенія Министерствъ, а для сего потребны и спеціальныя знанія разнообразныхъ законовъ и изслѣдованія по отдѣльнымъ возникающимъ вопросамъ и во всякомъ случаѣ

мальности положенія церковныхъ дѣлъ и когда-либо не думалъ о средствахъ исправленія. А въ такомъ случаѣ изложеніе своихъ положительныхъ соображеній могло бы быть гораздо важнѣе критики чужихъ, иногда по необходимости дѣлающейся односторонней, не захватывающей вопросъ въ ея цѣломъ и даже уклоняющейся отъ главнаго предмета. Нѣкоторыя указанія на ненормальность существующихъ въ Церкви порядковъ можно находить и въ самихъ Соображе-

---

многообразная сложная переписка. Церковное управленіе несомнѣнно обязано подчиняться общимъ Государственнымъ законамъ и нуждается поэтому въ спеціальныхъ знаніяхъ, нуждается и въ содѣйствіи спеціалистовъ разнаго рода, инженеровъ, архитекторовъ и т п Какъ же при семъ церковная власть могла бы обойтись безъ содѣйствія чиновниковъ, совершающихъ всю эту громадную работу — и если Церковь полагаетъ свою *автономію* въ устраненіи такого содѣйствія, то, употребивъ на то массу духовныхъ лицъ, она только отвлекла бы ихъ отъ прямого духовнаго служенія Церкви и не получила бы того содѣйствія (спеціальныхъ работниковъ), которое имѣетъ теперь. Въ чемъ же, спрашивается, эти чиновники стѣсняютъ дѣятельность духовныхъ лицъ,— если не считать стѣсненіемъ отзывы знающихъ лицъ о томъ, что можно по закону и чего нельзя сдѣлать и требовать.

Записка указываетъ на устраненіе изъ церковной жизни основного начала соборности, какъ главнаго принципа церковнаго управленія. Но въ чемъ же тутъ стѣсненіе со стороны Государства? Выше показано, почему древней византійской Церкви каноническое правило съѣзжаться хотя разъ въ годъ оказалось не примѣнимо къ Россіи по ея обширности, по обширности епархій и по трудности сообщеній. Правда, въ первой половинѣ 19 столѣтія бывалъ запретъ Епископамъ съѣзжаться, но объ немъ давно уже нѣтъ помину, и въ послѣднія 25 лѣтъ по распоряженію Синода устроялись неоднократно соборы помѣстныхъ церквей, именно въ Казани, въ Кіевѣ и въ Иркутскѣ.

Стѣсненіемъ признается повидимому учрежденіе Духовныхъ Консисторій, служащее „бюрократическою замѣной древняго собора пресвитеровъ“. Но учрежденіе это было по необходимости вызвано тѣмъ же крайнимъ усложненіемъ переписки по дѣламъ того же церковнаго управленія въ соприкосновеніи ихъ съ дѣлами общаго гражданскаго управленія, и работниками этой переписки по необходимости стали чиновники и свѣтскіе люди, — а эта переписка, размножаясь, доходитъ въ иныхъ консисторіяхъ до 20,000 исходящихъ бумагъ въ годъ. Какъ же обойтись безъ нея? Правда, что Консисторія стала присутственнымъ мѣстомъ и обилуетъ недостатками формальнаго производства всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Но свѣтское лицо — Секретарь Консисторіи занимаетъ *служебное мѣсто* при Епископѣ. Отъ Епископа же во многомъ зависитъ вдохнуть жизнь своимъ личнымъ отношеніемъ и участіемъ въ собраніе пресвитеровъ, состоящихъ членами Консисторіи и приходящихъ туда обычно лишь для подписанія протоколовъ, которые затѣмъ представляются Епископу. Говорятъ: „живую общественную жизнь замѣнила бумага“. Но какъ устранить ее, когда физическія условія жизни затрудняютъ непосредственное живое общеніе іерархіу съ народомъ“. Однако и въ этомъ отношеніи отъ личной дѣятельности Епископа и духовенства зависитъ—въ бумагѣ не забывать человѣка и имѣть въ мѣрѣ возможности живое общеніе съ паствою. При чемъ же тутъ стѣсненіе отъ Государственной власти?

ніяхъ. Указъ Синода отъ 28-го апрѣля 1722 года о доношеніи, куда слѣдуетъ объ открытыхъ на исповѣди грѣхахъ, касающихся личности монарха и мятежа самъ г. Побѣдоносцевъ называетъ „однимъ изъ дикихъ явленій прежняго дикаго и темнаго времени“, но только почему-то считаетъ его давно потерявшимъ значеніе и подлежащимъ забвенію. Между тѣмъ, пока объявленный во всеобщее

Записка жалуется на упадокъ прихода сравнительно съ тѣмъ, что бывало въ 16 и 17 столѣтіяхъ, когда приходъ представлялъ живую и самодѣятельную единицу,—и здѣсь вину возлагаетъ на реформу Петра и на стѣснительное вмѣшательство Государственной власти Но авторъ забываетъ, что мы уже не можемъ вернуться изъ новаго міра и изъ множества измѣненныхъ и усложнившихся отношеній и интересовъ въ Русь 16 и 17 столѣтій. Съ тѣхъ поръ измѣнился вовсе составъ прихода и что было прежде просто, пришло въ смѣшеніе, разнообразіе и разладъ. Гдѣ было просто согласіе сходки и міра, тамъ явилось раздѣленіе и столкновеніе интересовъ и похотей. Прежде, говорятъ, община сама себѣ избирала священника и это дѣло было просто, ибо просто было самое званіе священника, во многихъ случаяхъ неграмотнаго, повторявшаго съ памяти церковныя службы для совершенія требъ. И это дѣло усложнилось съ тѣхъ поръ, какъ стали требоваться священники съ цензомъ, т. е. съ прохожденіемъ школьнаго курса Посему и нынѣ, хотя не устраняется право выбора, но избраніе принадлежитъ архіерею и заручныя челобитныя требуютъ повѣрки, ибо составляются нерѣдко простымъ подборомъ подписей подъ просьбой въ личномъ интересѣ. „Община сама себѣ строила церковь“. Но нынѣ въ сравненіи съ 16 и 17 столѣтіями потребовалось вновь громадное количество церквей, на строеніе коихъ уже недостаточны силы бѣдныхъ приходскихъ общинъ. И нынѣ храмы Божіи строются по всему лицу земли народною копѣйкой и щедрыми пожертвованіями частныхъ лицъ—ревнителей церкви: но главнымъ образомъ потребность, существенная и для Государства, удовлетворяется Государственною заботою. Отпускаемыми отъ Государства немалыми средствами открываются новые приходы и созидаются церкви тамъ, гдѣ нуждается въ нихъ бѣдное населеніе Притомъ историческія изслѣдованія показываютъ, что далеко не всѣ церковныя общины имѣли тотъ идеальный видъ самостоятельности, въ какомъ показываетъ ихъ записка. Множество церквей содержалось на *ктиторскомъ* правѣ. Соборныя церкви во всей Россіи числомъ до 1,500 считались Царскими и имѣли ктиторомъ Государя, содержались на счетъ Царя и духовенство ихъ кормилось изъ Царской руки. Церкви Псковскія и Новгородскія зависѣли первоначально на ктиторскомъ правѣ отъ вѣча, а по уничтоженіи вѣча считались то передъ воеводою, то передъ земскою избою. Ктиторское право вотчинника примѣнялось къ церквамъ, построеннымъ вотчинниками и помѣщиками, и по выбору членовъ причта и по церковному хозяйству, и ружили ихъ сами владѣльцы. Крестьяне, сидѣвшіе на волостныхъ и государственныхъ земляхъ и посадскіе люди строили церкви, призывали къ нимъ поповъ, ружили ихъ и выбирали старосту Наконецъ, въ 1667 г. греческіе Патріархи, вызванные въ Москву Царемъ, на соборѣ обличили явленіе, названное ими противоканоническою нелѣпостью и корчемствомъ церквами, т. е существованіе церквей, принадлежащихъ попамъ на вотчинномъ и ктиторскомъ правѣ, съ передачею по наслѣдству, по завѣщанію и по продажѣ.

свѣдѣніе указъ Св. Синода офиціально не отмѣненъ установленнымъ порядкомъ, онъ относится къ числу изданныхъ Св. Синодомъ распоряженій и въ каждый моментъ можетъ быть исполненъ, а узаконяемое имъ съ церковной точки зрѣнія

Напрасно записка какъ бы возлагаетъ на Государство вину разоренія самостоятельной приходской единицы Дѣйствительные факты исторіи показываютъ противное, и порвая забота о возстановленіи прихода принадлежитъ не кому иному, а Государству, и именно въ лицѣ осуждаемаго запискою Петра. Онъ, по вступленіи на престолъ, воспретилъ архіереямъ распоряжаться церковными суммами и поручилъ имъ наблюдать за цѣлостью приходской казны и снабжать церковныхъ старостъ зашнурованными приходо-расходными книгами; а въ 1718 г. (полн. собр зак. № 3171 и 5) издалъ указъ объ охраненіи цѣлости приходской общины, чтобы церковное хозяйство вѣдалось прихожанами чрезъ выборныхъ старостъ, Въ 1764 г. послѣдовалъ актъ освобожденія приходскаго духовенства отъ тяглой зависимости Епископу, а прихожанъ отъ пошлинъ въ пользу церковной власти. Изданная въ 1808 г. инструкція церковнымъ старостамъ положила конецъ въ приходахъ изъ крѣпостныхъ произвольнымъ распоряженіямъ помѣщиковъ, особливо поляковъ, церковными доходами, и донынѣ продолжаются заботы государственной власти о постепенномъ развитіи самостоятельности прихода, къ чему стремится и учрежденіе попечительствъ церковныхъ и учрежденіе церковно-приходскихъ школъ.

Записка указываетъ на кастовый замкнутый характеръ духовенства — явленіе, говоритъ, небывалое въ древней церковной жизни. Выше показано, что прежнее положеніе приходской общины въ 16 и 17 столѣтіяхъ нельзя сравнивать съ положеніемъ ея при усложненіи общественныхъ отношеній въ позднѣйшее время, когда потребовались священники грамотные съ извѣстнымъ образованіемъ. Возрастаніе новыхъ потребностей и умноженіе новыхъ путей для служебной карьеры сократило число желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, сопряженному въ большинствѣ приходовъ съ бѣдностью и крайнею нуждою, а есть у насъ приходы, простирающіеся на сотни верстъ въ окружности. Число охотниковъ обречь себя на служеніе церкви по призванію всегда было почти ничтожное, и еще св. Димитрій Ростовскій скорбѣлъ, что ищутъ священническихъ мѣстъ „не ради Іисуса, но ради хлѣба куса“, и пребываютъ въ невѣжествѣ и суевѣріи. Не трудно изъ сего видѣть, почему образовалось сословіе священнослужителей въ замкнутомъ видѣ Духовенство у насъ не безбрачное, крайне обильное дѣтьми, коимъ предстоитъ большею частію искать себѣ пропитанія и дѣла въ томъ же званіи; но и затѣмъ всѣ, кто можетъ, ищутъ себѣ мѣстъ на другихъ поприщахъ, такъ что есть у насъ епархіи, въ коихъ пустуютъ годами до 30 мѣстъ въ бѣдныхъ приходахъ за неимѣніемъ охотниковъ занять оныя. Очевидно, что и это никоимъ образомъ не зависитъ отъ стѣсненій, коимъ будто бы подвержена церковь. Государство напротивъ того приходитъ на существенную помощь приходскому духовенству, обезпечивая его въ предѣлахъ возможности жалованьемъ, для чего постепенно отпускаются изъ общей смѣты Государственныхъ доходовъ милліонныя суммы, и назначеніемъ пенсій. Нынѣ же записка предлагаетъ какую то организацію *земскаго обложенія* въ пользу духовенства, слѣдовательно рѣшается предложить новое обложеніе народа, довольно уже отягощеннаго нынѣшнимъ земскимъ обложеніемъ.

преступленіе не можетъ преслѣдоваться, какъ таковое. Кромѣ того, существованіе не отвергнутаго распоряженія, какъ явленія дикаго, можетъ давать поводъ къ очень вреднымъ и соблазнительнымъ мнѣніямъ о церковномъ управленіи.

Записка указываетъ на „недочеты“ духовной школы и ставитъ ей въ вину неприготовленность духовенства къ нравственному воздѣйствію на „образованное общество“. Надлежало бы, по мнѣнію автора, измѣнить въ ней программы и предметы преподаванія съ тѣмъ, чтобы дать въ ней мѣсто знакомству съ современными теченіями общественной мысли и съ „отрицательными культурными теченіями“. Но, не говоря уже о томъ, на сколько эти отрицательныя теченія выражаютъ въ себѣ истинную желаемую культуру, — нельзя не замѣтить, что наши духовно-учебныя заведенія состоятъ совершенно въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода, и учрежденный при немъ Духовно-Учебный Комитетъ, состоя изъ духовныхъ лицъ и профессоровъ Духовныхъ Академій, служитъ для Святѣишаго Синода пособіемъ для необходимаго формальнаго производства и для исполненія порученій Святѣйшаго Синода, слѣдовательно отъ Святѣйшаго Синода зависитъ дать желаемое направленіе обученію и воспитанію въ духовной школѣ и указать въ желаемомъ духѣ и смыслѣ знающихъ и способныхъ руководителей и преподавателей Государство же, оставляя въ семъ полную свободу высшему духовному управленію, съ своей стороны помогаетъ на содержаніе учебныхъ его заведеній щедрыми пособіями.

Записка указываетъ, что духовная школа представляется узко-сословною, почти недоступною для постороннихъ свѣтскихъ элементовъ, къ существенному вреду Государственному. Но эта описуемая сословность духовной школы объясняется тѣми же причинами, какъ и сословность духовенства. Многочисленное духовенство наше, будучи семейнымъ, выводитъ изъ среды своей многочисленныхъ дѣтей на содержаніе и воспитаніе коихъ средствъ почти не имѣетъ, при скудости содержанія въ сельскихъ приходахъ. Въ виду сего наши духовно-учебныя заведенія на половину лишь учебныя и на половину благотворительныя, служа для призрѣнія и обученія бѣдныхъ дѣтей; а всѣ наши духовныя училища, коихъ въ Россіи 185, содержатся исключительно *на счетъ духовенства*, служа для этой цѣли, и этимъ однимъ уже объясняется почти исключительное пополненіе ихъ дѣтьми духовенства; однако не всѣ, прошедшіе курсъ духовной школы и до конца, посвящаютъ себя служенію церкви, но многіе расходятся на другія поприща.

Осуждаетъ записка Преобразователя Россіи и за то, что онъ возложилъ на духовенство будто бы полицейско-сыскное дѣло—священникъ долженъ былъ слѣдить за правильнымъ показаніемъ податныхъ душъ. Но необходимо вспомнить, что, приступая къ водворенію правильнаго порядка въ государствѣ, къ счету населенія и къ установленію метрическихъ записей, Петръ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи иного для сего орудія, кромѣ духовенства, которое одно являлось грамотнымъ для письма и счета, посреди невѣжественнаго сельскаго населенія. И до нынѣ духовенство обременено тяжелою повинностью веденія метрическихъ записей, собиранія разныхъ статистическихъ свѣдѣній и исполненія требованій разныхъ вѣдомствъ по статистической, по санитарной части и по другимъ предметамъ. Освобожденіе отъ этой повинности было бы благодѣяніемъ для духовенства и несомнѣнно когда нибудь оно наступитъ, — но оно зависитъ не отъ одной воли Правительства. Веденіе метрическихъ за-

Вотъ въ этомъ-то предложеніи г. Побѣдоносцева просто забыть о не отмѣненномъ дикомъ распоряженіи довольно ярко обнаруживается главный недостатокъ русской церковной жизни и церковнаго управленія. Въ теченіе 25-ти

писей и списковъ, повсюду предоставленное особому разряду чиновниковъ, потребовало бы, въ случаѣ введенія такого порядка у насъ, милліонныхъ расходовъ, кои не подъ силу нашимъ средствамъ, и новыхъ учрежденій, кои весьма трудно устроить всюду на русской территоріи, тогда какъ потребность записки существуетъ всюду, гдѣ есть какое либо населеніе, и не на кого до сихъ поръ возложить ея удовлетвореніе иначе какъ на приходское духовенство, совершающее акты крещенія, брака и погребенія, съ коими связана записка.

Что касается до приводимаго въ числѣ обвиненій Петра обязанія духовенства доносить объ открытыхъ на исповѣди покушеніяхъ на Монарха и мятежъ, то объ этомъ давнымъ давно потерявшемъ значеніе правилѣ слѣдовало бы забыть, какъ объ одномъ изъ дикихъ явленій прежняго дикаго и темнаго времени.

Тѣмъ же стѣсненіямъ приписываетъ, повидимому, записка и отсутствіе живого проповѣдническаго слова, но къ живому проповѣдничеству и далеко не всѣ способны, а въ члены клира, по вышеуказаннымъ причинамъ, приходится выбирать для пополненія мѣстъ при церквахъ и людей мало способныхъ и недостаточно приготовленныхъ. Но оживленіе проповѣди зависитъ исключительно, при мѣстныхъ условіяхъ, отъ заботы и руководительства церковныхъ властей, а существующія мѣры стѣсненія свободѣ проповѣдничества представленіемъ писанныхъ проповѣдей на цензуру зависятъ отъ церковной власти и ею установлены, а не Государствомъ.

Наконецъ записка предлагаетъ, чтобы голосъ Церкви слышенъ былъ въ Государственномъ управленіи, предоставить высшимъ представителямъ церковной іерархіи участіе съ правомъ голоса въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, Комитета Министровъ и *подобныхъ* (?) высшихъ государственно-законодательныхъ учрежденій. Но вопросъ этотъ возникалъ уже въ 1862 г., возбужденный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ Валуевымъ, и подвергался обсужденію, причемъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ высказано было мудрое, на опытѣ и знаніи дѣла основанное, мнѣніе, что это нововведеніе послужитъ не къ пользѣ Церкви и можетъ только повредить самостоятельности ея сужденій въ вопросахъ, вѣдѣнію церковному подлежащихъ (о семъ прилагается справка). Правда, что въ Англіи въ верхней палатѣ лордовъ по званію своему участвуютъ въ качествѣ лордовъ Епископы англиканской церкви, но тамъ это дѣло естественное, ибо англійскій парламентъ, въ силу королевскаго церковнаго верховенства, служитъ крайнею инстанціею для рѣшенія церковныхъ вопросовъ не только административныхъ, но и догматическихъ.

Итакъ, по прочтеніи записки, остаемся мы въ томъ же недоумѣніи: въ чемъ состоятъ предполагаемыя стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны Государственной власти, въ чемъ состоитъ столь тяжкая ея опека и слишкомъ бдительный (?) контроль свѣтской власти. Записка не даетъ на это опредѣленнаго отвѣта, довольствуясь общими мѣстами и неясными указаніями и жалобами

12 Марта 1905 г.

К. Побѣдоносцевъ.

лѣтъ г. Побѣдоносцевъ считалъ себя призваннымъ одному съ своими немногими помощниками за всѣхъ мірянъ думать и заботиться объ интересахъ Церкви и принимать активное участіе въ ея управленіи. Конечно, для К. П. Побѣдоносцева среда обширной дѣятельности, можетъ быть, и ничего не стоило забывать о дикостяхъ не только прежняго, но и болѣе новаго времени. Ну, а русское общество оказалось въ этомъ отношеніи не столь забывчиво. Вслѣдствіе возможности подобныхъ дикихъ распоряженій по церковному управленію, официально не отмѣненныхъ и не осужденныхъ, въ обществѣ успѣлъ уже сложиться соотвѣтствующій взглядъ на задачи церковнаго управленія и установиться недовѣрчивыя отношенія къ духовенству.

Вотъ къ чему привело то положеніе, что русскій народъ столь долго долженъ былъ лишь безпрекословно слушаться распоряженій того учрежденія, которое однако могло иногда требовать и дикости и въ которомъ не только не раздавалось самостоятельнаго голоса народа, но всякій голосъ, несогласный съ нимъ разсматривался чуть ли не какъ нарушеніе заповѣди Божіей и возстаніе противъ Церкви. Вообще многіе изъ существующихъ въ Русской Церкви порядковъ и узаконеній уже давно осуждены нравственнымъ сознаніемъ немалаго числа людей и однимъ забвеніемъ наиболѣе яркихъ проявленій зла нельзя ослабить впечатлѣніе глубокой ненормальности существующаго. Но если-бы русская церковная жизнь и ея управленіе шли болѣе правильно, если-бы они оправдывали собой извѣстное выраженіе св. Амвросія Медіоланскаго, что „Церковь есть нѣкоторая форма справедливости, общее право всѣхъ; сообща она молится, сообща работаетъ, сообща испытуется“, то не столь забывчивые голоса изъ народа, принятые во вниманіе, уже давно бы вызвали полную официальную отмѣну того, что отравляетъ отношенія пастырей къ народу. Уже самый фактъ нарушенія смысла таинства исповѣди, явившійся, какъ распоряженіе церковныхъ властей, хорошо показываетъ объ опасности для Церкви, когда въ ея управленіи нѣтъ активнаго участія народа съ его церковнымъ сознаніемъ, по свидѣтельству исторіи обыкновенно наиболѣе близкимъ ко вселенской истинѣ

Серьезность вопроса о церковной реформѣ, казалось бы, требовала принять во вниманіе и Соображенія г. Побѣдоносцева въ тѣхъ частяхъ, гдѣ они вносили поправку, тѣмъ болѣе, что они почти не затронули вопросъ о созывѣ помѣстнаго собора и не опровергли „Записку“ въ главномъ пунктѣ. Но Соображенія, очевидно, прежде всего не понравились лично Предсѣдателю Комитета Министровъ, и на Соображенія К. П. Побѣдоносцева отъ его имени появилось объясненіе, названное: „По поводу Соображеній статсъ-секретаря К. П. Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православ-

ной Церкви". Для интересующихся имъ подробно оно приведено полностью внизу [1]).

Объявленіе отъ имени Предсѣдателя Комитета Министровъ вмѣсто спокойнаго соотвѣтствующаго важности предмета обсужденія Соображеній написано

---

[1]) **По поводу „Соображеній Статсъ-Секретаря К. П. Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви".**

(Отъ предсѣдателя Комитета Министровъ).

Отсутствіе возраженій по основному пункту „записки" о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра I-го; особенная важность этого пункта.

Въ отвѣтъ на записку „о современномъ положеніи Православной Церкви", Оберъ-Прокуроръ Синода представилъ рядъ „соображеній". Положенный въ основу записки тезисъ, что со времени Петра I-го русская Церковь вступила на невѣдомый дотолѣ Православной Церкви путь церковнаго управленія, оставленъ, тѣмъ не менѣе, Статсъ-Секретаремъ Побѣдоносцевымъ безъ возраженій. Въ его отвѣтѣ мы имѣемъ по этому предмету только случайно брошенную фразу, что „Синодъ есть постоянный соборъ". Не подтвержденная никакими соображеніями, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить возраженіемъ противъ достаточно обоснованной въ „запискѣ" мысли, что Синодъ въ настоящемъ его видѣ, — при отсутствіи представительства отъ мѣстныхъ церквей — есть не болѣе, какъ бюрократическая коллегія.

Въ своихъ „соображеніяхъ" Оберъ-Прокуроръ желаетъ опровергнуть нашъ выводъ лишь относительно неблагопріятнаго вліянія реформы на послѣдующую церковную жизнь. Но если бы автору и удалось доказать благотворность реформы, если бы каждое слово его записки было неоспоримо, то и въ такомъ случаѣ фактъ отпаденія русской Церкви отъ „канона" остается фактомъ. Церковь должна руководствоваться въ своемъ управленіи не тѣми или другими человѣческими измышленіями, хотя бы и искусно придуманными, а единственно правилами апостоловъ и вселенскихъ соборовъ; завѣтъ быть вѣрной преданіямъ апостольской соборной церкви звучитъ и въ словахъ символа: „вѣрую въ . . . соборную и апостольскую церковь".

Правда, „канонъ" — не догматъ; онъ можетъ быть измѣненъ; но только вселенскимъ соборомъ, а ни въ какомъ случаѣ не свѣтскою властью и даже не голосомъ помѣстной Церкви. Съ вселенскимъ „канономъ" нельзя смѣшивать каноническое творчество отдѣльныхъ помѣстныхъ Церквей, каково, напримѣръ, творчество византійской Церкви, въ періодъ послѣ вселенскихъ соборовъ. Только освященное голосомъ вселенскаго собора, оно можетъ получить силу обязательнаго каноническаго закона и санкцію вѣрности церковному преданію.

Состояніе церковной жизни при патріархахъ не давало основаній къ разрыву съ каноническимъ порядкомъ церковнаго управленія.

Въ какихъ бы мрачныхъ краскахъ ни рисовалась церковная жизнь нашего патріаршаго періода, она все-же не давала основаній къ разрыву съ

тономъ полемическимъ, въ которомъ слышится не столько желаніе выяснить истину, сколько отстоять „Записку“ и унизить значеніе Соображеній. Чтобы поддержать только высказанное въ „Запискѣ“, авторъ объясненія, повидимому, даже отказывается отъ солидарности съ „Вопросами“ и требуетъ ихъ не смѣшивать, считая точку зрѣнія „Вопросовъ“ узкой. Въ полемикѣ противъ Сообра-

---

церковнымъ преданіемъ и переустройству церковнаго управленія по протестантскимъ образцамъ. Если патріархъ, который по каноническому порядку долженъ быть только предсѣдателемъ собора епископовъ,— primus inter pares (это ясно оттѣнено въ нашей „запискѣ“), сдѣлался какимъ-то образомъ феодаломъ, самодержавнымъ въ своей церковной области государемъ, то его нужно было лишь ввести въ законныя „каноническія“ рамки, ограничить соборомъ,— не больше. Странно слышать ссылки на то, что соборное начало церковнаго управленія не можетъ быть осуществлено въ Россіи въ виду неудобства путей сообщенія. Неужели въ загроможденныхъ горными массивами Греціи, Малой Азіи и Сиріи IV—VIII вв., когда епископамъ этихъ странъ вмѣнялось въ обязанность дважды въ годъ собираться на помѣстные соборы, пути сообщенія были лучше и удобнѣе, чѣмъ на русской равнинѣ, да еще въ нашъ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства? Смѣемъ полагать, что вселенскіе соборы, на которыхъ присутствовали пастыри, собиравшіеся за тысячи верстъ, проводившіе въ пути цѣлые мѣсяцы, знали, что дѣлали, когда настаивали на соборной формѣ управленія, требуя не бюрократическихъ коллегій, а представительства отъ каждой Церкви. Авторъ „соображеній“ готовъ считать за помѣстные соборы случайные съѣзды нѣсколькихъ архипастырей, бывшіе въ Москвѣ, Казани, Иркутскѣ, упуская изъ виду то, что на помѣстномъ соборѣ должны быть представители отъ *всѣхъ* епархій данной Церкви; но если бы даже онъ былъ и правъ, то вѣдь это только три-четыре случайныхъ съѣзда за 200 лѣтъ!

Общій характеръ возраженій Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева.

а) смѣшеніе двухъ документовъ разнаго происхожденія и характера.

У К П. Побѣдоносцева были подъ рукой два документа разнаго происхожденія и содержанія: „вопросные пункты о желательныхъ преобразованіяхъ“, составленные подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія профессорами Духовной Академіи и „записка“. Первые намѣчаютъ группу пунктовъ для предварительнаго обсужденія въ Совѣщаніи Министровъ положенія православія и имѣютъ въ виду только ту сторону вопроса, которая непосредственно касалась опеки свѣтской власти надъ Церковью; наша записка даетъ общую картину явленій, нежелательныхъ въ церковной жизни, въ чемъ бы ни коренились ихъ причины. Несмотря на различіе объема содержанія того и другого документовъ, авторъ „соображеній“ смѣшалъ ихъ въ своихъ возраженіяхъ.

b) неточное толкованіе внутренней связи положеній „записки“.

Смотря на „записку“ подъ болѣе узкимъ угломъ зрѣнія „вопросныхъ пунктовъ“, онъ полагаетъ, что всѣ церковныя нестроенія мы ставимъ въ вину единственно слишкомъ бдительному надзору свѣтской власти и, потому, сопро-

женій дѣло доходитъ до того, что въ нихъ отыскано нѣкоторое сходство въ фактахъ, приводимыхъ въ диссертаціи одного изъ подчиненныхъ оберъ-прокурору чиновниковъ Рункевича. Почему же именно диссертацію Рункевича? — недоумѣваетъ читатель. А просто потому, что черезъ такое сопоставленіе Соображеніямъ К. П. Побѣдоносцева можно вмѣнить въ вину всѣ недостатки этой диссертаціи, причемъ авторъ объясненія не постѣснялся

вождаетъ каждое положеніе „записки“ неизмѣннымъ вопросомъ: „при чѣмъ же здѣсь стѣсненія свѣтской власти и ея слишкомъ бдительный надзоръ?“ Считая этотъ вопросъ вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы разрушить силу нашихъ сужденій, авторъ въ своихъ возраженіяхъ въ большинствѣ случаевъ имъ только и ограничивается; поэтому, напримѣръ, послѣднія страницы записки Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева, особенно тамъ, гдѣ намъ отвѣчаютъ на сужденія о кастовомъ замкнутомъ характерѣ духовенства, о недочетахъ духовной школы, объ отсутствіи живого проповѣдническаго слова, идутъ совершенно мимо цѣли: наша „записка“ не ставитъ эти явленія въ непосредственную связь съ бюрократической опекой, а „вопросные пункты“ ихъ совершенно не касаются. Считать себя повинными и въ этомъ недоразумѣніи мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ.

с) механически-поверхностное пониманіе явленій церковной жизни и ихъ причинъ.

Но даже при этомъ недоразумѣніи, помѣшавшемъ автору уловить внутреннее построеніе мыслей „записки“, многое въ характерѣ его возраженій мы раздѣлить не можемъ. Авторъ „соображеній“ отказывается идти далѣе понятія непосредственнаго „стѣсненія высшаго церковнаго управленія и дѣятельности духовенства со стороны государственной власти“. Онъ отказывается видѣть гнетъ тамъ, гдѣ нѣтъ полицейскаго стѣсненія. И вотъ, послѣ того какъ мы въ „запискѣ“ отмѣтили цѣлый рядъ такихъ фактовъ церковной политики, какъ изгнаніе изъ высшаго и епархіальнаго управленія принципа соборности и мѣстнаго представительства; прекратившійся созывъ помѣстныхъ соборовъ; сообщеніе сухо-бюрократическаго характера дѣятельности Синода и епархіальному управленію; лишеніе церковной общины права избранія себѣ епископовъ и пресвитеровъ, права распоряженія церковнымъ имуществомъ и всякаго почина въ приходскомъ управленіи; сухое направленіе школы; несеніе духовенствомъ полицейски-сыскныхъ обязанностей; необходимость жить поборомъ; и такія явленія государственной жизни, какъ чрезмѣрное развитіе государственной централизаціи, убившей всякіе слѣды общины и вообще мѣстной иниціативы,— все такіе факты, печальнаго, гнетущаго вліянія которыхъ на церковную жизнь никто не рѣшится отрицать,— авторъ, не отрицая ихъ существованія, поистинѣ говоритъ: „Радѣтель церкви (вѣрнѣе было бы сказать „радѣтели“, ибо дальнѣйшія слова взяты изъ „вопросовъ“, а не изъ „записки“) въ своей запискѣ жалуется, что просвѣтительная и духовно-назидательная дѣятельность Церкви стѣсняется, сравнительно съ иновѣрцами, въ своей автономіи опекою государства; въ чемъ именно эти стѣснѣненія,—на это „записка“ не даетъ опредѣлительныхъ указаній (sic!), ограничиваясь общими фразами“. Да въ томъ и заключаются эти стѣсненія, что расколосектантство не обязано считаться съ большинствомъ отмѣченныхъ печальныхъ явленій; оно стоитъ внѣ этой, проникнутой бюрократизмомъ атмосферы.

даже въ важномъ вопросѣ о церковной реформѣ отвлекать вниманіе отзывами о диссертаціи Рункевича профессоровъ Петербургской Духовной Академіи. Плохими отзывами объ этой диссертаціи авторъ надѣется унизить значеніе Соображеній и обосновать свое скрытое желаніе возвратиться къ церковному строю XVI или XVII вѣка. Пріемы во всякомъ случаѣ очень странные и внушающіе

Въ „вопросахъ о желательныхъ преобразованіяхъ“, которые авторъ считалъ за одно съ „запиской“, кромѣ того указано на отсутствіе у прихода правъ юридическаго лица, въ связи съ имѣющимся въ виду признаніемъ его за старообрядческими обществами; на стѣсненіе Церкви въ ея правахъ пріобрѣтенія недвижимости (на каждый случай особое Высочайшее соизволеніе); на совершенное устраненіе духовенства изъ общественной жизни; на необходимость годовыхъ проволочекъ даже по разнымъ мелочамъ церковнаго хозяйства; но авторъ, повидимому, считаетъ все это совершенно нормальнымъ. Политическая миссія духовенства, съ необходимостью разныхъ доношеній и регистрацій, также кажется нормальной, ибо въ концѣ записки Статсъ-Секретарь Побѣдоносцевъ заявляетъ, что, прочитавъ все до конца (т.-е. „записку“ и „вопросы“), „нигдѣ не нашелъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на стѣсненія, а только фразы и неопредѣленныя жалобы“.

Въ отвѣтъ на наше положеніе, что консисторія, вмѣсто каноническаго „собора пресвитеровъ“ или епископскаго собора, представляетъ канцелярію, гдѣ задыхаются отъ бумагъ, авторъ спокойно отвѣчаетъ: что же дѣлать, если бумагъ стало поступать по 20,000 въ годъ? А откуда же это бумажное море? Авторъ не задумался надъ тѣмъ, что бумажное море пошло оттого, что въ „епископскомъ соборѣ“ неправильно сосредоточили, въ силу принциповъ государственной централизаціи, всѣ приходскія дѣла, вплоть до разрѣшенія починить развалившуюся ограду Церкви, вслѣдствіе чего замерзла и свелась на нѣтъ дѣятельность приходской общины, образовалось бумажное море въ консисторіяхъ и бумажная стѣна въ архіерейскомъ кабинетѣ, которая мѣшаетъ архипастырю войти въ живую связь съ паствой.

Авторъ „соображеній“ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ паденіи прихода не виновата государственная власть: оно совершилось, повидимому, какъ-то само собой; онъ даже указываетъ нѣсколько частичныхъ мѣръ Петра I и его преемниковъ, направленныхъ къ упорядоченію приходской жизни. Но что же могли сдѣлать частичныя мѣры, порою, можетъ-быть, идущія въ разрѣзъ общей политикѣ, если вся общественная атмосфера дѣйствовала гнетущимъ образомъ, если развивавшееся крѣпостное право и гоненіе на общинную жизнь и всякую мѣстную иниціативу уничтожали въ корнѣ возможность развитія приходской общественной жизни.

„Соображенія“ Оберъ-Прокурора указываютъ на то, что теперь, съ развитіемъ культуры, дѣятельность Церкви не понизилась противъ прежняго, но получила, наоборотъ, значительное развитіе.— Еще бы! Конечно, общіе культурные успѣхи въ послѣдніе два вѣка должны были сказаться, несмотря на невозможныя условія общественно-церковной жизни. Но нельзя забывать того, что въ XVII вѣкѣ духовенство стояло во главѣ культурнаго движенія страны и представляло далеко выдвинувшуюся впередъ просвѣщенную силу; а теперь оно считается однимъ изъ наиболѣе отсталыхъ классовъ. Не значитъ ли это, что развитіе церковной жизни шло несравненно медленнѣе, въ сравненіи съ

мало довѣрія при разсмотрѣніи вопросовъ общецерковныхъ и государственныхъ. Неужели же авторъ объясненія можетъ серьезно думать, что взгляды столь ученаго и опытнаго въ государственномъ управленіи человѣка, какъ г. Побѣдоносцевъ, могли сложиться подъ вліяніемъ плохой академической диссертаціи. Навѣрное еще за долго до появленія указанной диссертаціи К. П. Побѣдонос-

---

другими сторонами культурной жизни? Въ то далекое время не было и помину о разладѣ между пастырями и паствой, о той враждѣ между духовенствомъ и значительной частью интеллигенціи, которая является далеко не добрымъ знаменіемъ настоящаго времени.

Замѣчаніе о характерѣ источниковъ „записки“ и отвѣтныхъ „соображеній“.

Аргументація записки Статсъ-Секретаря Побѣдоносцева основана на подборѣ единичныхъ случаевъ и фактовъ. Объясняется это, повидимому, особенностью тѣхъ источниковъ, на основаніи которыхъ она написана. Въ виду поставленнаго авторомъ ея упрека въ томъ, что наши соображенія страдаютъ малымъ знакомствомъ съ исторіей и основаны на несерьезныхъ источникахъ, мы нѣсколько остановимся на этомъ предметѣ. Говорятъ, что наша записка основана на такомъ несерьезномъ матеріалѣ, какъ статьи богословскихъ журналовъ и книги нѣкоторыхъ идеалистовъ и идеологовъ, не знакомыхъ съ дѣйствительностью. Но это далеко не такъ; каноническая сторона записки основана на трудахъ извѣстныхъ канонистовъ, каковы: Павловъ, Суворовъ, проф. Заозерскій, имена которыхъ не разъ упоминались въ запискѣ; но авторъ „соображенія“, при опредѣленіи источниковъ, которыми мы пользовались, счелъ за лучшее объ этомъ умолчать. Въ вопросахъ, касающихся жизни прихода, мы пользовались трудами Папкова; и вотъ, теперь Статсъ-Секретарь Побѣдоносцевъ возражаетъ противъ тѣхъ самыхъ, почерпнутыхъ изъ трудовъ Папкова, положеній, за которыя всего два года тому назадъ послѣднему по его же, К. П. Побѣдоносцева, предложенію была присуждена Макарьевская премія. Въ виду того, что нынѣ, за отсутствіемъ соборовъ, церковное сознаніе находитъ себѣ вѣрное отраженіе только развѣ въ разсадникахъ высшаго богословскаго образованія — академіяхъ, являющихся въ дѣлахъ науки судьями даже высшихъ іерарховъ, — мы предпочитали обосновываться на мнѣніяхъ академій, выраженіемъ которыхъ являются редакціонныя статьи академическихъ журналовъ. Такъ, статьи „Церковнаго Вѣстника“ не разъ открыто признавались въ свѣтской печати голосомъ С.-Петербургской академіи, и такое ихъ толкованіе не возбуждало возраженій со стороны Синода, или вообще церковныхъ сферъ; вотъ почему мы пользовались мыслями редакціонныхъ статей этого органа. По тѣмъ же основаніямъ мы пользовались нѣкоторыми статьями профессоровъ Заозерскаго и Тихомирова въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“: будучи помѣщены въ органѣ Московской Академіи, онѣ были встрѣчены явнымъ сочувствіемъ въ остальныхъ академическихъ органахъ Эти именно мнѣнія академическихъ сферъ и извѣстныхъ канонистовъ, а не наши личныя и случайно составившіяся воззрѣнія, и легли въ основу нашей записки. Если Оберъ-Прокуроръ считаетъ мнѣнія духовныхъ академій несерьезными, то позволительно спросить, куда же обратиться за серьезнымъ и основательнымъ богословскимъ матеріаломъ?

цевъ уже успѣлъ на все установить свои собственныя точки зрѣнія. Наконецъ, если дѣйствительно содержаніе диссертаціи въ общемъ слабо, то вѣдь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно всетаки можетъ оставаться справедливымъ, особенно же со стороны фактической.

Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что, насколько извѣстно, несмотря на неодобреніе диссертаціи со стороны Петербургской Академіи, высшіе іерархи Русской

На это мы, можетъ-быть, получимъ отвѣтъ, обратившись къ источнику, на основаніи котораго повидимому составлены отвѣтныя „соображенія“. Почти вся фактическая сторона ихъ однородна съ диссертаціей чиновника синодальной канцеляріи Рункевича, именно — изъ тѣхъ ея главъ и мѣстъ, о которыхъ имѣлось подробное обоснованное сужденіе въ совѣтѣ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Въ виду этого мы имѣемъ возможность дать оцѣнку положенному въ основу „соображеній“ матеріалу не на основаніи личныхъ воззрѣній, компетенцію которыхъ К. П. Побѣдоносцевъ совершенно въ правѣ отрицать, а словами и мыслями, принятыми такимъ компетентнымъ въ въ этомъ дѣлѣ учрежденіемъ, какъ совѣтъ профессоровъ Академіи.

„Каноническая оцѣнка Синода“, докладываетъ совѣту свое мнѣніе епископъ Сергій, ректоръ Академіи: „совершенно игнорируется Рункевичемъ... Есть возможность думать, что авторъ потому не говоритъ о каноническомъ смыслѣ и достоинствѣ Петровской реформы, что для него церковь – не Божественное учрежденіе съ незыблемыми, неприкосновенными основами, а лишь извѣстное вѣдомство въ государствѣ, съ которымъ, поэтому, государство можетъ совершенно не церемониться: сначала во главѣ его стоялъ патріархъ и имъ правили іерархи, но это не понравилось, или стало неудобно; тогда патріарха отмѣнили, и управленіе отдали свѣтскимъ чиновникамъ, болѣе „способнымъ“ и болѣе подконтрольнымъ государству“. Позже епископъ Сергій нѣсколько смягчилъ приговоръ и сдѣлалъ предположеніе, что авторъ просто не опредѣлилъ темы работы.

Картины упадка церковной жизни въ періодъ патріаршества и ея возрожденія въ синодальный періодъ, которыми К. П Побѣдоносцевъ доказываетъ необходимость реформы Петра и нежелательность возврата къ старинѣ, однородны съ соотвѣтствующими мѣстами того же труда; но вотъ что говорятъ о нихъ профессора Академіи: „И та и другая картины до очевидности форсированы и на полную историческую достовѣрность претендовать не могутъ. Всѣ примѣры нестроеній и прямо безобразій въ церковной жизни тогдашняго (дореформеннаго) времени — такого рода, что любой консисторскій архивъ по судному столу *въ любую эпоху* можетъ доставить автору цѣлыя сотни ихъ“ (епископъ Сергій). Ту же мысль выражаетъ и другой оппонентъ, профессоръ Никольскій. Указывая на то, что отрицательные факты только черезъ статистику могутъ получить значеніе матеріала для общихъ характеристикъ, онъ отмѣчаетъ, что историческая правда у Рункевича остается въ сторонѣ, уступая мѣсто тенденціознымъ соображеніямъ; что, воспользовавшись матеріалами синодальнаго и консисторскаго архивовъ и вырвавъ отдѣльныя фразы изъ заграничныхъ изданій о Россіи, *по методу Рункевича не трудно представить въ худшемъ состояніи даже настоящее время*. Далѣе профессоръ Никольскій отмѣчаетъ слабое знакомство историка съ допетровскимъ бытомъ Руси и произвольную характеристику дореформенной церковной жизни. „Для вящшаго прославленія церковной реформы онъ (Рункевичъ) механически группируетъ все то, что такъ

Церкви признали ее заслуживающей ученой степени, и такимъ образомъ, вопреки разсчетамъ автора объясненія въ общемъ согласились съ содержаніемъ диссертаціи. Мнѣніе же высшихъ іерарховъ въ церковномъ отношеніи въ глазахъ большинства важнѣе соображеній группы профессоровъ одной изъ духовныхъ

или иначе чернитъ періодъ досинодальной жизни. Смотря на Петра I глазами ослѣпленнаго отъ восторга почитателя, авторъ можетъ видѣть только благія цѣли и не хочетъ спокойно оцѣнить дѣйствительныя послѣдствія историческихъ перемѣнъ, внесенныхъ въ церковный строй съ начала XVIII вѣка"... (Никольскій). Такой же взглядъ проводится и въ отзывѣ доцента Карташева „Его (Рункевича) картина", говоритъ онъ: „покоится не на серьезномъ изученіи явленій старорусской церковной жизни, а на необходимомъ для его апріорной цѣли, одностороннемъ и случайномъ подборѣ фактовъ, выхваченныхъ изъ обширнаго моря жизни. Подобную картину безъ особеннаго труда можно было бы составить не относительно только XVII и XVIII вѣковъ, а даже относительно минувшаго года, если просмотрѣть въ любой консисторіи серію кляузныхъ дѣлъ"... „*Трудно придумать*", отзывается онъ далѣе о картинѣ церковной жизни, представленной Рункевичемъ: „*что-нибудь болѣе несообразное съ тѣмъ, что мы знаемъ о XVII вѣкѣ*. Намъ XVII вѣкъ извѣстенъ, напротивъ, какъ вѣкъ энергичныхъ церковнопросвѣтительныхъ начинаній" [1]).

Разборъ отдѣльныхъ пунктовъ „соображеній" Оберъ-Прокурора по вопросамъ:

а) о возможномъ ослабленіи связи между государствомъ и церковью.

Въ началѣ своихъ „соображеній" Статсъ-Секретарь Побѣдоносцевъ заявляетъ, что наши пожеланія клонятся къ существенному ослабленію связи между Церковью и Государствомъ, въ результатахъ своихъ угрожающему великой опасностью и Церкви, и Государству. — Мы подробно отвѣтили бы на подобное обвиненіе, если бы въ „соображеніяхъ" было отмѣчено, въ чемъ собственно онъ видитъ эту „гибельную опасность"; теперь же, по необходимости приходится ограничиться лишь краткимъ замѣчаніемъ. Если бы тѣ порядки, къ которымъ предполагаемъ возвратиться,—порядки свято-отеческаго періода, считающагося золотымъ вѣкомъ въ исторіи христіанской церкви, — были дѣйствительно гибельными, то Византія не мирилась бы съ ними въ теченіе свыше 1000 лѣтъ, а церковь не процвѣтала бы въ это время. Авторъ „соображеній" желаетъ доказать, что мы хотимъ возврата не въ свято-отеческому времени, а къ системѣ управленія русской церковью XVI и особенно XVII вѣка, — допустимъ и это; но вѣдь не надо забывать, что въ это время сложилась и окрѣпла наша государственная жизнь, заговорила живая богословская мысль, чему не могла бы способствовать, особенно въ то тяжелое, переходное время, „гибельная" система церковнаго управленія

b) о совершенномъ устраненіи изъ вѣдомства бюрократическаго элемента;

Другое возраженіе, не относящееся къ опредѣленному пункту нашей записки, направлено противъ навязываемой намъ мысли о совершенномъ изгна-

---

[1]) Отзывы о диссертаціи Рункевича см. „Христ. Чтеніе", 1902 г. Іюль—Сентябрь (Прилож. „Журналы совѣта Дух. Академіи за 1901—1902 гг."). № 411.

академій. Всѣ эти обстоятельства автору слѣдовало бы имѣть въ виду, прежде чѣмъ допустить себя столь увлечься полемикой.

Далеко не идеальное состояніе на Руси церковнаго строя XVI и XVII вѣковъ и его немалые недостатки достаточно устанавливаются исторіей и на все

ніи изъ духовнаго вѣдомства чиновниковъ. Авторъ на протяженіи цѣлой страницы доказываетъ, что чиновники-спеціалисты будутъ необходимы и при условіи учрежденія патріаршества.

c) о средствахъ обезпеченія духовенства;

По вопросу о средствахъ усиленія жизнедѣятельности прихода въ „запискѣ“ было указано на необходимость или обезпеченія духовенства жалованьемъ, или устройства такой организаціи земскаго обложенія, путемъ которой священникъ получалъ бы съ прихода тѣ же средства, что и теперь, безъ необходимости лично вымогать ихъ у каждаго прихожанина въ частности. Вѣроятно, не усвоивъ нашей мысли, авторъ „соображеній“ ставитъ намъ въ укоръ что это будетъ новая тягота и безъ того обремененному народу. Но „записка“ говоритъ не о новомъ налогѣ, а только о перемѣнѣ формы сбора съ прихода тѣхъ средствъ, которыя и теперь берутся священникомъ

d) о несеніи духовенствомъ полицейско-сыскныхъ обязанностей;

Возложеніе на духовенство полицейско-сыскныхъ обязанностей, сыгравшее такую печальную роль въ исторіи прихода, окончательно разъединившее пастыря съ паствой, признается авторомъ „соображеній“ дѣломъ необходимости, за неимѣніемъ у казны средствъ учредить для сего особыхъ должностныхъ лицъ; а обязанность доносить объ открытыхъ на исповѣди вредительныхъ для государства вещахъ, Статсъ-Секретарь Побѣдоносцевъ совѣтуетъ забыть, какъ устарѣвшее правило. Совѣтъ забыть неотмѣненный законъ, конечно, не особенно вразумителенъ; неубѣдительна и ссылка на неимѣніе у казны средствъ, чтобы завести отдѣльныхъ сыскныхъ агентовъ и регистраторовъ. Но, насколько мы знаемъ, по сему предмету оберъ-прокуроры не входили съ ходатайствомъ въ подлежащее вѣдомство; а затѣмъ, если бы недостатокъ средствъ и побудилъ правительство возложить полицейскія обязанности на какое-либо существующее должностное лицо, чтобы не плодить новыхъ, то во всякомъ случаѣ нужно было возложить ихъ на мѣстные полицейскіе органы, или на кого угодно другого, но только не на пастыря.

e) о недочетахъ духовной школы.

При обсужденіи недочетовъ духовной школы, въ „запискѣ“ было указано на необходимость ознакомленія будущихъ пастырей съ отрицательными явленіями культурной жизни. Оберъ-Прокуроръ находитъ, повидимому, это ознакомленіе излишнимъ, такъ какъ эти теченія „не выражаютъ истинную, желаемую культуру“. Но вѣдь если это такъ, то священнику необходимо бороться съ ними, стараться предупреждать ихъ распространеніе; и мы не понимаемъ, какимъ путемъ можно вести борьбу, не изучивъ самымъ основательнымъ образомъ эти отрицательныя явленія?

это не разъ обращали вниманіе и историки и другіе изслѣдователи, много думавшіе объ интересахъ Церкви. Для этого стоитъ взять, напримѣръ, исторію Соловьева или прочесть разныя соображенія Вл. С. Соловьева, профессора Н. Ф. Каптерева и друг., но всѣ эти лица, конечно, не повинны въ заимствованіяхъ изъ академической диссертаціи.

Чтобы у читателей какъ можно меньше оставалось сомнѣнія въ высказываемыхъ нами замѣчаніяхъ о XVI и XVII вѣкахъ, мы обращаемъ его вниманіе на результаты изученія до Петровскаго церковнаго строя такого серьезнаго изслѣдователя, какъ проф. Н. Ф. Каптеревъ. По его разъясненію, нѣтъ основаній говорить о какой-либо свободѣ епархіальныхъ архіереевъ въ патріаршей періодъ, объ ихъ независимости отъ свѣтской власти. Положеніе тогдашняго архіерея въ этомъ отношеніи было нисколько не лучше нынѣшняго. Русскій архіерей, какъ тогда, такъ и теперь болѣе, походилъ на государственнаго важнаго чиновника, чѣмъ на смиреннаго архипастыря, свободно избираемаго своею паствою для устроенія ея церковно-духовныхъ дѣлъ. Патріаршество нисколько не содѣйствовало созданію у насъ истиннаго свободнаго народнаго архипастырства и тогда епархіальный архіерей такъ же чуждъ и далекъ былъ отъ своей паствы, ея интересовъ, нуждъ ея внутренней жизни и стремленій, какъ и въ настоящее время [1]).

Или вотъ въ дополненіе къ этому свидѣтельство историка Соловьева по вопросу о положеніи духовенства относительно епархіальныхъ архіереевъ во время патріаршества. Оказывается подчиненному духовенству въ большіе праздники нужно было одарить болѣе сорока лицъ, приближенныхъ къ архіерею: казначея, приказнаго, двухъ дьяковъ, шестерыхъ подъячихъ, стряпчаго, дворецкаго, житника, ключника, ризничаго, чашника, гвоздаря, придѣльнаго попа, и дьякона, архіерейскихъ келейниковъ, казначейскаго келейника, пономарей и звонарей, приказнаго сторожа, воротнаго сторожа, протопопа съ братіею, подъяконовъ, іеромонаховъ, іеродіаконовъ. Въ этотъ списокъ одаряемыхъ непонятнымъ для историка образомъ попали даже двѣ женщины и одна съ двумя сыновьями, изъ которыхъ каждаго также должно было одарить [2]).

Таковы печальныя указанія исторіи о церковной жизни до эпохи преобразованій, которыя упущены изъ виду въ объясненіи Предсѣдателя Особаго Совѣщанія, долженствующемъ разъяснить его членамъ вопросы церковной реформы.

Стремиться теперь къ возстановленію церковнаго строя XVI и XVII вѣковъ, это значитъ не считаться ни съ историческимъ опытомъ ни съ условіями нашего времени, слишкомъ отличными отъ прежнихъ.

Когда человѣкъ старается установить программу церковныхъ преобразованій и ея обоснованіе, то все это въ той или другой степени можетъ заслу-

---

[1]) Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси. „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 № 5

[2]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. XIII глава I.

живать вниманія и быть плодотворнымъ, если для человѣка прежде всего вполнѣ ясна самая идея Церкви. А въ какомъ состояніи къ этому первому вопросу находятся мысли автора объясненія, хорошо показываетъ его замѣчаніе, что „за отсутствіемъ соборовъ церковное сознаніе находитъ себѣ вѣрное отраженіе только развѣ въ разсадникахъ высшаго богословскаго образованія—академіяхъ, являющихся въ дѣлахъ науки судьями даже высшихъ іерарховъ".

При всемъ нашемъ уваженіи къ духовнымъ академіямъ и признаніи за ними большихъ заслугъ все же нельзя не сказать по адресу автора, всякими способами старающагося придать авторитетъ своимъ мнѣніямъ, что навѣрное сами же академіи не поддержатъ подобнаго утвержденія. Кромѣ того вѣдь и самъ же авторъ ранѣе сообщалъ въ запискѣ, что наша духовная школа вся сосредоточилась на исторіи, на прошломъ, она слишкомъ теоретична, оторвана отъ жизни... и вотъ здѣсь то, оказывается, находитъ себѣ вѣрное отраженіе церковное самосознаніе...

Вмѣстѣ съ этимъ интересно бы знать, какихъ высшихъ іерарховъ и когда въ дѣлахъ науки предоставлено судить академіямъ. Вѣроятно, авторъ имѣлъ въ виду тѣхъ, которые добиваются полученія ученыхъ богословскихъ степеней и представляютъ въ академіи свои сочиненія. Но развѣ автору не извѣстно, что окончательное сужденіе о диссертаціяхъ на ученыя степени принадлежитъ св. Синоду?

Да и вотъ относительно столь не нравящейся автору Записки богословской диссертаціи—гдѣ, по его мнѣнію, выразился голосъ церковнаго сознанія? въ Петербургской ли академіи, ее отвергавшей, или въ св. Синодѣ ее одобрившемъ?

По разсмотрѣніи указанныхъ документовъ, долженствовавшихъ выяснить вопросъ о церковной реформѣ и дать ему извѣстное направленіе, становится какъ-то страшно, что въ Россіи такими способами можно было обсуждать важное для Церкви и государства дѣло,—легко ли сказать?—измѣненія и обновленія всего церковнаго строя, существующаго уже 200 лѣтъ. И особенно въ настоящее время, на зарѣ новой государственной жизни, такъ и хочется всюду кричать: нѣтъ, довольно бюрократизма и въ области Церкви, поскорѣе дайте возможность всему духовенству и народу самимъ сообща рѣшать церковныя дѣла и по мѣрѣ силъ заботиться о благѣ Православной Церкви!

ГЛАВА III.

Передача дѣла церковной реформы на разсмотрѣніе Св Синода — Всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода —Сравненіе его съ порядкомъ осуществленія церковной реформы Петромъ Великимъ.—Отношенія къ дѣйствіямъ Синода со стороны общества въ Москвѣ.—Вопросъ о патріаршествѣ въ докладѣ Св. Синода.—Разсмотрѣніе этого вопроса съ точки зрѣнія современныхъ церковно-общественныхъ потребностей —Уроки исторіи изъ временъ русскаго патріаршества.—Мечты со стороны многихъ духовныхъ лицъ о значеніи будущаго патріарха въ Россіи и ихъ безпочвенность.—Необходимость разрѣшать вопросы объ измѣненіи церковнаго строя и введенія патріаршества не иначе, какъ въ связи съ новымъ государственнымъ строемъ и положеніемъ въ немъ Государственной Думы.

Трудно сказать, чѣмъ бы окончилось столь давно назрѣвшее дѣло церковныхъ преобразованій, если бы оно такъ и осталось въ разсмотрѣніи Особаго Совѣщанія, въ которомъ не было членовъ даже отъ духовенства. Всего вѣроятнѣе, съ этимъ дѣломъ вышло бы что-нибудь подобное, какъ съ закономъ объ инославныхъ исповѣданіяхъ. Но, къ счастію, занятія Особаго Совѣщанія церковной реформой во-время были прерваны. 13-го марта 1905 года по ходатайству оберъ-прокурора Св. Синода послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Изъять вопросъ изъ Совѣщанія и передать на разсмотрѣніе Св. Синода“, что, конечно, слѣдовало сдѣлать и съ самаго начала, такъ какъ Св. Синодъ все же ближе стоитъ къ интересамъ Церкви и гораздо компетентнѣе въ ихъ пониманіи, чѣмъ Особое Совѣщаніе комитета министровъ и предсѣдателей департаментовъ Государственнаго Совѣта.

Съ переходомъ дѣла въ высшее учрежденіе по управленію Церковью, оно должно было получить болѣе правильное теченіе и быть ведено открыто и всенародно, какъ подобаетъ важному дѣлу общецерковной реформы. Но оказывается, что и направленіе дѣла черезъ Св. Синодъ не спасло его отъ вредныхъ вліяній бюрократизма, глубоко проникшаго во всѣ отрасли высшаго управленія. На ходѣ дѣла сейчасъ же очень ясно отразились главные недостатки синодальнаго управленія и неправильность отношеній его къ церковной жизни. Въ Св. Синодѣ оно было начато не только безъ достаточнаго участія духовенства и народа, но какъ-то странно и по

отношенію къ самому Оберъ-прокурору. Отъ всего этого сразу почувствовалась какая-то дисгармонія въ проведеніи дѣла реформы и бросился въ глаза несоотвѣтствующій его величію и значенію способъ дѣйствій. Въ своемъ случайномъ с-о ставѣ Синодъ нашелъ возможнымъ разсмотрѣть это дѣло и представить Государю докладъ о преобразованіи церковнаго управленія слѣдующаго содержанія:

Всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода о преобразованіи управленія Россійскою церковью на соборномъ началѣ.

„Въ непрестанныхъ Царственныхъ работахъ о славѣ Церкви Христовой о благѣ дорогого отечества, Ваше Императорское Величество, Высочайше соизволили въ 13 день марта сего года передать на разсмотрѣніе Св. Синода вопросъ о поставленіи Православной Церкви въ соотвѣтствующее ея достоинству положеніе въ виду примѣненія началъ широкой вѣротерпимости къ инославнымъ исповѣданіямъ, глаголемымъ старообрядцамъ и сектантамъ. На мысль о созывѣ Собора, благоустроеніи прихода и упорядоченіи духовно-учебныхъ школъ, какъ разсадниковъ просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, воспитателей пастырей церковныхъ, обращаемо было и въ прежнее время вниманіе Вашего Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшій Государь. Выслушавъ съ глубокимъ благоговѣніемъ и сыновнею преданностью означенный державный призывъ Вашего Величества, Св. Синодъ полагаетъ нынѣ же приступить къ трудамъ по осуществленію Высочайшей воли, дабы оправдать высокое довѣріе къ нему Монарха и исполнить Монаршую волю со тщаніемъ достойнымъ дѣла на пользу св. Церкви. Съ молитвой къ Царю царствующихъ обсудивъ на точномъ основаніи церковныхъ каноновъ величайшей важности вопросъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви, Св. Синодъ признаетъ существенно необходимымъ пересмотрѣть нынѣшнее Государственное положеніе Православной Церкви въ Россіи въ виду измѣнившагося положенія инославныхъ исповѣданій, глаголемыхъ старообрядцевъ и сектантовъ, и преобразовать управленіе церковное, руководствуясь церковными канонами и исторіей церковнаго управленія, какъ въ Россійской, такъ и въ другихъ помѣстныхъ церквахъ. Основною формою высшаго церковнаго управленія по каноническимъ правиламъ (1 Всел. Соб. пр. 5. Ант. 16) является помѣстный соборъ епископовъ области съ митрополитомъ или патріархомъ во главѣ. Соборъ долженъ былъ составляться сначала два раза, а потомъ одинъ разъ въ году. Въ виду однако затруднительности періодическихъ ежегодныхъ собраній всѣхъ епископовъ области уже въ періодъ вселенскихъ соборовъ при областныхъ каѳедрахъ образовались постоянные соборы или синоды взамѣнъ прежнихъ періодическихъ соборовъ. Соборы же всѣхъ епископовъ области составлялись только въ особо важныхъ случаяхъ. Право созывать соборы и предсѣдатель-

ствовать на нихъ принадлежитъ митрополитамъ или патріархамъ, „и никому да не будетъ позволено составлять соборы самимъ по себѣ безъ тѣхъ епископовъ, коимъ ввѣрены митрополіи“. (Ант. 20). Собраніе епископовъ безъ митрополита или патріарха не считается соборомъ законнымъ и постановленія его дѣйствительными (Ант. 16). Но и патріархъ или митрополитъ, управляющій церковною областью, ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ (Апост. 31). Митрополитамъ или патріархамъ предоставлены церковными канонами слѣдующія права: 1) митрополитъ созываетъ епископовъ на соборы для обсужденія общихъ церковныхъ дѣлъ въ своей области и самъ предсѣдательствуетъ на нихъ (Ант. 19 и 20. Халк. 19); 2) утверждаетъ избираемыхъ на вакантныя епископскія каѳедры (1 Всел. 4 и 6 и Ант. 19); 3) принимаетъ жалобы на подчиненныхъ епископовъ и назначаетъ соборный судъ надъ ними (Халк. 9. Ант. 14. Корф. 28); 4) обозрѣваетъ епархіи подчиненныхъ епископовъ (Карф. 63); 5) утверждаетъ своимъ согласіемъ всѣ важнѣйшія распоряженія епископовъ области (Апост. 34. Ант. 9), но въ дѣлахъ, касающихся цѣлой области, митрополитъ не могъ рѣшить ничего единолично безъ согласія собора областныхъ епископовъ (Апос. 34. Ант. 9). Самъ онъ былъ избираемъ, поставляемъ и судимъ соборомъ своихъ епископовъ (III Всел. 1. Сард. 6) и, какъ архіерей въ епархіи подчиненнаго ему епископа, не могъ ни рукополагать, ни учить, ни совершать какихъ-либо архіерейскихъ дѣйствій, развѣ только съ согласія мѣстнаго епископа (Кормчая, гл. 58). Такимъ образомъ основной канонической формой правленія тою или иною областью является соборъ епископовъ во главѣ съ митрополитомъ или патріархомъ съ вышеуказанными уполномочіями. Озабочиваясь устроеніемъ внутренней жизни Православной Россійской Церкви на началѣ каноническаго соборнаго управленія при полной автономіи Церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ и имѣя въ виду господствующее положеніе Православной Церкви въ Россійскомъ Государствѣ и положеніе оной среди другихъ помѣстныхъ церквей, Святѣйшій Синодъ полагаетъ:

1) Въ составъ Синода ввести на ряду съ членами постоянными членовъ, вызываемыхъ по очереди изъ іерарховъ Россійской Церкви, и возглавить оный, чести ради Россійскаго Государства, патріархомъ со всѣми каноническими полномочіями областного митрополита.

2) Въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ созвать волею Вашего Императорскаго Величества помѣстный соборъ изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ Православной Россійской Церкви или представителей оныхъ для обсужденія слѣдующихъ вопросовъ: о раздѣленіи Россіи на церковные округа подъ управленіемъ митрополитовъ, вызываемомъ необходимостью передачи дѣлъ второстепенной важности изъ высшаго управленія въ мѣстныя установленія; о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами; о благоустроеніи прихода въ религіозно-нравственномъ, благотворительномъ и просвѣтительномъ отношеніяхъ; объ усовершеніи духовно-учебныхъ

школъ; о пересмотрѣ законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія Церковью собственности; объ епархіальныхъ съѣздахъ духовенства; о предоставленіи высшимъ представителямъ церковной іерархіи права участвовать въ засѣданіи Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ по тѣмъ дѣламъ, которыя касаются интересовъ Церкви; о предоставленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ. Повергая сіи соображенія на Всемилостивѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, Синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ Высочайшаго соизволенія на созваніе въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ волею Вашего Величества въ благопотребное время помѣстнаго собора всѣхъ епархіальныхъ епископовъ Православной Русской Церкви или представителей оныхъ для устроенія синодальнаго управленія, избранія всероссійскаго патріарха и разрѣшенія вышепоставленныхъ и другихъ вопросовъ, имѣющихъ быть предварительно разработанными въ Святѣйшемъ Синодѣ".

Такимъ образомъ Св. Синодъ призналъ возможнымъ самому порѣшить вопросъ о введеніи въ Россіи патріаршества, а основаніемъ къ этому выставилъ честь русскаго государства.

Относительно существующаго у насъ синодальнаго управленія почти всѣ согласны, что оно носитъ государственно-бюрократическій характеръ, что самый составъ Синода случаенъ и обусловливается не интересами Церкви, а другими часто посторонними для нея причинами, и что все это въ связи со многими другими недостатками уже давно подорвало авторитетъ Синода не только въ глазахъ народа, но и самого духовенства. Подобный взглядъ на синодальное управленіе раздѣляютъ и очень многіе изъ нынѣшнихъ русскихъ епископовъ и не менѣе другихъ тѣ самые, которые въ мартѣ этого года такъ легко и скоро порѣшили вопросъ о введеніи патріаршества. А въ такомъ случаѣ совершенно непонятно, какимъ образомъ случайные наличные члены Синода сочли себя въ правѣ въ важномъ церковномъ вопросѣ дѣйствовать сами, безъ всякаго участія, не говоримъ уже духовенства и народа, но хотя бы всѣхъ епископовъ Русской Церкви, и притомъ въ порядкѣ обычныхъ распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія?

Извѣстно, что въ числѣ признаковъ неканоничности церковной реформы Петра Великаго часто указываютъ, что онъ дѣйствовалъ единолично по согласію лишь съ архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и немногими другими и не привлекъ къ достаточно активному участію остальныхъ епископовъ. Государю, по мнѣнію недовольныхъ его реформой, слѣдовало съ самаго же начала по крайней мѣрѣ спросить всѣхъ епископовъ и предоставить имъ возможность вполнѣ свободно высказать свои мнѣнія.

По свидѣтельству исторіи, Петръ по одобреніи Духовнаго Регламента, составленнаго Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, поручилъ его разсмотрѣть Сенату и архіереямъ съ правомъ сдѣлать нужныя по ихъ мнѣнію замѣчанія и исправленія. Согласно этому «Регламентъ слушали и разсуждали и исправляли преосвя-

щенные архіереи, архимандриты, купно же правительствующіе сенаторы» [1]). Но никто изъ слушавшихъ, въ числѣ которыхъ однако было шесть архіереевъ и три архимандрита, особенныхъ возраженій не представилъ. Тогда Государь приказалъ подписать Регламентъ сначала слушавшимъ его, а затѣмъ предложить для подписи другимъ русскимъ епископамъ и архимандритамъ, и только уже послѣ этого былъ изданъ манифестъ объ учрежденіи Духовной Коллегіи [2]).

Такимъ образомъ въ дѣлѣ церковныхъ преобразованій Петръ, какъ видимъ, поступалъ гораздо осторожнѣе, чѣмъ въ реформахъ гражданскихъ, и онъ желалъ такъ или иначе получить сначала признаніе на свои нововведенія со стороны духовенства. Если высшее духовенство въ лицѣ архіереевъ и архимандритовъ, людей къ тому же отрекшихся отъ міра, считало реформу Петра вредною для Церкви, то по совѣсти и по долгу пастырскаго служенія они не должны были давать свои подписи подъ Регламентомъ, хотя бы изъ-за этого и пришлось такъ или иначе пострадать. Петръ же при несуществованіи въ Русской Церкви соборнаго начала, повидимому, не имѣлъ о немъ правильнаго понятія. Поэтому онъ едва ли могъ дѣйствовать иначе, чѣмъ удовлетвориться согласіемъ на его преобразованія путемъ полученія подписки со стороны духовенства и притомъ только высшаго, которое уже давно стало считать себя въ правѣ одному распоряжаться въ дѣлахъ церковныхъ.

Не лучше, если еще не хуже осуждаемаго Петра, въ мартѣ текущаго года поступили по вопросу о церковной реформѣ присутствовавшіе въ Св. Синодѣ іерархи. Упустивъ изъ виду, что голосъ Св. Синода не можетъ быть принятъ за голосъ Церкви и даже всѣхъ епископовъ, они содѣйствовали составленію указаннаго выше доклада и допустили представленіе его верховной власти не только безъ достаточнаго участія остальныхъ епископовъ, духовенства и народа, но даже совершенно неожиданно для всѣхъ. Если бы докладъ Св. Синода получилъ Высочайшее утвержденіе, то вопросъ о патріаршествѣ оказался бы такимъ способомъ рѣшеннымъ, и отъ прочихъ іерарховъ и духовенства не потребовалось бы даже собирать подписки о согласіи, какъ это однако нашелъ нужнымъ сдѣлать Петръ еще до осуществленія своей реформы.

Св. Синодъ, по крайней мѣрѣ въ лицѣ своихъ духовныхъ членовъ, конечно, лучше Петра понимаетъ идею соборности и ея значеніе для Церкви и, къ удивленію всего русскаго общества, онъ сталъ поступать сразу же антисоборно и притомъ именно въ дѣлѣ «преобразованія управленія Россійской Церковью на соборномъ началѣ»...

Такимъ образомъ въ важномъ дѣлѣ преобразованія церковнаго строя Св. Синодъ навлекъ на себя почти тѣ же самыя возраженія и упреки, которые

---

[1]) Духовный Регламентъ.

[2]) Духовный Регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго. Н. И. Кедрова, Москва 1886 года, глава I.

дѣлаютъ Петру, и своимъ способомъ дѣйствій ставилъ все дѣло церковной реформы на неправильный и даже опасный для блага Церкви путь.

Вотъ почему при первыхъ извѣстіяхъ о рѣшеніи Синода въ Москвѣ среди лицъ, принадлежащихъ къ Церкви и дорожащихъ ея интересами, возникло движеніе, но отнюдь не противъ реформы вообще, а противъ образа дѣйствій Синода и возстановленія патріаршества столь осуждаемымъ бюрократическимъ способомъ. Начавшееся въ Москвѣ движеніе во-время успѣло оказать вліяніе на правящія сферы Петербурга, и извѣстной Высочайшей резолюціей 31 марта 1905 г. бюрократическое рѣшеніе важнаго церковнаго вопроса было остановлено [1]). Иначе, судя по возникшему въ Москвѣ движенію и встрѣчаемому имъ все большему и большему сочувствію въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ, можно было ожидать очень печальныхъ послѣдствій и внесенія во все дѣло церковной реформы недовѣрія и путаницы.

Обращаясь къ самому вопросу о патріаршествѣ, какъ онъ поставленъ въ докладѣ Св. Синода, мы должны замѣтить, что замѣна митрополита понятіемъ патріарха при ссылкѣ на правила соборовъ IV вѣка едва ли справедлива. Въ канонахъ всюду идетъ рѣчь о митрополитѣ, а не о патріархѣ. Приводимыми соборными постановленіями нельзя оправдать того правового положенія въ Церкви патріарха, о которомъ имѣемъ понятіе мы и которое сложилось впослѣдствіи. Создать же патріарха съ правами областного митрополита, какъ предлагаетъ Св. Синодъ, значитъ измѣнить названіе, установленное тѣми канонами, и въ будущемъ открыть возможность для возникновенія недоразумѣній относительно правъ патріарха.

Кромѣ того вѣдь и самое званіе патріарха Синодъ считаетъ нужнымъ не въ интересахъ внутренней жизни Церкви, а ради чести русскаго государства. Но такое основаніе для введенія въ Россіи патріаршества едва ли достаточно и о немъ всего лучше судить самому государству, которое, конечно, болѣе компетентно въ опредѣленіи требованій своей чести. Синоду же заботиться объ этомъ нечего. Ужъ слишкомъ много было у него заботъ о государствѣ, которыя однако и государству не принесли большой пользы и для Церкви оказались по меньшей мѣрѣ излишни.

Но все-таки въ мотивированіи Св. Синодомъ учрежденія патріаршества именно честью русскаго государства невольно выразилось вѣрное сознаніе, что для блага собственно Церкви патріаршество и не важно.

---

[1]) На приведенномъ выше докладѣ Св. Синода 31 марта 1905 года Государь собственноручно начерталъ: „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе Помѣстнаго Собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать Соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія. (Церковныя Вѣдомости 1905 г. № 14).

Намъ же кажется, что при настоящихъ условіяхъ церковной и общественной жизни это званіе даже излишне. По распространенному взгляду, который можетъ быть подтверждаемъ и русской церковной исторіей временъ патріаршества, званіе патріарха заключаетъ въ себѣ больше, чѣмъ званіе областного митрополита Патріархи, по выраженію одного русскаго церковнаго историка, есть проявленіе роста іерархіи въ высоту.

И вотъ въ наше время при значительномъ разъединеніи общества и духовенства такой ростъ іерархіи не только не нуженъ, но и прямо вреденъ. Созданіе духовнаго главы съ особымъ званіемъ еще болѣе выдѣлитъ его изъ окружающаго общества, а широкія полномочія патріарха въ дѣлахъ церковныхъ, которыя, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ при желаніи можетъ увеличить, могутъ способствовать еще большему закрѣпленію мыслей, что дѣла церковныя составляютъ лишь обязанность духовенства, и кромѣ того все это можетъ доставить значительную опору столь пагубному для насъ клерикализму, возможному при сосредоточеніи церковнаго управленія исключительно въ рукахъ духовенства.

Вмѣстѣ съ этимъ при проведеніи церковныхъ реформъ никогда не слѣдуетъ забывать, что и относительно духовенства не менѣе, чѣмъ въ другихъ званіяхъ, по безпристрастному свидѣтельству исторіи, приходится считаться съ разными человѣческими слабостями и даже страстями. На это обстоятельство мы обращаемъ особенное вниманіе въ виду сомнѣнія, что сами духовныя лица при обсужденіи вопросовъ реформы по обыкновенію не станутъ его игнорировать. Когда дѣло идетъ о созданіи новаго строя и иныхъ учрежденій, болѣе, чѣмъ когда-либо, нужно знать историческую правду, а изъ духовныхъ лицъ одни легко окажутся по разнымъ причинамъ не склонными даже и въ такое время выставлять на показъ слабости своего званія, а другія не посмѣютъ останавливаться на этомъ изъ-за повиновенія и почитанія старшихъ.

Вспомнимъ, что еще древній историкъ Евсевій жалуется, что пастыри воспл' менялись взаимными распрями, умножали раздоры и угрозы, ревность, вражду противъ друга и ненависть и «сильно домогались первенства, будто какой нибудь неограниченной власти» [1]). Многіе св. отцы, какъ, наприм., св. Іоаннъ Златоустъ, св. Исидоръ Пелусіотъ, хорошо знакомые съ церковною жизнью, должны были обращать вниманіе, что немало людей стремятся добиться епископскаго сана не ради заботы о братіяхъ и не подъ вліяніемъ самоотреченія, а для чести и покойной жизни и подъ вліяніемъ любоначалія [2]).

На Сардикійскомъ Соборѣ епископъ Кордубскій Осія свидѣтельствовалъ, что епископы имѣютъ обыкновеніе переходить изъ малаго города въ другой вслѣдствіе того, что «поджигаются пламенною страстью любостяжанія и раболѣпно служатъ тщеславію, лишь бы казаться имѣющими больше власти». Ни-

---

[1]) Сочиненія Евсевія Памфила т. I. Спб. 1858 г. Церковная исторія, книга VIII, глава I.

[2]) Творенія св. Исидора Полусіота. Письмо 316. Творенія св. Іоанна Златоустаго.

когда по замѣчанію Осіи, не являлось еще ни одного епископа; который старался бы перейдти изъ большаго города въ меньшій [1]). Св. Григорій Богословъ указывалъ, что многіе стремятся къ священству не какъ къ служенію подлежащему отвѣтственности, а какъ къ начальству недающему отчета [2]). Въ другомъ мѣстѣ св. Григорій поясняетъ, что въ то время избѣгать предсѣдательства, по его мнѣнію, было верхъ благоразумія, такъ какъ изъ за этого все приходитъ въ замѣшательство и колеблется... О еслибъ, восклицаетъ онъ, не было ни предсѣдательства, ни предпочтенія мѣстъ ни мучительныхъ преимуществъ и насъ различали бы по одной добродѣтели. А нынѣшній порядокъ, — стать справа, слѣва, въ срединѣ, выше и ниже, идти впереди или рядомъ, — произвелъ много напрасныхъ замѣшательствъ даже среди пастырей, которые, бывъ учителями Израилевыми, этого не уразумѣли [3]).

Каждому желающему думать о вопросахъ церковнаго устройства и управленія нельзя также не принять во вниманіе картины церковной жизни, ярко нарисованныя знаменитыми учителями Церкви св. Василіемъ Великимъ и св. Григоріемъ Богословомъ, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Изъ нихъ ясно, что духовенство, несмотря на самое затруднительное для Церкви время, можетъ отдаваться разгару крайне вредныхъ страстей и не останавливаться передъ способами удовлетворенія своего честолюбія и достиженія первенства [4]).

О возможности среди высшихъ іерарховъ развитія стремленій къ первенству и взаимныхъ распрей, когда для этого представляются удобные случаи, хорошо засвидѣтельствовано самими русскими епископами на соборѣ 1681 года. По поводу предположенія учредить въ Россіи митрополитовъ съ особыми правами архіереи просили Государя не дѣлать этого въ интересахъ самой же церковной жизни. Подъ вліяніемъ этого въ архіерейскомъ чинѣ, по ихъ объясненію, возникли бы поводы къ разногласіямъ, взаимнымъ распрямъ и высостямъ, а это причинило бы вредъ «святой Церкви и вызвало бы въ народѣ молву и укоризны».

Уже и теперь, еще до фактическаго введенія въ Россіи патріаршества, одинъ изъ русскихъ епископовъ, участвовавшихъ въ составленіи Всеподданнѣйшаго доклада Св. Синода, поясняетъ, что при патріаршествѣ высшая церковная власть будетъ получена однимъ, а всѣ остальные архіереи «изъ безконтрольныхъ владыкъ сдѣлаются его послушниками: семеро непосредственными, а прочіе послушниками митрополита и затѣмъ уже патріарха» [5]). Такой порядокъ современный русскій епископъ, только еще мечтающій о патріархѣ, счи-

---

[1]) Правило 1 Собора Сардикійскаго. Дѣянія 9 помѣстныхъ Соборовъ.

[2]) Творенія св. Григорія Богослова, ч. I, слово 3. Изданіе третье.

[3]) Ibid. ч. II, слово 26.

[4]) Творенія св. Василія Великаго. Къ Амфилохію о св. Духѣ, глава XXX.

[5]) Первая отвѣтная докладная записка Св. Синоду епископа Волынскаго и Житомірскаго.

таетъ полезнымъ для Церкви, а русскіе архіереи XVII вѣка, сами переживавшіе времена патріаршества и дѣйствительно испытавшіе вліяніе тогдашняго строя, какъ видимъ, утверждаютъ совершенно противное. Какими же чертами придется характеризовать отношеніе къ всероссійскому патріарху остального духовенства, если всѣ русскіе епископы явятся для него послушниками семерыхъ его непосредственныхъ послушниковъ.

При такихъ взглядахъ будущему патріарху, очевидно, предстояло бы не столько руководствоваться совѣщаніями со всѣми, сколько начальствовать надъ русскими епископами, какъ надъ своими послушниками, а черезъ нихъ и надъ прочимъ духовенствомъ.

Такимъ образомъ съ мыслями о будущемъ патріархѣ среди многихъ изъ духовенства вовсе не соединяется лишь понятіе, какъ о первомъ между равными (prior inter pares) а какъ объ отцѣ отцовъ и носителѣ сильной единоличной церковной власти.

Насколько же опасной для блага Церкви можетъ иногда сдѣлаться подобная власть, объ этомъ достаточно указаній исторіи. Поэтому присвоеніе главѣ духовенства даже одного титула, слишкомъ рѣзко выдѣляющаго его среди другихъ, не говоря уже объ обращеніи всего остального духовенства въ его послушниковъ разныхъ степеней, можетъ подготовить удобную почву и для того, чтобы этотъ титулъ сдѣлался для многихъ предметомъ честолюбивыхъ или какихъ-либо иныхъ эгоистическихъ стремленій, а все это, какъ показываетъ исторія, можетъ сопровождаться очень вредными послѣдствіями для церковной жизни [1]). Кромѣ того кто поручится, что какой-либо будущій всероссійскій патріархъ, пользуясь своимъ положеніемъ и опираясь на примѣры изъ прошлаго, не потребуетъ для себя увеличенія правъ!

Вѣдь чѣмъ крѣпче глава духовенства и высшіе іерархи вообще будутъ ограничены въ возможности неправильныхъ дѣйствій и чѣмъ больше они будутъ придавать значеніе другимъ членамъ Церкви, тѣмъ сильнѣе упрочатся въ церковномъ обществѣ чувства законности и солидарности и живѣе станетъ интересъ къ дѣламъ церковнымъ. При такомъ устройствѣ и отсутствіи удобныхъ условій для уклоненія въ сторону безконтрольности и стремленій къ особому положенію и правамъ, для самихъ же іерарховъ явится возможность болѣе

---

[1]) *Примѣчаніе.* Желающимъ еще болѣе убѣдиться, насколько вредно можетъ оказаться для интересовъ Церкви слишкомъ независимое и господствующее положеніе въ ней главы духовенства, мы предлагаемъ ознакомиться, наприм., со всѣми обстоятельствами борьбы изъ-за Эчміадзинскаго патріаршаго престола разныхъ высшихъ духовныхъ лицъ Армяно-Григоріанской Церкви, разсмотрѣнной въ нашемъ изслѣдованіи „Управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ его историческомъ развитіи“ (глава IV, отд. 3, стр. 520—580. Временникъ Ярославскаго Юридическаго Лицея). Правда эта яркая страница принадлежитъ исторіи Армяно-Григоріанской Церкви, но одинаковыя условія церковной жизни, по свидѣтельству исторіи, ведутъ обыкновенно и къ одинаковымъ послѣдствіямъ почти во всѣхъ христіанскихъ церквахъ.

правильной и согласной съ ихъ призваніемъ дѣятельности. Имъ будетъ предоставлена возможность экономить свои духовныя силы и сосредоточивать ихъ не только на вопросахъ церковнаго управленія, но и употреблять на столь необходимое пастырское руководство пасомыхъ.

Какое положеніе въ Церкви можетъ иногда присвоивать себѣ патріархъ, мы, русскіе, имѣемъ хорошія указанія въ недалекомъ прошломъ своей же исторіи и пренебрегать этими указаніями было бы прямо неразумно. Стоило среди русскихъ патріарховъ появиться такому лицу, какъ Никонъ, и въ условіяхъ тогдашней церковной жизни онъ легко нашелъ благопріятную почву для возвышенія своего положенія и усиленія своего вліянія.

Извѣстно, что этотъ честолюбивый глава духовенства, несмотря на свою монашескую одежду, символъ смиренія и отреченія отъ міра, немало притѣснялъ самихъ же архіереевъ, со стороны которыхъ раздавались на него неоднократныя жалобы. Напримѣръ, архіереи указывали, что Никонъ отбиралъ отъ нихъ въ свою пользу монастыри. Особенно явно недовольство архіереевъ патріархомъ выразилось на соборахъ 1660 и 1667 годовъ. Вообще, пользуясь своимъ положеніемъ, Никонъ постоянно давалъ архіереямъ чувствовать свою силу и въ этихъ случаяхъ нерѣдко прямо ихъ оскорблялъ. По утвержденію, напримѣръ, Вятскаго епископа Александра, Никонъ „вмѣнилъ за рабы святительскій чинъ“, приходящихъ къ нему архіереевъ онъ заставлялъ часа по два, по три сидѣть на крыльцѣ крестовыхъ палатъ и часто даже не выслушивалъ ихъ просьбъ по дѣламъ церковнымъ. Онъ „странно поработи ихъ, замѣчаетъ епископъ, и лютѣ нападалъ на братію свою и страдати многимъ устрои и умиленнѣ плакати, яко же и блаженнаго Павла епископа Коломенскаго по многихъ томленіяхъ и несказанныхъ ругательствъ до смерти муча“ [1]).

Если патріархи находили возможнымъ относиться такъ къ архіереямъ, то что же сказать о бѣломъ духовенствѣ! Голосъ его въ дѣлахъ церковныхъ и даже самая личность съ ея разнообразными нуждами и не только съ пастырскимъ, но и обыкновеннымъ человѣческимъ достоинствомъ, должны были быть еще болѣе подавлены. „Для священника, по свидѣтельству историка С. Соловьева, двери патріаршаго дома были заперты и не смѣлъ онъ притти къ патріарху поговорить о важныхъ дѣлахъ, касавшихся его служенія, и испросить разрѣшенія недоумѣній“ [2]). Напомнимъ также о сильныхъ жалобахъ русскаго духовенства на патріарховъ Іосифа и Никона за крайне небрежное отношеніе ихъ къ интересамъ духовенства и отдачу ихъ въ жертву ненасытному дьяку Кокошилову. Оказывается, священникъ долженъ былъ одарять не только

---

[1]) Моленіе, поданное царю Алексѣю Михайловичу Александромъ епископомъ Вятскимъ и Великопермскимъ за его святительскою рукою Рукописи Румянцевскаго музея по описанію А. Востокова, Спб. 1842 г. Сборникъ № 376, л. 247.

[2]) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т XIII, глава I.

Кокошилова и его жену, но и слугъ. Иначе его не пускали и на дворъ патріарха [1])

Вообще о положеніи, занятомъ нашими московскими патріархами, историки находятъ возможнымъ высказывать, что патріархъ „былъ только внѣшнимъ декоративнымъ украшеніемъ сколько Церкви, столько же и государства, ничѣмъ органически не связаннымъ ни съ церковнымъ строемъ, ни тѣмъ болѣе съ народною жизнью, ея запросами, стремленіями, интересами, для нея онъ былъ совершенно внѣшній человѣкъ — большой, важный, очень всѣми чтимый государственный сановникъ—не болѣе“ [2]).

Одинъ изъ современныхъ русскихъ епископовъ и, кажется, въ согласіи со многими другими духовными лицами, повидимому, до того увлекся идеей возстановленія патріаршества, что усматриваетъ отъ этого пользу не только для Церкви, но и самого государства. Всероссійскій патріархъ рисуется его воображенію, какъ „блюститель небеснаго ученія“, богомолецъ и теплый печальникъ за страждущую отчизну передъ престоломъ Божіимъ и передъ тономъ земнымъ“. Съ появленіемъ его въ Россіи, по мечтамъ епископа, открывается путь истинѣ къ началамъ и властямъ земнымъ“ [3]).

По поводу такихъ соображеній нельзя не замѣтить, что человѣческая фантазія безпредѣльна и она все можетъ представлять въ томъ освѣщеніи, какое кому нравится, особенно если она не считается ни съ прошлымъ исторіи, ни съ условіями окружающей жизни. Но развѣ въ дѣйствительности въ сознаніи русскаго народа и въ его исторіи понятіе богомольца и теплаго печальника за отчизну передъ престоломъ Божіимъ соединено съ понятіемъ всероссійскаго патріарха? Не справедливѣе ли отнести это понятіе къ такимъ лицамъ, какъ св. Сергій Радонежскій, св. Серафимъ Саровскій, св. Тихонъ Задонскій и т. п., которые не только не были облечены высшей церковною властью, но и бѣжали бы отъ нея именно съ цѣлью имѣть возможность молиться за свою родину.

Къ этимъ же лицамъ, а не къ всероссійскимъ патріархамъ, скорѣе примѣнимо и понятіе блюстителей и выразителей небеснаго ученія. Чтобы поддерживать въ себѣ и другихъ стремленія къ небу, они и отказывались отъ всякаго офиціальнаго положенія.

Кромѣ того неужели многочисленныя свидѣтельства всеобщей церковной исторіи еще не достаточны, чтобы можно было мечтать теперь о патріархѣ, какъ блюстителѣ небеснаго ученія! Напримѣръ, извѣстно, что Константинопольскій патріархъ Несторій извращалъ небесное ученіе, и особенно сильнымъ обличителемъ патріарха былъ мірянинъ Евсевій, адвокатъ константинопольскій.

---

[1]) Ibid.

[2]) Н. Ф. Каптеревъ. Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси. „Богословскій Вѣстникъ“ 1905 года, № 5.

[3]) Епископъ Антонинъ. „Новое Время“, 20 марта 1905 года.

Въ числѣ поддерживавшихъ евтихіанство и особенно монофелитство немало насчитывается именно патріарховъ, а истинными блюстителями небеснаго ученія оказывались лица, часто занимавшія самое скромное положеніе въ церковномъ отношеніи.

Наконецъ, мечты русскаго епископа о будущемъ патріархѣ, какъ блюстителѣ небеснаго ученія, едва ли могутъ найти какое-либо основаніе во взглядахъ на самихъ себя со стороны восточныхъ патріарховъ, которые въ своемъ Окружномъ посланіи, 6-го мая 1848 года, категорически высказали, что хранителемъ благочестія, по ученію Православной Церкви, является самъ народъ, а не глава духовенства—патріархъ.

Странно также было бы называть прежнихъ русскихъ патріарховъ и печальниками за отчизну передъ престоломъ земнымъ. Надѣяться же на возможность приложенія этого понятія къ патріархамъ XX вѣка, пожалуй, уже прямо смѣшно. Расширеніе и усложненіе въ Россіи государственной жизни достигло въ послѣднее время такихъ предѣловъ, что не только для патріарха, который легко могъ бы оказаться и изъ числа лицъ, въ самыхъ молодыхъ годахъ отрекшихся отъ интересовъ міра, но и для самой верховной власти, сдѣлалось невозможнымъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ дѣлахъ государственныхъ безъ участія въ управленіи самого народа. А какой же можетъ быть печальникъ за отчизну безъ достаточнаго пониманія ея государственныхъ интересовъ и потребностей!

Кромѣ того, съ образованіемъ Государственной Думы печалованіе за русскую землю со стороны патріарха передъ тропомъ земнымъ было бы даже и излишне. При новомъ государственномъ строѣ русскій народъ, да вѣроятно и само духовенство, подобную задачу возложитъ скорѣе на своихъ представителей въ Государственной Думѣ, призванныхъ блюсти интересы, всего народа, чѣмъ на патріарха, недостаточно знакомаго съ дѣлами государственными.

Наконецъ, очень тяжелыя думы о самомъ русскомъ духовенствѣ могутъ навѣвать мечты епископа по поводу патріаршества. Какимъ должно представляться состояніе духовенства, если путь для истины къ властямъ земнымъ открывается черезъ него лишь по дарованіи главѣ русскаго духовенства высшаго титула и громкаго званія: Всероссійскаго патріарха! Неужели же до сихъ поръ истина, необходимая для властей земныхъ, не провозглашалась устами духовенства и не достигала до нихъ по неимѣнію въ Россіи патріарха!

По вопросу о введеніи въ Россіи патріаршества никакъ нельзя затѣмъ упускать изъ виду существованіе въ настоящее время значительнаго нравственнаго разъединенія и недовольства между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ. Черное духовенство въ лицѣ епископовъ является властвующимъ и часто вполнѣ самоуправно, а бѣлое поставлено къ нему въ совершенно подчиненное положеніе нижняго чиновника къ высшему и всѣми средствами чисто внѣшней власти обязывается къ формальному повиновенію. Вотъ какъ довольно характерно выразился о положеніи въ Россіи властвующаго чернаго духовенства и подчиненнаго ему бѣлаго недавно умершій Пермскій епископъ Петръ, по поводу донесе-

нія Св. Синоду о дѣяніяхъ архимандрита Зосимы, осужденнаго, наконецъ, въ сентябрѣ сего года Пермскимъ Окружнымъ Судомъ по Уложенію о Наказаніяхъ: «Синодъ никогда не смѣняетъ протоіерея на архіерея. Чтобы ни писали на архіерея, всегда оберъ-прокуроръ пошлетъ архіерею, обратно. На этотъ разъ имѣются даже особые печатные бланки» [1]).

Что же удивительнаго, если при такихъ условіяхъ въ бѣломъ духовенствѣ давно уже накопилось столь много недовольства своими архіереями, что оно сдѣлалось теперь явленіемъ, разлагающимъ русскую церковную жизнь и взывающимъ объ его устраненіи, и вотъ созданіе патріаршества можетъ еще болѣе увеличить подобное вліяніе чернаго духовенства и не только не уничтожить вредное зло, но и способствовать его поддержанію. Не къ возвеличенію епископской власти въ лицѣ патріарха нужно стремиться современному церковному обществу, а къ возможно большему нравственному объединенію всѣхъ членовъ Церкви, епископовъ, духовенства и мірянъ, для совмѣстнаго служенія ея интересамъ согласно современнымъ потребностямъ и задачамъ. А это скорѣе всего достижимо не рѣзкимъ выдѣленіемъ главы духовенства въ церковномъ обществѣ, а организаціей церковнаго строя на истинномъ началѣ соборности, когда каждый какого бы званія и степени священства онъ ни былъ, можетъ являться въ церкви не объектомъ только для начальствованія, хотя бы и епископскаго, но прежде всего въ качествѣ живаго сочлена единой Христовой Церкви.

Изъ лицъ, заслуживающихъ вниманія и хорошо знавшихъ недостатки русскаго церковнаго управленія, но тѣмъ не менѣе возражавшихъ противъ возстановленія патріаршества можно указать, наприм., на Московскаго митрополита Филарета. Разъ патріаршество уничтожено, Филаретъ не усматривалъ необходимости его возстановлять, и для него оставалось непонятнымъ, почему патріархъ окажется лучше Синода, да и велика ли разница, замѣчалъ онъ, что первенствующій членъ Синода не называется патріархомъ. Филаретъ справедливо не находитъ основаній, чтобы съ назначеніемъ патріарха вышла бы великая польза для Церкви, наприм., чтобы власть свѣтская подъ вліяніемъ этого измѣнила бы свои отношенія къ духовной.

Итакъ дѣло предстоящей церковной реформы, безъ сомнѣнія, не въ созданіи всероссійскаго патріарха, класть же въ ея основаніе введеніе патріаршества и начинать съ него осуществленіе преобразованій не оправдывается современными потребностями церковной жизни и не согласно даже съ ожидаемой глубиной и важностью предстоящихъ преобразованій.

Да, наконецъ, по меньшей мѣрѣ странно, что Св. Синодъ считаетъ нужнымъ предложить разные вопросы на разрѣшеніе Помѣстнаго Собора, но почему-то исключаетъ изъ нихъ вопросъ о введеніи патріаршества и разрѣшаетъ его самъ, оставляя для собора лишь самое избраніе патріарха. Нѣтъ, во вся-

---

[1]) См. „Новое Время“ 16 ноября 1905 г.

комъ случаѣ пусть и этотъ вопросъ, разъ онъ возбуждается, будетъ представленъ на обсужденіе и рѣшеніе правильно организованнаго Помѣстнаго Собора, на которомъ можно будетъ услышать голосъ всей Русской Церкви, и только тогда русское общество подчинится разрѣшенію этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ. Мнѣніе же случайной группы русскихъ епископовъ, засѣдавшихъ въ Св. Синодѣ въ мартѣ 1905 года, для русскаго народа не обязательно, да и вообще не можетъ внушать къ себѣ достаточнаго довѣрія и авторитета.

При обсужденіи вопроса о патріаршествѣ, гдѣ бы онъ ни разрѣшался, въ настоящее время необходимо принять во вниманіе происшедшее измѣненіе въ Россіи всего строя государственной жизни. Образованіе русскаго парламента въ видѣ Государственной Думы при сохраненіи въ Россіи союза Церкви и государства не можетъ не оказать значительнаго вліянія и на созданіе тѣхъ или другихъ учрежденій по управленію церковными дѣлами. На этой почвѣ возбуждается много разныхъ и въ исторіи Церкви еще совершенно новыхъ вопросовъ и между прочимъ вопросъ объ отношеніи къ Государственной Думѣ русскаго патріарха, если бы учрежденіе такового было признано нужнымъ. Если съ введеніемъ патріаршества уничтожить должность оберъ-прокурора, какъ предполагаютъ нѣкоторые и особенно духовенство, то возникаетъ вопросъ, что же, самъ патріархъ вмѣсто оберъ-прокурора долженъ войти въ составъ кабинета и какъ онъ долженъ будетъ поступать при смѣнѣ кабинета, составляемаго обыкновенно изъ преобладающаго въ парламентѣ большинства? Но такое положеніе для всероссійскаго патріарха, конечно, недопустимо.

При новыхъ условіяхъ жизни естественнѣе было бы сохранить должность оберъ-прокурора или министра духовныхъ дѣлъ, при чемъ въ виду участія его въ кабинетѣ, поддерживаемомъ большинствомъ Государственной Думы, должность эта можетъ пріобрѣсти на дѣла церковныя не меньшее, если еще не большее, вліяніе, чѣмъ это было до сихъ поръ. Поэтому въ интересахъ сохраненія большей независимости дѣлъ церковныхъ отъ вліянія одного такого лица является необходимымъ не патріаршество учреждать, а подъ той или иной формой ввести въ церковное управленіе мірянъ, которые поддерживали бы въ немъ живую связь съ окружающимъ обществомъ и были бы поставлены въ какое-либо активное положеніе по отношенію къ самой Государственной Думѣ.

Вообще отнюдь не слѣдуетъ забывать, что проведеніе столь важныхъ церковныхъ преобразованій должно быть согласовано съ измѣнившимся государственнымъ строемъ, а безъ этого будетъ подготовлена возможность большой юридической путаницы по вопросамъ церковнаго управленія.

ГЛАВА IV.

Вопросъ о составѣ собора Русской Церкви въ докладѣ св. Синода. Свидѣтельства исторій о составѣ соборовъ. Разсмотрѣніе основаній ограниченія состава собора одними епископами въ связи съ Запиской представленной св. Синоду епископомъ Волынскимъ. Данныя изъ первыхъ вѣковъ христіанства и эпохи вселенскихъ соборовъ. Участіе императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ. Значеніе этого участія по сознанію самихъ императоровъ. Отношеніе къ нему со стороны соборовъ и іерарховъ Православной Церкви. Смыслъ его съ точки зрѣнія церковной. Вопросъ о составѣ собора по отношенію къ древнимъ канонамъ. Значеніе дисциплинарныхъ каноновъ въ жизни Церкви. Необходимость толкованій для ихъ пониманія. Вопросъ о соблюденіи древнихъ правилъ въ Православной Церкви. Положеніе русскаго епископа сравнительно съ положеніемъ въ древнее время. Недостатокъ духовно-нравственной связи съ клиромъ и паствой. Современныя условія жизни требуютъ перехода въ той или иной формѣ прежней роли императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ къ самому народу. Осуществленіе этого въ разныхъ другихъ православныхъ церквахъ. Значеніе народной рецепціи въ дѣлахъ церковныхъ. Указаніе на это въ свидѣтельствахъ св. отцовъ. Институтъ народнаго представительства въ дѣлахъ церковныхъ и возможное его духовно-нравственное значеніе. Обнаруженіе представительства вообще въ исторіи вселенскихъ соборовъ. Существованіе института народнаго представительства во многихъ другихъ православныхъ церквахъ. Условія требуемыя отъ мірянина для участія въ дѣлахъ церковныхъ. Вопросъ о значеніи голоса на соборѣ. Указаніе на необходимость болѣе широкаго состава помѣстнаго собора Русской Церкви со стороны нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ и друг. Свидѣтельства изъ русской исторіи.

Остановимся теперь на ходатайствѣ Св. Синода въ его всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи въ Москвѣ Помѣстнаго Собора. Здѣсь сейчасъ же бросается въ глаза, что Св. Синодъ не признаетъ нужнымъ предложить важное дѣло церковной реформы на обсужденіе всей Русской Церкви, а находитъ достаточнымъ образовать соборъ только изъ однихъ епископовъ и при томъ епархіальныхъ. Вмѣсто всецерковнаго собранія, какъ этого требуетъ наше время и самая глубина и серьезность предстоящихъ преобразованій, Св. Синодъ желаетъ ограничиться въ сущности лишь сѣздомъ епархіальныхъ епископовъ, едва ли правильно придавая ему названіе Помѣстнаго Собора. Такимъ образомъ, на соборѣ не предполагается активное участіе даже другихъ епископовъ, викарныхъ или живущихъ на покоѣ, изъ среды которыхъ, можетъ быть, могли бы раздаться наиболѣе

безпристрастные голоса. Въ числѣ викарныхъ епископовъ навѣрное найдутся такіе, которые не менѣе епархіальныхъ способны понимать церковныя нужды и не получили еще епархій или только вслѣдствіе недавняго принятія монашества или по недостатку благоволенія Св. Синода. Изъ архіереевъ же, проживающихъ на покоѣ, легко могутъ оказаться люди даже съ большей опытностью и сосредоточенностью мысли, чѣмъ епископы епархіальные, обыкновенно заваленные чисто внѣшними дѣлами. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и самое увольненіе ихъ на покой иногда происходило въ виду ихъ нежеланія спокойно мириться съ господствующимъ режимомъ, теперь всѣми осуждаемымъ, а уже одно это обстоятельство могло бы лишь увеличить на соборѣ столь нуждающійся въ настоящее время въ подкрѣпленіи епископскій авторитетъ.

А что же остальное духовенство, эти многочисленные пастыри, ближе стоящіе къ народу и его потребностямъ, имѣющіе и свои собственныя великія нужды, но, повидимому, далекія и даже мало понятныя для ихъ архипастырей?

Гдѣ же народъ, этотъ хранитель благочестія, по ученію Православной Церкви, но разъединенный съ своими пастырями, а еще болѣе архипастырями до того, что они стали не способны даже понимать его насущныя нужды и стремленія, и потому только самъ въ лицѣ своихъ избранныхъ имѣющій возможность повѣдать о своихъ рвущихся наружу церковныхъ мысляхъ и потребностяхъ?

Всѣмъ имъ на предполагаемомъ соборѣ епархіальныхъ епископовъ, повидимому, не должно быть мѣста.

А въ такомъ случаѣ Св. Синодъ приготовляетъ большую опасность для церковнаго спокойствія и мира. Намѣчаемый Св. Синодомъ соборъ епархіальныхъ епископовъ рискуетъ не явиться выразителемъ сознанія Русской Церкви и не быть принятымъ духовенствомъ и народомъ, какъ объ этомъ и теперь уже можно слышать въ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ кругахъ.

Если бы Православная Церковь раздѣляла всегда на составъ собора точку зрѣнія присутствовавшихъ въ мартѣ 1905 года въ Св. Синодѣ русскихъ іерарховъ, то она, наприм., не допустила бы на Антіохійскій Соборъ пресвитера Мальхіона и встрѣтила бы большое затрудненіе при рѣшеніи дѣла о вредномъ ученіи Антіохійскаго епископа Павла Самосатскаго. Извѣстно, что для разсмотрѣнія этого ученія, распространяемаго однимъ изъ первыхъ іерарховъ Церкви, во второй половинѣ III вѣка собиралось нѣсколько соборовъ, но всѣ они вслѣдствіе умѣнья Павла Самосатскаго искусно владѣть словомъ и діалектикой не рѣшались произнести окончательный приговоръ, пока не состоялся соборъ при участіи пресвитера Мальхіона, который, благодаря своей преданности вѣрѣ, своему уму и способности разбирать самые трудные и запутанные вопросы ясно для всѣхъ обличилъ ученіе Павла Самосатскаго [1]).

---

1) Евсевій-Памфилъ. Церковная исторія, книга VII, глава 29 и Исторія Христіанской Церкви, Джемса Робертсона т. I книга, I глава VII.

Подобно этому на соборъ 244 года въ Бострѣ Аравійской, собравшійся для разсмотрѣнія ученія епископа Бостры Берилла, вѣроятно, не попалъ бы извѣстный Оригенъ, который сумѣлъ разъяснить не только собору, но и самому Бериллу его заблужденіе. Оригенъ, по выраженію, Евсевія, «поставилъ епископа на путь истины и возвратилъ къ прежнему здравому образу мыслей» [1]).

Стремленіе ограничить составъ собора одними епископами, вѣроятно, не предоставило бы возможности св. Афанасію Великому въ санѣ діакона на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ столь блестяще выразить истинное православное ученіе въ виду извращенія его со стороны аріанъ.

При господствѣ взгляда, проводимаго Св. Синодомъ, едва ли могла принадлежать немалая роль на Третьемъ Ефесскомъ Вселенскомъ Соборѣ пресвитеру Харисію, который изложилъ исповѣданіе вѣры и разъяснилъ заблужденіе епископа Константинополя Несторія, при чемъ о пресвитерѣ Харисіи упомянуто даже въ самомъ опредѣленіи Собора [1]).

Не будемъ, конечно, перечислять всѣхъ лицъ, которыя, несмотря на свое исповѣданіе вѣры, способность отстаивать истину и громадныя заслуги въ этомъ отношеніи передъ Церковью, съ точки зрѣнія Св. Синода однако не могли бы войти въ составъ Помѣстнаго Собора, разъ они не имѣютъ епископскаго сана. Перечисленіе такихъ лицъ потребовало бы лишь многихъ напоминаній изъ исторіи Церкви.

Интересно знать, на какихъ основаніяхъ Св. Синодъ ограничиваетъ составъ предполагаемаго Собора одними епископами. Къ нѣкоторому разъясненію этого можетъ служить, повидимому, представленная недавно въ Св. Синодъ Докладная Записка Волынскаго епархіальнаго епископа о составѣ ожидаемаго Собора въ отвѣтъ на предложеніе со стороны Синода по епархіямъ о доставленіи отзывовъ по вопросамъ церковныхъ преобразованій. Остановиться именно на этой запискѣ тѣмъ удобнѣе, что Волынскій епископъ присутствовалъ въ Св. Синодѣ во время составленія Всеподданнѣйшаго доклада и относится къ числу русскихъ епископовъ, наиболѣе преданныхъ интересамъ Церкви.

Задача записки—доказать необходимость допущенія на Соборъ однихъ архіереевъ. Въ ней отрицается возможность фактическаго самостоятельнаго участія на древнихъ Соборахъ, не говоря уже о мірянахъ, даже пресвитеровъ вмѣстѣ со своими епископами, если только они не являлись въ качествѣ замѣстителей епископовъ вдовствовавшихъ въ то время епархій. «На самомъ дѣлѣ, какъ замѣчаетъ записка, кромѣ епископовъ-засѣдателей на Соборы призывались только обвиняемые, обличаемые, тяжущіеся затѣмъ, конечно, письмоводители, хортофилаксы и *молчаливо внимавшіе міряне*, среди коихъ бывали и императоры [2]).

Прежде всего авторъ записки не находитъ достаточныхъ основаній въ книгѣ Дѣянія Апостоловъ, чтобы указываемая, наприм., въ XV главѣ 23 ст.

---

[1]) Евсевій. Церковная исторія. книга VI глава XXXIII.

[2]) Первая отвѣтная докладная записка св. Правительствующему Синоду Епископа Волынскаго и Житомірскаго, Антонія стр. 4.

„братія“ представляла изъ себя полномочныхъ членовъ Апостольскаго Собора въ Іерусалимѣ. Надписаніе грамоты Собора въ Антіохію отъ имени „Апостоловъ, пресвитеровъ и братіи“, можетъ-быть, разумѣетъ просто ссылку на одобреніе народа, собравшагося послушать апостоловъ и увѣреніе, что впредь неразумные ревнители Моисеева закона не будутъ обижать братій изъ язычниковъ требованіемъ обрѣзанія. Но подобныя предположенія едва ли могутъ вытекать изъ содержанія Дѣянія XV, 23.

Если бы апостолы имѣли въ виду рѣшать все своимъ апостольскимъ авторитетомъ и желали дѣйствовать только по собственному усмотрѣнію, а братія въ дѣйствительности собралась бы только послушать апостоловъ, хотя бы при этомъ и заявила о своемъ неважномъ для рѣшенія дѣла одобреніи, то вѣдь и въ посланіи отъ имени собора въ Антіохію всего естественнѣе было бы выдвинуть авторитетъ апостоловъ и писать посланіе отъ ихъ имени. Объ одобреніи же ихъ рѣшенія со стороны собравшагося народа, а еще тѣмъ болѣе объ увѣреніи, что неразумные ревнители закона Моисеева не будутъ обижать братій изъ язычниковъ требованіемъ обрѣзанія, всего естественнѣе было бы прямо упомянуть въ содержаніи посланія, а не довольствоваться вмѣсто этого лишь прибавленіемъ въ надписаніи слова „братія“.

Почему затѣмъ авторъ „Записки“ при разъясненіи состава Іерусалимскаго Собора обращаетъ вниманіе только на XV, 23 Дѣяній. Между тѣмъ изъ той же главы стиха 22 ясно, что посланіе въ Антіохію нужно было писать именно отъ всей Церкви, такъ какъ о дѣлѣ разсудили апостолы и пресвитеры со всею церковью (Дѣян. XV, 22). Подобно этому и въ самомъ посланіи по отношенію къ лицамъ, отъ имени которыхъ оно писано, прямо сказано (Дѣян. XV, 25), что всѣ собравшіеся единодушно разсудили, а вовсе не такъ, что апостолы рѣшили, а народъ только одобрялъ рѣшеніе.

Въ дополненіе къ нашимъ соображеніямъ напомнимъ, что не только въ западной, но и въ русской богословской литературѣ вопросъ объ активномъ участіи народа во времена апостоловъ въ дѣлахъ церковныхъ и между прочимъ на соборахъ разъясняется вопреки мнѣнію епископа Волынскаго. Presensé, наприм., относительно Апостольскаго Собора въ Іерусалимѣ утверждаетъ, что онъ вовсе не представляетъ изъ себя собраніе духовенства самодержавно (souveraintment) разрѣшающее вопросы ученія. Вмѣстѣ съ апостолами мы видимъ тамъ пресвитеровъ, окруженныхъ множествомъ вѣрующихъ. Всѣ христіане принимали участіе въ совѣщаніи, потому что поставленный вопросъ одинаково затрогивалъ всѣхъ. Іерусалимскій Соборъ имѣетъ характеръ существенно демократическій [1]). Въ нашей литературѣ, наприм., по заключенію профессора Московской Духовной Академіи Н. А. Заозерскаго въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ находится немало свидѣтельствъ въ пользу того, что апостолы раскрывали передъ всѣмъ множе-

---

[1]) E De Pressensé. Histoire de trois premiers siceles de l'église chretienne. Le siecle apostolique, premiére période Paris, 1888 г. Livre II. Chap. V.

ствомъ свои планы и осуществляли ихъ по совѣщаніи съ нимъ и при содѣйствіи его. „Церковное управленіе апостольскаго вѣка, замѣчаетъ Заозерскій, было открытымъ, публичнымъ и общественно-совѣщательнымъ“ [1]).

Отрицая существованіе въ Дѣяніяхъ указаній, опровергающихъ его мнѣніе, авторъ „Записки“ считаетъ вообще неумѣстнымъ ссылку на эту книгу въ виду существеннаго различія первыхъ христіанъ съ послѣдующими поколѣніями. Іерархическія полномочія въ то время опредѣлялись еще весьма слабо. Міряне тогда имѣли и даръ языковъ, пророчества и т. п., а при теперешнемъ упадкѣ нравовъ нельзя требовать полнаго возстановленія практики первенствующей Церкви. Не подобный ли порядокъ вещей, спрашиваетъ авторъ „Записки“, примѣняемый отъ древнихъ святыхъ и чудотворцевъ къ современнымъ маловѣрамъ и грѣшникамъ, выражается въ ирвингіанствѣ, хлыстовщинѣ, малеванщинѣ и прочихъ проявленіяхъ религіознаго бѣшенства?

Передъ человѣчествомъ всегда будетъ сіять особеннымъ свѣтомъ эпоха первыхъ вѣковъ христіанства. Явившееся въ міръ подобно сѣмени или закваскѣ и готовое для распространенія по всей землѣ христіанство въ первое время дѣйствовало непосредственно своими духовными и внутренними силами и создавало тѣ или иныя внѣшнія формы своей жизни исключительно подъ ихъ вліяніемъ. Отсюда и наибольшая яркость свѣта, исходящаго отъ церковной жизни того времени, и столь привлекающаго къ себѣ человѣческія сердца. Рисуемая съ книгѣ Дѣяній христіанская жизнь для многихъ представляетъ какъ бы залогъ того, что христіанство такъ или иначе можетъ быть осуществимо на землѣ. Считать же неумѣстнымъ искать въ ней указаній для нашей жизни и ссылаться на нее при разъясненіи вопросовъ о дѣлахъ церковныхъ—это значитъ передъ большинствомъ закрыть источникъ свѣта. Жизнь Церкви не исчерпывается настоящимъ, а представляетъ изъ себя одинъ непрерывный процессъ, идущій отъ Христа и апостоловъ, и можетъ быть разсматриваема какъ своего рода сокровищница христіанской жизни и самыхъ разнообразныхъ ея проявленій. Поэтому уже въ силу самой нравственно-духовной связи Русской Церкви съ Церковью Апостольской никакъ нельзя отрицать прямой необходимости провѣрять существующія, а еще тѣмъ болѣе предполагаемыя новыя формы церковной жизни духомъ вѣка апостольскаго.

Что же касается замѣчанія автора Записки, что на порядкѣ вещей временъ апостоловъ стараются основываться разные сектанты, доходящіе до религіознаго бѣшенства, то такое сопоставленіе съ цѣлью указанія непримѣнимости тѣхъ формъ жизни къ нашей эпохѣ, какъ не относящееся къ Церкви, ничего не доказываетъ и лишь какъ-то тяжело дѣйствуетъ на читателя. Неужели же авторъ записки полагаетъ, что настоящіе члены Русской Церкви по своей грѣховности могутъ воспользоваться порядками апостольскаго вѣка для прикрытія

---

[1]) О церковной власти. Сергіевскій Посадъ, 1904 г. Срав. Духовенство Древней Вселенской Церкви. Проф. Москов. Университета А. П. Лебедева. Москва, 1905 г. Отд. II, Глава I.

своихъ ненормальныхъ стремленій подобно ирвингіанамъ, малеванцамъ и т. п. Такія извращенія только потому и происходятъ, что всѣ эти люди порвали общеніе съ Церковью и вышли изъ предѣловъ духовно-нравственнаго процесса, соединяющаго нашу Церковь съ Церковью первыхъ вѣковъ.

Но допустимъ, что живое участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ при апостолахъ можетъ быть объясняемо не общимъ принципомъ церковной жизни, установленнымъ христіанствомъ, а особенными свойствами первыхъ христіанъ. Ну, а чѣмъ же объяснить дѣятельное участіе клира и мірянъ на соборахъ послѣдующихъ вѣковъ, когда христіанство уже значительно распространилось и самая жизнь христіанъ стала измѣняться?

По свидѣтельству Евсевія, во второй половинѣ II вѣка разсмотрѣніе ученія монтанизма происходило во многихъ мѣстахъ Азіи на собраніяхъ вѣрующихъ и, очевидно, вовсе не одними епископами [1]). На соборахъ Антіохійской Церкви во второй половинѣ III вѣка по поводу ученія Павла Самосатскаго вмѣстѣ съ епископами участвовали пресвитеры и діаконы, при чемъ, судя по дѣйствіямъ пресвитера Мальхіона, роль ихъ являлась достаточно самостоятельной вопреки утвержденію автора Записки [2]). Замѣчательно, что и самое посланіе собора объ осужденіи Павла Самосотскаго написано не только отъ имени епископовъ, но и пресвитеровъ, діаконовъ и Божьей общины [3]).

Около 252 года, по сообщенію Евсевія, въ Римѣ былъ созванъ великій соборъ по дѣлу Новаціана и его сторонниковъ, на „которомъ участвовало 60 епископовъ, а пресвитеровъ и діаконовъ, добавляетъ Евсевій, находилось на немъ еще болѣе“ [4]). Вспомнимъ также отмѣченную выше роль на Аравійскомъ Соборѣ въ Бострѣ, выпавшую на долю Оригена, при чемъ извѣстный нѣмецкій ученый Зомъ на основаніи свидѣтельствъ Евсевія признаетъ участіе на этомъ соборѣ и самой общины.

При обсужденіи вопроса объ участіи клира и народа въ дѣлахъ церковныхъ всегда нужно имѣть въ виду очень ясно и опредѣленно выраженные взгляды на это св. Кипріана Карфагенскаго. Этотъ извѣстный епископъ III вѣка, лучшій и опытнѣйшій изъ пастырей, по свидѣтельству св. Григорія Богослова, [5]) призналъ согласнымъ съ задачами и интересами Церкви положить себѣ за правило ничего не дѣлать по одному своему усмотрѣнію безъ совѣта пресвитеровъ и діаконовъ и безъ согласія народа. Правильное разсужденіе даже о дѣлѣ падшихъ св. Кипріанъ считалъ возможнымъ лишь при составленіи общаго совѣта съ епископами, пресвитерами, діаконами и твердыми въ вѣрѣ мірянами [6]).

---

[1]) Евсевій Памфилъ Церковная Исторія, кн. V, 16.
[2]) Ibid. Кн. VII, 28 и 29.
[3]) Ibid. Кн. VII, 30.
[4]) Евсевій. Книга VI, глава XLIII.
[5]) Творенія Григорія Богослова, ч. II, глава 24.
[6]) Творенія священномученика Кипріана. Кіевъ, 1891 г., ч. I. Письма №№ 27 и 47.

Такимъ образомъ, дѣла церковныя, по убѣжденію св. Кипріана, должны были быть разрѣшаемы по возможности всею церковью и во всякомъ случаѣ при взаимообщеніи епископовъ клира и народа. Поэтому и на соборахъ Африканской Церкви во времена Кипріана, кромѣ епископовъ, естественно участвовали клиръ и міряне и притомъ вовсе не въ формѣ пассивнаго присутствія, а съ тѣмъ или инымъ вліяніемъ на самыя соборныя рѣшенія.

Въ наукѣ церковнаго права въ послѣднее время все болѣе устанавливается положеніе, что соборы II и III вѣковъ не были соборами только однихъ епископовъ, но требовали и присутствія общины съ клиромъ во главѣ [1]).

Такимъ образомъ, присутствіе на соборахъ первыхъ трехъ вѣковъ духовенства и мірянъ, не было простой декораціей молчаливо внимавшихъ епископамъ людей, но участіе ихъ носило активный характеръ, и его нужно объяснять общимъ принципомъ церковной жизни, въ которой каждый долженъ являться живымъ членомъ Тѣла Христова.

Обратимся теперь къ исторіи Вселенскихъ соборовъ.

На первомъ Никейскомъ соборѣ между всѣми слишкомъ замѣтно выступаетъ роль, выпавшая на долю св. Афанасія Великаго, бывшаго лишь архидіакономъ. Св. Афанасій дѣйствовалъ на соборѣ вовсе не какъ представитель какого-либо епископа и не какъ его замѣститель отъ какой-либо вдовствующей епархіи, а одновременно съ своимъ епископомъ Александромъ Александрійскимъ, который съ своей стороны также принималъ очень активное участіе на соборѣ [2]).

Изъ числа лицъ, на первомъ Вселенскомъ Соборѣ не имѣющихъ епископскаго сана, обращаютъ затѣмъ на себя вниманіе дѣйствія одного старца-исповѣдника. Во время споровъ съ соборомъ одного философа, искуснаго въ діалектикѣ и защищавшаго ученія Арія, старецъ почувствовалъ въ себѣ внутреннюю потребность вступить съ философомъ въ разговоръ. Получивъ разрѣшеніе, старецъ повелъ съ нимъ бесѣду словами, исполненными духа и силы, которымъ философъ, по его собственному объясненію, не могъ противиться. Эта бесѣда старца такъ повліяла на философа, что онъ обратился ко Христу [3]).

На вполнѣ активное участіе на засѣданіяхъ Вселенскихъ Соборовъ другого духовенства, кромѣ епископовъ, указываютъ, повидимому, находящіяся подъ актами Второго Вселенскаго Собора нѣсколько подписей пресвитеровъ. Пресвитеры эти, очевидно, не были представителями какихъ-либо епископовъ, потому что въ этомъ случаѣ они подобно многимъ другимъ такъ и упомянули бы въ своихъ подписяхъ. Среди подписей подъ актами, наприм., значатся: Лонгіанъ Созополь-

---

[1]) П. Гидуляновъ. Митрополиты въ первые три вѣка христіанства. Москва, 1905 г. глава II, отд. V.

Примѣчаніе. Изъ иностранныхъ ученыхъ вопросъ о составѣ соборовъ въ отношеніи клира и мірянъ особенно разработанъ Зомомъ (Sohm) въ его извѣстномъ сочиненіи Kirchenrecht.

[2]) Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, т. I. § XII и § XVI. Соборное посланіе къ церквамъ Божіимъ, клиру и мірянамъ.

[3]) Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ, т. I, ст. VIII.

скій въ лицѣ пресвитера Симплиція, Ѳеодоръ Евменійскій въ лицѣ пресвитера Профутура и т. д. [1]).

Епископъ Волынскій утверждаетъ, что пресвитеры эти были лишь замѣстителями епископовъ вдовствовавшихъ въ то время епархій. Но вѣдь никакихъ доказательствъ такого утвержденія, какъ бы слѣдовало въ виду важности вопроса, имъ не приведено. Впрочемъ, даже если и согласиться съ авторомъ „Записки", то выходитъ, что при отсутствіи на епархіи епископа полномочными ея представителями на Соборѣ могутъ являться пресвитеры, и присоединеніе ихъ къ тому или иному рѣшенію вопроса становится обязательнымъ и для будущаго ихъ епископа. Интересно бы при этомъ знать, кто же избиралъ такихъ пресвитеровъ! А подобное положеніе пресвитеровъ на Вселенскомъ Соборѣ скорѣе говоритъ вообще за возможность ихъ дѣятельнаго участія на Соборахъ Православной Церкви, чѣмъ за отрицаніе этой возможности, какъ думаетъ авторъ „Записки".

Въ интересахъ разъясненія вопроса о допущеніи на Соборы мірянъ и другого духовенства кромѣ епископовъ, обращаетъ на себя вниманіе Соборъ, состоявшійся въ Константинополѣ при архіепископѣ Флавіанѣ, на которомъ впервые разсматривалось ученіе Евтихія. По повелѣнію Императора Ѳеодосія предсѣдательствовалъ на этомъ Соборѣ сановникъ Флоренцій. Отцы Собора приняли Флоренція съ привѣтствіями и благодарили Императора за назначеніе предсѣдателемъ лица извѣстнаго своимъ благочестіемъ и преданностью вѣрѣ. Флоренцій руководилъ совѣщаніями, задавалъ вопросы Евтихію и даже вступалъ съ нимъ въ пренія о вѣрѣ. Постановленіе же этого Собора объ отлученіи Евтихія подписано, кромѣ епископовъ, и 23 настоятелями разныхъ монастырей, въ числѣ которыхъ большинство имѣло пресвитерскую степень, одинъ лишь, степень діакона, а нѣсколько лицъ были прямо простые монахи [2]). Но и этого мало. Настоятели монастырей, не участвовавшіе лично, и при томъ даже лишь со степенью діакона, имѣли своихъ представителей, которые за нихъ и подписались. Такъ, наприм., подъ опредѣленіемъ Собора значатся Іовъ, пресвитеръ и архимандритъ, подписалъ низложеніе Евтихія черезъ діакона моего Андрея. Іаковъ, діаконъ и архимандритъ Сирскій черезъ монаха моего Зотика подписалъ низложеніе Евтихія [3]). Это постановленіе Константинопольскаго Собора было читано на IV Вселенскомъ Соборѣ Халкидонскомъ, было принято этимъ Соборомъ во вниманіе, и не встрѣтило никакихъ возраженій [4]).

---

[1]) Ibid. т. I. Второй Вселенскій Константинопольскій Соборъ. Отд. IV. Подписи.

[2]) Вотъ для примѣра нѣкоторыя подписи: Евсевій, пресвитеръ и архимандритъ монастыря Ильи подписалъ низложеніе Евтихія. Каллинникъ монахъ и архимандритъ монастыря Феодота подписалъ низложеніе Евтихія. Дѣянія Вселен. Соб. т. III. Казань, 1880 г. См. Дѣяніе седьмое въ Константинополѣ стр. 132

[3]) Дѣяніе VII въ Константинополѣ, прочитанное на Халкидонскомъ Соборѣ Т. IV. Отд. 2, стр. 129—132.

[4]) Дѣяніе I Халкидонскаго Собора. Т. IV, отд. 2.

Такимъ образомъ, если о роли тѣхъ или иныхъ лицъ на Соборѣ судить по подписямъ, то монахи разныхъ священныхъ степеней и даже безъ нихъ являлись на Константинопольскомъ Соборѣ вполнѣ самостоятельными членами одновременно съ епископами. Возможность этого особенно ясно подтверждается при изученіи актовъ VII Вселенскаго Собора, на которомъ присутствовало много игуменовъ и иноковъ разныхъ монастырей. Изъ нихъ нѣкоторые, какъ наприм., Савва, игуменъ Студійскаго монастыря, и другіе обнаружили себя въ качествѣ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Собора. На второмъ засѣданіи Собора, когда нужно было подавать голоса относительно посланія папы Адріана излагающаго исповѣданіе православной вѣры, Вселенскій Соборъ призналъ по справедливости необходимымъ и подачу голосовъ со стороны монаховъ, не имѣвшихъ епископскаго сана. Вмѣстѣ съ этимъ св. Тарасій, патріархъ Константинопольскій, предсѣдательствовавшій на Соборѣ, категорически заявилъ: „порядокъ требуетъ, чтобы каждый изъ находящихся на Соборѣ провозгласилъ свое исповѣданіе“ [1]). Настоятели монастырей и монахи дѣйствительно и выражали свое исповѣданіе вѣры и согласіе съ посланіемъ папы Адріана, о чемъ прямо и записано въ актахъ Собора. Поэтому естественно, что подъ исповѣданіемъ вѣры, изложенномъ на 4 засѣданіи VII Вселенскаго Собора и провозглашенномъ устами епископа Сардійскаго, Евфимія, находятся, кромѣ епископскихъ подписей еще очень много игуменовъ и даже простыхъ иноковъ, при чемъ нѣкоторые отсутствующіе игумены подписывались черезъ своихъ представителей [2]).

Такимъ образомъ, если на Соборахъ одновременно съ епископами въ качествѣ самостоятельныхъ членовъ могли участвовать монахи въ степени пресвитера и діакона и даже безъ всякой священной степени, то, конечно, это говоритъ и за возможность допущенія на Соборъ бѣлаго духовенства и даже принадлежащихъ къ Церкви мірянъ Вѣдь монашество представляетъ изъ себя просто лишь особую корпорацію въ Церкви для осуществленія извѣстнаго образа жизни и принятіе его никакихъ особыхъ даровъ св. Духа подобно священству для участія въ церковной жизни не сообщаетъ. Напротивъ, по отношенію къ монашеству вообще IV Вселенскимъ Халкидонскимъ Соборомъ установлено правило, чтобы монашествующіе не вмѣшивались ни въ церковныя, ни въ житейскія дѣла и не принимали въ нихъ участія [3]). Слѣдовательно, дѣятельное участіе монаховъ на Соборахъ происходило лишь въ силу принадлежности ихъ къ Церкви, въ которой каждый членъ является болѣе или менѣе живой ея частью и при правильномъ участіи въ жизни Церкви можетъ до извѣстной степени выражать церковное самосознаніе и во всякомъ случаѣ не менѣе епископовъ и другого духовенства, не долженъ пассивно и безразлично относиться къ дѣламъ церковнымъ, затрогивающемъ область его совѣсти.

---

[1]) Дѣяніе Вселен. Соб. Т. VII. Второе Дѣяніе VII Вселен. Собора, стр. 90.

[2]) Ibid. Дѣяніе IV того же Собора Римская редакція подписей, стр. 181.

[3]) Правило 4 Халкидонскаго Собора.

Вообще при изученіи разныхъ актовъ и документовъ, относящихся къ исторіи Вселенскихъ Соборовъ, можно встрѣтить указанія, что духовенство вовсе не являлось тогда безгласнымъ въ дѣлахъ церковныхъ и присутствовало на Соборахъ вмѣстѣ со своими епископами. На IV Вселенскомъ Соборѣ, наприм., какъ видно изъ его актовъ, одновременно съ архіепископомъ Константинополя Анатоліемъ присутствовали и константинопольскіе клирики и они выражали осужденіе Діоскору [1]). При возникновеніи послѣ Халкидонскаго Собора несогласій въ Александрійской Церкви императоръ Левъ I повелѣлъ Константинопольскому архіепископу созвать всѣхъ проживавшихъ тогда въ городѣ православныхъ епископовъ, а „также почтеннѣйшихъ клириковъ“, и сообща разсудить по вопросамъ о Халкидонскомъ Соборѣ и епископѣ Тимофеѣ [2]).

Подобно этому и сами епископы при разрѣшеніи церковныхъ вопросовъ приглашали къ участію и другое духовенство. Такъ, епископы Второй Каппадокіи на запросъ императора Льва объ ихъ отношеніи къ Халкидонскому Собору и дѣлу объ епископѣ Тимофеѣ созвали въ одно мѣсто епископовъ области и, сошедшись туда вмѣстѣ съ клириками, образовали мѣстный соборъ, который и выработалъ отвѣтъ императору [3]).

Приглашая римскаго папу Агафона прислать на VI Вселенскій Соборъ своихъ представителей, императоръ Константинъ Погонатъ объявилъ прочимъ предстоятелямъ Церквей, чтобы каждый изъ нихъ созвалъ подчиненныхъ себѣ блаженнѣйшихъ іереевъ и всѣ вмѣстѣ собрались въ царствующій городъ для того, чтобы отсѣчь непотребство сгнившаго или соблазнительнаго члена, особенно, когда онъ не приметъ увѣренія“, а все прочее тѣло Христово укрѣпить догматами благочестія [4]).

Кромѣ того, по вопросу объ участіи въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ одновременно съ епископами и другихъ членовъ Церкви нужно имѣть въ виду, что исторія Вселенскихъ соборовъ и вызывавшихъ ихъ обстоятельствъ очень ясно обрисовываетъ большое значеніе въ дѣлахъ церковныхъ и свѣтскаго элемента въ лицѣ императоровъ. Сами или черезъ своихъ чиновниковъ императоры дѣйствовали не только фактически въ силу своей общей государственной власти, но и по особому отношенію ихъ собственно къ дѣламъ церковнымъ, при чемъ это особое отношеніе вполнѣ сознательно объяснялось ими самими и открыто было признаваемо и даже, можно сказать, подтверждаемо самими соборами и высшими іерархами Православной Церкви.

Для лучшаго уясненія значенія участія свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ и возможной отъ него пользы представимъ себѣ картину тогдашней церковной жизни на основаніи свидѣтельствъ такихъ лицъ, какъ св. Василій

---

[1]) Дѣяніе Всел. Соб. Томъ III. Дѣяніе II Халкидонскаго Собора.

[2]) Списокъ съ посланія императора Льва I къ Анатолію, епископу Константинопольскому. Ibid. Томъ IV. отд. 3, № XVII.

[3]) Посланіе епископовъ Второй Каппадокіи къ императору Льву. Ibid. № XLVII.

[4]) Списокъ грамоты императора Константина къ папѣ древняго Рима Льву. Ibid. T. VI.

Великій, св. Григорій Богословъ, и нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ исторіи Вселенскихъ соборовъ.

Состояніе церквей того времени Василій Великій уподобляетъ морской битвѣ, въ которую мужи браннолюбивые и привыкшіе къ морскимъ сраженіямъ вступили съ раздраженіемъ другъ противъ друга за давнія обиды. Какъ страшно съ обѣихъ сторонъ устремляются ряды кораблей и, когда гнѣвъ достигаетъ высшей степени, схватившись, начинаютъ борьбу! Предположи, если угодно, продолжаетъ Василій Великій, что корабли порываются сильною бурею, что мгновенная сила, разлившись изъ облаковъ, очерняетъ все видимое, что невозможно различить ни друзей, ни враговъ, и отъ смятенія не распознаются подаваемые другъ другу знаки. Для большей ясности подобія, предположимъ еще, что море надувается, изъ самихъ глубинъ бьетъ клубомъ вверхъ, что изъ облаковъ льетъ стремительный дождь, что началось страшное треволненіе гонимыхъ бурею валовъ, и потомъ, что вѣтры отовсюду стремятся къ одной точкѣ и отъ того корабли съ трескомъ взаимно сталкиваются и стоявшіе въ боевомъ порядкѣ частью передаются непріятелямъ и вслѣдствіе самой борьбы переходятъ въ ихъ власть, а частью поставлены въ необходимость вмѣстѣ и отталкивать наносимыя на нихъ вѣтромъ ладьи и сопротивляться нападающимъ на нихъ кораблямъ, и убивать другъ друга во время мятежа, *произведеннаго и завистью къ превосходству другихъ и желаніемъ* каждаго самому одержать верхъ. Вообрази еще сверхъ этого, что все море оглашено какими-то звуками отъ свистящихъ вѣтровъ, отъ взаимнаго ударенія кораблей, отъ шума кипящихъ волнъ, отъ крика сражающихся, которые выражаютъ страсти свои всякими голосами, отъ чего не слышно голоса ни кораблеправителя, ни кормчаго, а видны какой-то ужасный безпорядокъ и смятеніе, и чрезмѣрность бѣдствія при отчаяніи въ жизни производитъ въ нихъ то, что грѣшатъ съ совершеннымъ безстрашіемъ. Присовокупи какія-то неисцѣльныя бѣсноватія честолюбія въ тѣхъ, которые на корабляхъ. Они не оставляютъ между собою спора о первенствѣ даже когда корабль уже погружается въ глубину... Непомѣрное соревнованіе другъ противъ друга дѣлаетъ людей безчувственными, когда близокъ уже страхъ всеобщаго разрушенія. Ибо частная непріязненность сильнѣе и общей и народной войны, когда общей пользѣ предпочитается слава одолѣть враговъ и настоящее упоеніе честолюбія дороже наградъ, ожидающихъ впослѣдствіи... Далѣе св. Василій отмѣчаетъ «неописанную толкотню около предсѣдательскихъ мѣстъ. Всякій честолюбецъ силою вынуждаетъ дать ему первенство. А отъ такого любоначалія напало на людей какое-то страшное безначаліе» [1]), словомъ, святитель для описанія церковной жизни того времени старается воспользоваться самыми мрачными картинами изъ жизни природы и не можетъ не указать на ясно высту-

---

[1]) Творенія св. Василія Великаго. ч. III, изданія 1900 г. О св. Духѣ къ св. Амфилохію, епископу Иконійскому, глава XXX.

пающее среди всего стремленіе къ первенству, доходящее иногда прямо до какого-то бѣснованія честолюбія.

Для дополненія этой грустной картины состоянія церквей мы находимъ не мало штриховъ и въ сочиненіяхъ св. Григорія Богослова. «Я нерѣдко, пишетъ святитель, проливалъ слезы представляя себѣ тогдашнее разлитіе нечестія и нынѣ возставшее гоненіе на правое слово отъ предстателей слова. Подлинно обезумѣли пастыри, по написанному: пастыри многіе растлили виноградъ Мой, посрамили часть желаемую (Іер XII, 10), т.-е. Церковь Божію, собранную многими трудами и жертвами, закланными до Христа и послѣ Христа и великими страданіями за насъ самого Бога». Всѣ они за исключеніемъ весьма немногихъ, которые или обойдены по своей малозначительности или противостали своими доблестями и должны были остаться для Израиля сѣменемъ и корнемъ, чтобы снова возникнуть и оживотвориться потоками духа, покорились обстоятельствамъ времени съ тѣмъ лишь различіемъ, что одни подверглись этому раньше, другіе позже. Одни стали поборниками и покровителями нечестія, другіе заняли второстепенныя мѣста и были или поражены страхомъ, или порабощены нуждою, или уловлены ласкательствомъ, или вовлечены по невѣдѣнію, что составляетъ меньшую вину, если для кого-нибудь этого достаточно къ извиненію тѣхъ, которымъ ввѣрено попеченіе о народѣ [1]).

Какъ соединю и приведу къ единству, замѣчаетъ св. Григорій Богословъ въ своемъ прощальномъ словѣ, одинъ противъ другого возсѣдающихъ и пастырствующихъ, а съ ними и народъ расторгнутый и приведенный въ противоборство, подобно какъ во время землетрясеній разсѣдаются мѣста сосѣдственныя и близкія, или во время заразительныхъ болѣзней страждутъ слуги и домашніе, потому что болѣзнь удобно передается отъ одного другому? И не только народъ сей, но цѣлыя части вселенной увлекаются тѣмъ же мятежнымъ духомъ, такъ что Востокъ и Западъ раздѣлились на двѣ противныя стороны, и есть опасность, что они, составляя разные удѣлы, столько же будутъ разнствовать и во мнѣніяхъ [2]).

Въ періодъ VII Вселенскаго Собора, по свидѣтельству самого соборнаго посланія къ императору Константину и матери его Иринѣ, іерархи въ одно и тоже время стали и ересіархи. Вмѣсто мира народу возвѣщали раздоръ, а вмѣсто пшеницы на пашняхъ церковныхъ посѣвали плевелы; вино они мѣшали съ водою и поили ближняго вредною смѣсью. Будучи на самомъ дѣлѣ аравійскими волками, они выдавали себя за облеченныхъ овечьею кожею и, искажая истину, примѣнялись ко лжи [3]).

---

[1]) Творенія св. Григорія Богослова. Москва 1889 г., ч. II. Похвальное слово св. Аѳанасію Великому стр. 160.

[2]) Ibid. Ч. IV. Слово прощальное, произнесенное во время прибытія въ Константинополъ 150 епископовъ.

[3]) Соборное посланіе. VII Вселенскій Соборъ, Дѣянія VII, стр. 294. Дѣянія Вселенскихъ соборовъ т. VII. Казань 1891 г.

Почти тѣми же словами говоритъ о положеніи церковныхъ дѣлъ императоръ Константинъ Погонатъ въ своемъ посланіи къ Собору апостольскаго престола въ Римѣ по поводу VI Вселенскаго Собора, прибавляя, что перепутались всѣ дѣла Церкви [1]). А въ своемъ эдиктѣ по поводу VI Вселенскаго Собора тотъ же императоръ отмѣчаетъ, что подъ вліяніемъ развитія ересей многія души прожгла ярость нечестія, такъ что даже варвары не поступаютъ столь жестоко, какъ поступали христіане съ христіанами и вмѣсто того, чтобы оплакивать многіе находили выгоду и удовольствіе въ возмущеніи и взаимномъ несогласіи церквей [2]).

И вотъ среди такого состоянія церковной жизни, подобнаго морской битвѣ на бурномъ морѣ и обнаруживающаго погоню за первенствомъ, затѣмненіе истины и нравственное ослабленіе въ самихъ пастыряхъ, громко раздавались голоса православныхъ императоровъ въ интересахъ поддержанія правильнаго ученія и водворенія церковнаго мира, призывающіе къ прекращенію раздоровъ и установленію единомыслія. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого они считали созывы Соборовъ. Такая дѣятельность императоровъ, какъ показываетъ изученіе разныхъ исходившихъ отъ нихъ въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ документовъ, основывалась на сознаніи ихъ себя живыми членами Церкви и на убѣжденіи, что каждый членъ Церкви, а особенно императоръ, всѣми возможными для него способами обязанъ служить ей на пользу и въ этомъ отношеніи онъ можетъ быть до извѣстной степени разсматриваемъ, какъ сослужитель епископовъ.

Особенно ясно выражено все это Константиномъ Великимъ, у котораго едва ли можно отрицать великую любовь къ Богу и глубокую преданность Православной Церкви. Въ посланіи къ епископу Александру и пресвитеру Арію Императоръ свидѣтельствуетъ о нанесеніи его сердцу большой раны извѣстіемъ, что между ними самими возникли разногласія гораздо болѣе важныя, чѣмъ въ Африкѣ и что они, черезъ которыхъ императоръ надѣялся подать врачество другимъ, сами нуждаются въ гораздо большемъ врачеваніи. Призвавъ на помощь Божественное Провидѣніе, Константинъ объявляетъ себя посредникомъ въ ихъ разногласіи и высказываетъ желаніе, чтобы водворился миръ между ними „Не препятствуйте же, убѣждаетъ ихъ Императоръ, мнѣ служителю Всеблагого подъ Его промышленіемъ достигнуть цѣли, къ которой я со всею ревностью стремлюсь, стараясь то возваніями, то дѣятельною помощью, то непрестанными внушеніями привести Его народъ къ каѳолическому единенію". Этимъ Императоръ надѣется вернуть себѣ мирныя и спокойныя ночи. „Въ противномъ случаѣ замѣчаетъ онъ, мнѣ останется только стенать, обливаться слезами и въ безпокойствѣ проводить вѣкъ свой; я не могу успокоиться, доколѣ люди Божіи,

---

[1]) Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ т. VI. Казань 1882 г. стр. 268.

[2]) Эдиктъ императора Констартина, выставленный въ третьемъ притворѣ святѣйшей великой Церкви близъ такъ называемаго дикимвала Ibid стр. 259

разумѣю моихъ сослужителей, раздѣляются между собою распрею, столько несправедливою и гибельною“ [1]).

По прибытіи на созванный по его повелѣнію Никейскій Соборъ Константинъ въ своей отвѣтной рѣчи собору, между прочимъ, указывалъ, что внутреннее смятеніе въ Церкви Божіей, по его мнѣнію, страшнѣе и тягостнѣе всякой войны и битвы это печалитъ его болѣе, чѣмъ всѣ внѣшнія брани. Онъ приглашалъ соборъ не медлить разсмотрѣніемъ причинъ разногласій и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Черезъ это говорилъ онъ собору, „вы совершите дѣло пріятное Богу и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю [2]). Эта мысль о своей дѣятельности на пользу Церкви, какъ сослуженіе епископамъ, не одинъ разъ высказывалось императорамъ. Она отмѣчена также въ его посланіи изъ Никеи къ епископамъ, не присутствовавшимъ на соборѣ, и въ посланіи къ Александрійской Церкви противъ Арія, извѣщающихъ о результатѣ соборныхъ опредѣленій и приглашающихъ къ единомыслію съ ними [3]).

Подобно этому разсуждали о своихъ отношеніяхъ къ дѣламъ церковнымъ, наприм., императоры Ѳеодосій, Валентиніанъ, Маркіанъ, императрица Пульхерія. Въ грамотѣ императоровъ Ѳеодосія и Валентиніана, посланной въ Александрію къ епископу Кириллу и къ епископамъ областныхъ митрополій съ повелѣніемъ прибыть на Третій Вселенскій Ефесскій Соборъ, выражено, что императоры преимущественно предъ прочимъ заботятся о томъ, чтобы состояніе Церкви оставалось достойнымъ Бога и приличнымъ ихъ временамъ, чтобы отъ единомыслія всѣхъ происходило спокойствіе, и отъ мира въ церковныхъ дѣлахъ—невозмутимая тишина, чтобы богопочтеніе и богослуженіе было безукоризненно, чтобы находящіеся въ клирѣ и совершающіе великое служеніе священства были свободны по жизни отъ всякаго упрека съ худой стороны [4]).

„Мы думаемъ, сказано въ одномъ изъ узаконеній императора Ѳеодосія, что Нашему Императорскому Величеству прилично давать подданнымъ нашимъ наставленія касательно благочестія, потому что полагаемъ, что наибольшее благоволеніе Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа можно заслужить въ томъ случаѣ, когда и сами мы будемъ по силамъ благоугождать Ему и подданныхъ нашихъ располагать къ тому же [5]).

---

[1]) Дѣяніе Вселенскихъ Соборовъ. Т. I. Отд. III, стр 29—32. Срав. Посланіе Императора Константина къ никомидійцамъ противъ Евсевія и Феогниса. Ibid. Отд. XIX.

[2]) Рѣчь императора Константина святому Собору. Отд. VI. Срав Отд. VII. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ. Т. I, стр 38.

[3]) Ibid. Отд. XV, стр. 76 и отд. XIII, стр. 74.

[4]) Высочайшая грамота. Ibid. Отд. XXVIII, стр. 192.

[5]) Высочайшее посланіе, отправленное къ собору въ Никею императорами Валентиніаномъ и Маркіаномъ. Дѣянія Вселен. Соб. Т. III. Отд. I, стр. 51. Срав. списокъ съ Высочайшаго посланія императрицы Пульхеріи къ военачальнику Вифиніи. Ibid.

Императоры Валентиніанъ и Маркіанъ въ посланіи къ епископамъ IV Халкидонскаго собора объявили: „Долгъ нашего усердія требуетъ, чтобы согласно опредѣлено было то, что относится къ святому и православному благочестію, дабы уничтожилось всякое сомнѣніе и возстановился надлежащій миръ въ святѣйшихъ каѳолическихъ церквахъ. Ибо, мы думаемъ, это должно быть предпочитаемо всѣмъ дѣламъ". Поэтому императорамъ благоугодно было созвать соборъ, чтобы при общемъ согласіи всѣхъ по изслѣдованіи всей истины и по устраненіи всякаго пристрастія, которымъ уже злоупотребили нѣкоторые и возмутили святое и православное благочестіе, яснѣе открылась истинная вѣра, и чтобы, наконецъ, уже не могло быть никакого сомнѣнія или разномыслія [1]). Императоръ Константинъ Погонатъ въ своемъ посланіи къ святому собору Апостольскаго престола въ Римѣ, обращая вниманіе на большое разстройство церковныхъ дѣлъ, при которомъ нечестіе поражало благочестіе, замѣчаетъ. мы рѣшились на такой шагъ, который намъ былъ всего приличнѣе и устремили мысленный взоръ къ единому мудрому и знающему сіе Богу, и у Него просили въ непрестанныхъ молитвахъ разрѣшенія затрудненій Поэтому, будучи просвѣщены Духомъ Его, мы разсудили созвать глаза Церкви, т. е. іереевъ, къ разсмотрѣнію истины. Мы ратуемъ за вѣру, заняты благочестіемъ, такъ озабочены состояніемъ церковнымъ, что будучи осаждаемы военными заботами, отвлекаемы военными предпріятіями, не отложили созваніе сего всечестнаго собора, чтобы по уничтоженіи разногласія церквей устроился союзъ мира [2]). Почти такъ же выражено и въ Высочайшей грамотѣ императоровъ Константина и Ирины къ епископамъ, собравшимся по ихъ повелѣнію на VII Вселенскій Соборъ. Въ интересахъ искорененія всякаго разногласія между церквами и соединенія всѣхъ союзомъ мира императоры предоставляли каждому изъ нихъ безъ всякаго опасенія говорить все что пожелаетъ, чтобы изслѣдованіе дѣла могло производиться какъ можно тщательнѣе и чтобы истина была выяснена безъ всякаго принужденія [3]).

Въ императорскомъ эдиктѣ по поводу VI Вселенскаго Собора Константинъ Погонатъ указываетъ, что подражая издревле благочестиво и соименно царствовавшимъ, будучи сожигаемы ревностью о правой и непорочной вѣрѣ и считая дѣломъ первой важности поддержаніе мира въ святыхъ Божіихъ церквахъ, онъ нашелъ весьма неумѣстнымъ нарушеніе далѣе церковнаго мира. Поэтому онъ созвалъ шестой Вселенскій Соборъ, равночестный прежнимъ и повелѣлъ изслѣдовать основаніе ложныхъ догматовъ [4]). Такимъ образомъ, кромѣ требованія собственнаго убѣжденія Константинъ Погонатъ объясняетъ свою церковную дѣятельность и примѣрами прежнихъ благочестивыхъ императоровъ.

---

[1]) Списокъ съ Высочайшаго повелѣнія, посланнаго отъ императора Маркіана къ епископамъ всѣхъ странъ. Ibid. Отд. I, стр. 50.

[2]) Дѣяніе Вселенскихъ Соборовъ. Т. VI, стр. 269.

[3]) Дѣяніе Вселен. Соборовъ. Т. VII. Высочайшая грамота, стр. 39.

[4]) Дѣяніе Всел. Соб. Томъ VI, стр. 259.

На подобное отношеніе къ дѣламъ церковнымъ со стороны православныхъ императоровъ тогдашніе іерархи и сами Соборы, служившіе выраженіемъ голоса Церкви, смотрѣли какъ на правильное, свойственное христіанскимъ государямъ. По свидѣтельству самыхъ разнородныхъ документовъ того времени, они признавали дѣятельность императоровъ полезной и даже необходимой въ интересахъ Церкви, благодарили ихъ за нее, а нерѣдко и сами обращались къ государямъ за помощью въ дѣлахъ церковныхъ.

Такъ уже первый Вселенскій Соборъ объявилъ, что Богъ черезъ императора водворилъ въ сердцахъ вѣрующихъ миръ. Этотъ же Соборъ просилъ участія Константина Великаго въ дѣлахъ Церкви для сохраненія цѣлости и ненарушимости правильнаго ученія о Богѣ [1]).

Признавая всѣ дѣйствія императоровъ Ѳеодосія и Валентиніана достойными хвалы и показывающими великую ревность по благочестію, Соборъ, собравшійся въ Ефесской митрополіи, между прочимъ, умолялъ императоровъ совершенно уничтожить то, что сдѣлано хитростію противъ святыхъ епископовъ Кирилла и Мемнона и не имѣетъ никакого основанія въ священныхъ канонахъ [2]).

Папа св. Левъ Великій утверждаетъ, что крѣпость вѣры Маркіана утѣшаетъ и укрѣпляетъ не только его, но и всѣхъ священниковъ Господа, когда въ христіанскомъ государѣ они находятъ священническую ревность. Если бы священники восточныхъ странъ старались подражать ей, то, по замѣчанію св. папы Льва, ни миръ, ни христіанская вѣра не потерпѣли бы никакихъ соблазновъ [3]).

Императора же Льва за его христолюбивую дѣятельность на пользу Церкви папа считаетъ должнымъ поставить въ числѣ проповѣдниковъ Христовыхъ [4])

Для разъясненія отношеній іерарховъ временъ Вселенскихъ Соборовъ къ участію православныхъ императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ не мало свѣдѣній доставляютъ посланія къ импературу Льву епископовъ разныхъ странъ, которыхъ онъ спрашивалъ по вопросу о Халкидонскомъ Соборѣ и о дѣлѣ епископа Тимофея въ Александріи.

Одни изъ этихъ епископовъ привѣтствуютъ попеченіе императора о мирѣ святыхъ церквей, старанія его ради утвержденія вѣры побуждать къ единодушію священниковъ Христовыхъ [5]) и сохранить Церковь въ безопасности отъ еретической бури и волненій [6]). Другіе указываютъ, что императоръ самъ положилъ начало къ прекращенію жестокихъ поступковъ начавшагося спора и возрастаю-

---

[1]) Привѣтственная рѣчь императору Константину отъ Собора Ibid Томъ I. Отд. V, стр. 37.

[2]) Списокъ съ донесенія святого Собора императорамъ. Ibid. Глава III. Отд. 2, стр. 356.

[3]) Посланіе папы Льва къ Маркіану Августу. Ibid. Томъ IV. Отд. XIV, стр. 201.

[4]) Посланіе папы Льва къ императору Льву. Ibid. XXI.

[5]) Дѣяніе Всел. Соб., т. IV. Казань, 1873 г., отд. III. Посланіе Лукіана, епископа Баскаго, къ императору Льву № XXIV.

[6]) Ibid. Посланіе Валентина епископа Филиппольскаго къ Льву № XXV.

щей горячки гнѣва [1]). Третьи отмѣчаютъ, что въ своихъ заботахъ о церковномъ мирѣ Левъ слѣдуетъ примѣрамъ св. Константина и блаженной памяти Маркіана [2]), и, по выраженію нѣкоторыхъ, не относится небрежно къ ихъ охраненію, но бодрствуетъ и подобно добрымъ пастырямъ обсуждаетъ все, чтобы волкъ не могъ похитить овецъ или подобно лучшимъ врачамъ обвязываетъ раны и доставляетъ лѣкарства [3]). Иные изъ епископовъ находятъ возможнымъ называть императора „твердою и неподвижною скалою правой вѣры» [4]) Епископы же Месопотаміи прямо заявляютъ, что государь показываетъ вмѣстѣ со священниками заботу о спасеніи людей и о мирѣ церквей и удостаиваетъ ихъ, какъ вѣрныхъ священниковъ Христовыхъ, своей императорской и благочестивой грамоты и что въ нихъ не обнаружилось нежеланія имѣть его участникомъ въ этомъ полезномъ дѣлѣ [5]).

Поэтому естественно, что епископы области Геллеспонтской просили императора поддержать достойный его правосудія порядокъ въ епископскомъ округѣ, чтобы преслѣдуемые избавились отъ необходимости бѣжать и приведенные въ смятеніе были снова призваны къ прежнему миру и чтобы находящимся тамъ церквамъ сообщено было единеніе. А епископы Пафлагоніи умоляли его въ мирѣ и тишинѣ сохранить неприкосновеннымъ ученіе, въ которое онъ вѣруетъ, какъ въ клирѣ, такъ и во всемъ народѣ, утвердивъ ихъ въ спасительнѣйшей вѣрѣ, и воспротивиться желающимъ попусту созывать новые соборы, и имъ даровать, чтобы живя въ мирѣ, исповѣдуя вѣру, они наслаждались невозмутимою тишиною и порядкомъ [6]).

Сопоставляя стремленія императора на пользу Церкви и дѣйствія многихъ изъ духовенства въ связи съ дѣломъ о епископѣ Тимофеѣ въ Александріи соборъ, собравшійся въ Мірской митрополіи области Ликіи, восклицаетъ: „Какіе мы пастыри, когда въ нашихъ глазахъ наемникъ такъ разогналъ стада? Гдѣ наше состраданіе, когда не по нашей просьбѣ разбирается это дѣло? Какіе мы предстоятели Церкви, когда умалчиваемъ о гнусномъ прелюбодѣяніи? Какой мы примѣръ для вѣрныхъ, когда во времена церковнаго благочестія подвергаются треволненіямъ стражи отеческихъ правилъ? А Высочайшее премудрое миролюбіе охраняетъ все и корабль православныхъ, быть можетъ, былъ бы направленъ въ пропасть, если бы у насъ не было благочестиваго императора, блистающаго вмѣсто порфиры добродѣтелями, употребляющаго оружіемъ противъ враговъ Честный Крестъ“ [7]).

---

[1]) Посланіе епископовъ области Исаврійской къ Льву XXXV.

[2]) Посланіе къ нему же епископовъ приморской Финикіи. XXXIII.

[3]) Посланіе епископовъ Первой Каппадокіи. XLVI.

[4]) Посланіе епископовъ Второй Финикіи. XXXIV.

[5]) Посланіе епископовъ Мессопотаміи. XXXII.

[6]) Посланіе епископовъ области Геллеспонтской къ императору Льву, XLIX и посланіе епископовъ области Пафлагоніи, L.

[7]) Посланіе Собора Мірского къ императору Льву. Ibid. T. IV., стр 257, XL.

Папа Левъ въ лицѣ Константина привѣтствуетъ императорское смиреніе, отложившее на время царское достоинство и пожелавшее сопричислить себя къ обществу іереевъ ради ревности къ Богу. Соборное рѣшеніе и голосъ императорскаго эдикта папа называетъ обоюдуострымъ мечемъ духа, которымъ уничтожено вмѣстѣ съ древними ересями новое заблужденіе и низвергнуты виновники лжи вмѣстѣ съ своимъ богохульствомъ [1])

Подобно этому высказывается и св. папа Григорій II, замѣчая, что когда все совершается мирно и съ любовію, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архіереи въ своихъ совѣщаніяхъ являются одной нераздѣльной силой [2]).

Отцы Трулльскаго Собора свидѣтельствовали передъ императоромъ Юстиніаномъ. что Божественная премудрость поручила ему Свою Церковь и научила его днемъ и ночью заботиться о ея законѣ къ усовершенію и назиданію подручныхъ народовъ [3]).

Еще ранѣе Карфагенскій Помѣстный Соборъ, правила котораго приняты Соборомъ Трулльскимъ, объявилъ, что попеченію государей предстоитъ оградить своею заботливостью воспитавшую ихъ каѳолическую Церковь, чтобы дерзскіе люди, не могущіе совратить народа посредствомъ убѣжденія, не возобладали надъ немощными членами его посредствомъ устрашенія [4]).

Св. папа Григорій II по поводу упоминанія въ письмѣ къ нему Льва Исавра, что онъ императоръ и священникъ, признаетъ справедливость такого выраженія, но только по отношенію къ прежнимъ императорамъ, доказавшимъ это на дѣлѣ, которые, ревнуя о православной вѣрѣ, вмѣстѣ съ архіереями изслѣдовали и отстаивали истину и устрояли Церкви. Вотъ—священники и императоры!—восклицаетъ папа,—они доказали это самымъ дѣломъ. И въ заключеніе своего посланія умоляетъ Льва Исавра быть архіереемъ и императоромъ, какъ онъ самъ писалъ о себѣ [5]).

Патріархъ Константинопольскій Тарасій, предсѣдательствовавшій на VII Вселенскомъ Соборѣ, объявлялъ передъ народомъ императоровъ, пекущихся о всемъ, что угодно Богу и что полезно христіанамъ, хранителями непорочной христіанской вѣры и ревнителями славы Божіей [6]). Въ посланіи же отъ лица VII Вселенскаго Собора императоры Константинъ и Ирина привѣтствуются, какъ истинные питомцы и сподвижники тѣхъ, чье вѣщаніе распространилось по всей вселенной, и какъ руководители всего ихъ носящаго Христово имя народа.

---

1) Списокъ посланія св. папы древняго Рима Льва, къ императору Константину, подтверждающаго дѣйствія VI Вселенскаго Собора, Ibid. Т. VI, стр. 271.

2) Первое посланіе св. папы Григорія къ Льву Исавру. Ibid. Т. VII, отд. I.

3) Привѣтственное слово отцевъ Собора собравшагося въ Константинополѣ въ Императорскомъ дворцѣ Трулліе къ императору Юстиніану. Т. VI, стр. 271.

4) Дѣянія 9, помѣстныхъ Соборовъ, Казань, 1901 г. Карфагенскій Соборъ, правило 93.

5) Второе посланіе св. папы Григорія о святыхъ иконахъ. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ. Т. VII, отд. 2.

6) Апологія Тарасія передъ народомъ. Т. VII, стр 30.

Церквамъ, находившимся въ опасности, императоры, по утвержденію Собора, подали руку помощи, утвердили въ нихъ здравое ученіе и укрѣпили единомыслие между разномыслящими [1]).

Переходя къ вопросу о самомъ участіи императоровъ на Соборахъ, мы видимъ, что императоровъ совершенно нельзя разсматривать, какъ присутствовавшихъ среди какихъ-то молчаливо внимавшихъ мірянъ, въ чемъ хочетъ увѣрить авторъ отвѣтной записки Св. Синоду.

Константинъ Великій, наприм., сознавалъ себя вполнѣ дѣятельнымъ и самостоятельнымъ членомъ Перваго Вселенскаго Собора и по отношенію къ епископамъ считалъ себя, «какъ бы подобнымъ имъ». По свидѣтельству древнихъ историковъ, императоръ по прибытіи на Соборъ въ отвѣтъ на привѣтственную рѣчь отъ лица Собора призывалъ Соборъ къ единомыслію и назвалъ себя сослужителемъ епископовъ «Хотя мой умъ, говорилъ императоръ считаетъ несвойственнымъ себѣ извѣдывать совершеннѣйшую чистоту каѳолической вѣры, однакожъ побуждаетъ меня принять участіе въ вашемъ совѣтѣ о вашихъ разсужденіяхъ [2]). Въ посланіи къ Александрійской Церкви противъ Арія Константинъ прямо заявляетъ, что вмѣстѣ съ созванными имъ въ Никею многими епископами онъ подобно каждому изъ нихъ (ибо считаетъ за особенное утѣшеніе быть ихъ сослужителемъ), принималъ участіе въ изслѣдованіи истины [3]).

И дѣйствительно, императоръ самъ вступалъ, наприм., въ объясненія съ епископомъ Новаціанской секты Акесіемъ [4]). а, по свидѣтельству Окружнаго посланія епископа Кесаріи Палестинской Евсевія, онъ принималъ большое участіе въ обсужденіи предложеннаго Евсевіемъ Собору изложенія исповѣданія вѣры. По выслушаніи изложеніе это не встрѣтило возраженій, а императоръ засвидѣтельствовалъ полную его вѣрность, исповѣдалъ, что онъ самъ также мыслитъ, повелѣлъ всѣмъ принять изложеніе, подписать содержащіеся въ немъ догматы и не отказываться отъ него, присоединивъ лишь слово;—единосущный,—которому самъ же сдѣлалъ приводимое Евсевіемъ толкованіе [5]). По окончаніи же Собора Константинъ подобно епископамъ отправилъ отъ себя посланія къ Александрійской Церкви, ко всѣмъ епископамъ и народамъ, къ епископамъ, не присутствовавшемъ на Соборѣ, въ которыхъ разъясняются постановленія Собора и ихъ значеніе для Церкви [6]).

Второй Вселенскій Соборъ по разсмотрѣніи поднятыхъ вопросовъ и выработкѣ своихъ постановленій просилъ Ѳеодосія Великаго утвердить ихъ, чтобы, прибавлялъ Соборъ, какъ ты почтилъ Церковь своимъ посланіемъ, которымъ созвалъ насъ, такъ ты же своимъ утвержденіемъ положилъ и конецъ нашимъ

---

[1]) Соборное посланіе къ государямъ Константину и матери его Иринѣ. Т. VII, стр. 294.
[2]) Рѣчь императора Константина къ собору. Т. I, ст. VI и VII.
[3]) Ibid, Т. I, ст. XIII.
[4]) Историческія свѣдѣнія о первомъ Вселенскомъ Соборѣ. Т. I.
[5]) Дѣянія Всел. Собора. Т. I, ст. XV.
[6]) Ibid. Т. I, ст. XIII, XIV и XV.

совѣщаніямъ [1]). Императоръ, кромѣ того, съ своей стороны издалъ законъ, по которому всѣ епископы, отступающіе отъ цареградскаго символа лишались своихъ кафедръ и не только не могли быть переводимы на другія мѣста, но должны были быть удаляемы отъ Церквей, городскихъ стѣнъ и сообщества людей. По городамъ возникли волненія и безпорядки. Ѳеодосій усердно желавшій водворить церковный миръ, повелѣлъ всѣмъ епископамъ, какой бы вѣры кто ни держался, снова собраться въ Константинополь. Когда епископы разныхъ направленій спорили и препирались между собой, императоръ приказалъ руководителямъ сектъ каждому изложить содержаніе своей вѣры на бумагѣ. Прочитавъ эти изложенія, Ѳеодосій, по замѣчанію историка, благоговѣйно испрашивалъ себѣ совѣта божественной мудрости для столь труднаго дѣла, а затѣмъ, осудилъ и при всѣхъ разодралъ еретическія записки, а вѣру въ единосущіе подтвердилъ, какъ истинную и православную. Все это тяжело подѣйствовало на еретиковъ. Въ Константинополѣ ясно обнаружились ихъ взаимныя разногласія и они разошлись въ уныніи, порицаемые за разногласія даже ихъ приверженцами [2])

Когда послѣ Ефесскаго Собора продолжались несогласія между Александрійской и Антіохійской церквами, чѣмъ старались пользоваться несторіане, то Ѳеодосій призывалъ къ себѣ Константинопольскаго епископа Максиміана и немало другихъ епископовъ и совѣтовался съ ними, какимъ бы образомъ совершенно уничтожить разногласіе церквей и служителей божественныхъ таинствъ опять привести къ миру и согласію. Мѣры, принятыя императоромъ по совѣщаніи съ епископами, какъ извѣстно, достигли цѣли [3]).

Собравшіеся на IV Вселенскій Соборъ въ Никею по повелѣнію императоровъ Маркіана и Валентиніана епископы считали нужнымъ ожидать прибытія Императоровъ, о чемъ особенно просили императоровъ явившіеся изъ Рима представители папы, указывая, что при отсутствіи государей имъ нельзя прибыть туда. Для удобства участія на Соборѣ императоровъ самый Соборъ былъ перенесенъ въ Халкидонъ [4]). Но императору удалось присутствоаать только на 6 засѣданіи Собора. Соборъ открылся въ Халкидонѣ въ Церкви св.мученицы Евфиміи при слѣдующихъ обстоятельствахъ: Въ срединѣ передъ оградою святѣйшаго алтаря возсѣли «знатнѣйшіе и славнѣйшіе сановники и знаменитѣйшій сенатъ». По лѣвую ихъ сторону помѣстились представители папы, архіепископъ Константинополя Анатолій и друг., а по правую Діоскоръ, архіепископъ Александрійскій и друг. Такимъ образомъ, сановники и сенатъ заняли предсѣдательское мѣсто и на засѣданіяхъ Собора, какъ показываютъ его акты, обыкновенно руко-

---

[1]) Посланіе святаго Собора къ Ѳеодосію Великому, съ приложеніемъ постановленныхъ отцами правилъ. Ibid. Отд. II, ст. II.

[2]) Историческія свѣдѣнія о Второмъ Вселенскомъ Соборѣ. Т. I.

[3]) Посланіе Кирилла Александрійскаго къ Акакію, епископу Мелитены. Дѣянія Всел. Соб. Т. II, стр. 152.

[4]) Списокъ посланія императрицы Пульхеріи къ военоначальнику Виѳиніи. Списокъ со второго Высочайшаго посланія къ святому Собору. Ibid. Т. III. Отд. I.

водили совѣщаніями [1]). Къ характеристикѣ отношеній ихъ къ дѣламъ, разсматривавшимся на Соборѣ, можетъ служить ими самими высказанное на XIV засѣданіи Собора положеніе: «что нами присуждено, а святымъ Соборомъ опредѣлено, да пребываетъ неизмѣннымъ» [2]). Слова эти ясно показываютъ, что для окончательнаго рѣшенія дѣлъ необходимо было въ этомъ согласное взаимодѣйствіе сановниковъ и сената съ одной стороны и духовенства съ другой. Заключеніе это вполнѣ подтверждается и донесеніемъ Халкидонскаго Собора императорамъ Маркіану и Валентиніану по дѣлу объ Александрійскомъ епископѣ Діоскорѣ. Сообщая объ осужденіи и отлученіи Діоскора, Соборъ проситъ императоровъ съ своей стороны разсмотрѣть это дѣло и чистоту справедливаго приговора, произнесеннаго Соборомъ, какъ бы передъ лицемъ Божіимъ въ увѣренности, что императоры согласятся съ соборомъ [3]) Въ донесеніи же объ этомъ дѣлѣ императрицѣ Пульхеріи, Соборъ замѣчаетъ: «Предположивши, что было намъ угодно, мы представляемъ Вашей власти, чтобы она осудила Діоскора за его заблужденія, а нашъ приговоръ одобрила, ибо, заботясь о всемъ тѣлѣ, мы отсѣкли гнилой членъ [4]). Всѣ постановленія Халкидонскаго Собора были утверждены Высочайшимъ указомъ императора Маркіана [5]).

Константинъ Погонатъ, рѣшивъ созвать VI Вселенскій Соборъ, писалъ въ Римъ папѣ, чтобы онъ прислалъ на Соборъ своихъ представителей, и въ этомъ письмѣ, по свидѣтельству св папы Григорія, между прочимъ высказалъ о своемъ отношеніи къ Собору слѣдующее: «Я буду засѣдать съ ними (епископами) не какъ императоръ и буду говорить не какъ государь, но какъ одинъ изъ нихъ. «Мы будемъ слѣдить за постановленіями архіереевъ и принимать мнѣнія тѣхъ, которые говорятъ хорошо“ [6]). Соборъ состоялся подъ предсѣдательствомъ Константина, который руководилъ совѣщаніями и вступалъ въ разъясненія вопросовъ [7]), давалъ оцѣнку посланію папы Агафона на имя Собора, содержащему изложеніе и православной вѣры [8]). Изъ 18 засѣданій императоръ присутствовалъ на 12 вмѣстѣ со многими сановниками, а на 6 предсѣдательствовали сановники. Подъ опредѣленіемъ Собора значится: Константинъ во Христѣ, Богѣ императоръ и самодержецъ римскій, читали и согласились. На послѣднемъ засѣданіи Собора императоръ высказалъ: «Бога въ свидѣтели призываю передъ

---

[1]) Наприм., см. Дѣяніе Второе Халкидонскаго Собора. Т. III, стр. 228, Дѣяніе Четвертое. Т. IV, стр 29 и друг.

[2]) Дѣяніе XIII. Т. IV, стр. 145.

[3]) Посланіе Халкидонскаго Собора къ императорамъ Валентиніану и Маркіану. Т. III, стр. 298.

[4]) Ibid., стр. 299.

[5]) Указъ Маркіана, изданный въ Константинополѣ послѣ Халкидонскаго Собора. Т. IV, отд. 3.

[6]) Первое посланіе св. папы Григорія къ Льву Исавру, т. VII. Отд. 1

[7]) Посланіе Льва къ императору Константину, т. VI, стр. 273, наприм. Дѣяніе II, Дѣяніе VIII и друг. т. VI.

[8]) Грамота императора Константина папѣ Льву, т VI, стр 266.

вашимъ святымъ и Вселенскимъ Соборомъ, что безъ всякой пріязни или непріязни мое первое желаніе и забота состоятъ въ томъ, чтобы наша христіанская непорочная вѣра была безукоризненна и чтобы мы сохраняли ее съ постоянствомъ во имя Бога по ученію и преданію, переданному намъ черезъ Евангеліе, св. апостоловъ и чрезъ изложенія пяти святыхъ Вселенскихъ Соборовъ и св. славныхъ отцовъ" [1]).

По окончаніи всего Соборъ просилъ императора утвердить его опредѣленія и, кромѣ того, «для большаго обезпеченія и утвержденія православной вѣры» выдать пяти патріаршимъ престоламъ списки съ прочитаннаго въ присутствіи государя опредѣленія за подписью членовъ Собора и самого императора [2]). По поводу опредѣленій VI Вселенскаго Собора послѣдовалъ Императорскій эдиктъ. разъясняющій, какого вѣроученія слѣдуетъ держаться [3]).

Императоръ Юстиніанъ, какъ видно изъ самого содержанія 3 правила, предлагалъ Трулльскому Собору выработать мѣры, касающіяся чисто духовныхъ дѣлъ, именно, чтобы «числящихся въ клирѣ и преподающихъ другимъ божественное сдѣлать чистыми и непорочными служителями и достойными мысленной жертвы великаго Бога»... По окончаніи же Трулльскаго Собора отцы его обратились къ императору Юстиніану, созвавшему и самый Соборъ, съ ходатайствомъ утвердить его постановленія, при чемъ государь киноварью начерталъ: «Флавій Юстиніанъ, вѣрный во Христѣ Іисусѣ Богѣ, императоръ римлянъ, согласившись со всѣмъ, что опредѣлено, и оставаясь вѣрнымъ, подписалъ» [4]).

По вопросу о созваніи VII Вселенскаго Собора императоры Константинъ и Ирина въ своей грамотѣ къ папѣ Адріану указывали, что они съ чистымъ сердцемъ и истиннымъ благоговѣніемъ вмѣстѣ со всѣми подданными и съ ученѣйшими священниками неизмѣнно рѣшили и обдуманно опредѣлили созвать Вселенскій Соборъ [5]). На засѣданіяхъ Собора присутствовали также нѣкоторые сановники, а сами императоры участвовали лично только на послѣднемъ VIII засѣданіи, на которомъ, по прочтеніи опредѣленій Собора и по заявленіи Собора объ одобреніи ихъ всѣми, патріархъ поднесъ опредѣленія императорамъ и вмѣстѣ со всѣмъ Соборомъ просилъ запечатлѣть и утвердить своими подписями, что и было сдѣлано. Это послѣднее засѣданіе происходило въ Константинополѣ во дворцѣ Магнавра, который былъ полонъ народа. Когда народу были прочитаны нѣкоторые матеріалы изъ дѣяній Собора, то всѣ, какъ сказано въ заключеніи Дѣянія VIII, умилились сердцемъ и почувствовали влеченіе къ истинѣ. Епископы вмѣстѣ съ народомъ стали произносить приличныя благословенія и всѣ славословили Бога [6]).

---

[1]) Дѣяніе XVIII, т. VI, стр. 240.

[2]) Дѣянія Всел. Соб., т. VI, Подписи Собора, стр. 252.

[3]) Дѣянія Всел. Соб., т. VI, стр. 268.

[4]) Ibid. Подписи, стр. 312.

[5]) Дѣянія Всел. Соб., т. VII, Высочайшая грамота, отправленная Адріану, папѣ древняго Рима, стр. 29

[6]) Ibid Дѣяніе VIII, стр. 301—302.

Такимъ образомъ, исторія Вселенскихъ Соборовъ не допускаетъ возможности согласиться съ утверждаемымъ въ Запискѣ св. Синоду положеніемъ, что императоры по отношенію къ Соборамъ должны быть поставлены среди молчаливо внимавшихъ мірянъ.

Если за возможность приглашенія на соборы мірянъ съ правомъ голоса, а не въ качествѣ декораціи молчаливо внимающихъ людей, говоритъ дѣятельное участіе на прежнихъ соборахъ монаховъ безъ всякихъ степеней священства, то эта возможность, переходящая уже въ необходимость, становится еще болѣе ясной въ виду указанной роли императоровъ.

Безъ сомнѣнія, и званіе императора не сообщаетъ никакихъ особыхъ даровъ св. Духа собственно для Церкви. Императоры по своему положенію въ Церкви должны быть разсматриваемы какъ міряне, къ чему склоняется и убѣжденіе автора Записки. Въ дѣлахъ церковныхъ императоръ являлся просто въ качествѣ живого члена Православной Церкви, способнаго уже по одному своему положенію, приносить ей большую пользу и, какъ глава христіанскаго народа, т.-е. всѣхъ мірянъ, выражающій ихъ общее сознаніе и потребности. Кромѣ того, участіе императоровъ на соборахъ обезпечивало принятіе народомъ соборныхъ постановленій и проведеніе ихъ въ жизнь. На соборахъ императоръ присутствовалъ какъ бы за всѣхъ мірянъ. Все это при тогдашнихъ условіяхъ жизни во многомъ и достигалось.

Мысль, что православнаго императора нужно разсматривать, какъ главу христіанскаго народа, высказывается и нѣкоторыми іерархами, того времени, наприм., св. папой Григоріемъ II, [1]) и подтверждается, наприм., соображеніями императоровъ Ѳеодосія и Валентиніана, которые говорятъ, что они назначены быть средоточіемъ благочестія и благополучія подданныхъ [2]). Примѣромъ же взглядовъ іерарховъ на участіе императора въ дѣлахъ Церкви можетъ служить св. папа Левъ, который по поводу VI Вселенскаго Собора между прочимъ замѣчаетъ, что императоръ дѣйствовалъ во всемъ этомъ, отложивши на время царское достоинство и причисливъ себя къ обществу іереевъ ради ревности къ Богу [3]). Это замѣчаніе папы находится въ полномъ согласіи съ самосознаніемъ Константина Погоната, который, какъ мы видѣли, писалъ папѣ, что онъ будетъ засѣдать на соборѣ не какъ императоръ и будетъ говорить не какъ государь, но какъ одинъ изъ нихъ, т.-е. изъ членовъ епископовъ [4]). Такимъ образомъ, по отношенію къ дѣламъ государственнымъ и церковнымъ самосознаніе императоровъ дѣйствительно было различно. Если же Константинъ Великій, кромѣ того, называлъ себя сослужителемъ епископовъ или какъ бы подобнымъ имъ, а папа Григорій II употреблялъ по отношенію къ императорамъ названіе священ-

---

[1]) Первое посланіе св. папы Григорія ко Льву Исаврянину. Дѣян. Всел Соб., т. VII, отд. 1.

[2]) Высочайшая грамота посланная въ Александрію къ епископу Кириллу, т. I, № XXVIII.

[3]) Списокъ посланія св. папы Льва къ императору Константину. Ibid, т. VI, стр. 271.

[4]) Первое посланіе св. папы Григорія къ Льву Исаврянину, т. VII.

никъ, то, конечно, это нужно понимать не какъ признаніе въ императорахъ какихъ-либо особыхъ даровъ для Церкви, а въ смыслѣ столь же ревностнаго посвященія себя на служеніе ея интересамъ, какое всегда должно быть у епископовъ. Вѣдь и самъ Григорій II, примѣняя къ императорамъ названіе священникъ поясняетъ, что императоры эти царствовали благочестиво: они вмѣстѣ съ архіереями, единодушно и единомысленно съ ними собирали соборы, изслѣдовали истину догматовъ, устрояли и украшали святыя церкви. Очевидно, въ такомъ смыслѣ сослужителями епископовъ могутъ быть названы и многіе другіе, какъ наприм., св. Іустинъ философъ, который, не имѣя священнаго сана, однако дѣйствовалъ на пользу христіанства съ необычайною ревностью и успѣхомъ. Допущеніе подобнаго названія вполнѣ можетъ быть оправдываемо и съ точки зрѣнія апостольской идеи христіанской Церкви. Вѣдь, если Церковь есть тѣло Христово, а принадлежащіе къ ней люди—его живые органы, при чемъ епископы—его глаза, то вѣдь каждый другой органъ, насколько онъ дѣйствуетъ въ интересахъ цѣлаго, можетъ быть до извѣстной степени названъ сослужителемъ глаза. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что сами іерархи того времени, на опытѣ испытавшіе и хорошо понимавшіе значеніе живого участія свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ и не зараженные клерикальнымъ духомъ, охотно и искренно признавали своими сослужителями мірянъ, оказывавшихъ большія услуги Церкви

Недопущеніе клира и мірянъ на ожидаемый Помѣстный Соборъ Русской Церкви епископъ Волынскій старается затѣмъ обосновать указаніемъ на 5 правило I Вселенскаго Собора, 19 правило IV, 8 пр. VI и 6 прав. VII Вселенскихъ Соборовъ и, кромѣ того, на 37 прав. Апост., 20 пр. Антіохійскаго, 87 пр. Карѳагенскаго и 40 пр. Лаодикійскаго помѣстныхъ Соборовъ. Между тѣмъ въ 5 правилѣ Никейскаго Собора, послужившемъ основаніемъ для 19 пр. IV 8 пр. VI и 6 прав. VII Всел. Соб. 20 пр. Антіох. Соб. идетъ рѣчь лишь о соборахъ окружныхъ для разрѣшенія текущихъ дѣлъ и преимущественно для обсужденія дѣйствій епископовъ, жалобъ на нихъ и производства между ними суда, для чего, конечно, необходимо было прежде всего собраніе епископовъ. Возможно, что въ виду этого объ этихъ соборахъ и говорится какъ о собраніи епископовъ, тѣмъ болѣе, что, какъ скажемъ нѣсколько ниже, такое словоупотребленіе было въ то время распространеннымъ. Но даже, если бы на эти окружные соборы призывались и одни епископы, то этимъ нисколько не разрѣшается вопросъ о соборахъ чрезвычайныхъ для обсужденія дѣлъ, касающихся всей Церкви, какъ наприм., вопроса о вѣроученіи, измѣненіи всего существующаго строя и друг. Вѣдь если бы 5 правило I Всел Соб. устанавливало составъ всѣхъ соборовъ изъ однихъ епископовъ, то, какимъ же образомъ на Константинопольскомъ Соборѣ, гдѣ разбиралось впервые ученіе Евтихія, участвовали бы монахи безъ епископскаго сана и сановникъ Флоренцій, игравшій вполнѣ самостоятельную роль? Или еще непонятнѣе, какимъ образомъ самъ VII Вселенскій Соборъ, составляя правило 6, которымъ, по мнѣнію епископа Волын-

скаго, соборъ желалъ ограничить навсегда составъ собора одними архіереями, могъ одновременно заключать именно въ своемъ составѣ, кромѣ епископовъ, еще монаховъ даже безъ всякихъ священныхъ степеней. Наконецъ, какимъ образомъ императоры, а иногда ихъ сановники, могли бы принимать все время самое дѣятельное участіе на соборахъ, которое вполнѣ признавали и о которомъ даже просили сами іерархи? Очевидно, указанныя выше правила не могутъ служить основаніемъ по вопросу о составѣ чрезвычайнаго Собора.

Что же касается ссылки на 87 правило Кароагенскаго и 40 прав. Лаодикійскаго Соборовъ, то первое лишь подтверждаетъ, что окружные соборы предназначались для суда между епископами, а второе только воспрещаетъ епископамъ небрежно относиться къ приглашеніямъ ихъ на соборы, но ни изъ того, ни изъ другого правила совершенно нельзя выводить необходимость ограничивать составъ всѣхъ соборовъ Православной Церкви одними епископами.

Вообще при изученіи древнихъ правилъ и самыхъ задачъ соборовъ, особенно Вселенскихъ, становится яснымъ, что если бы соборы дѣйствительно считали несогласнымъ съ церковнымъ самосознаніемъ и интересами Церкви допущеніе на соборы, кромѣ епископовъ, другихъ членовъ Церкви и находили бы нужнымъ навсегда при разрѣшеніи всякихъ вопросовъ ограничить составъ соборовъ Православной Церкви одними епископами, то объ этомъ они навѣрное такъ и сказали бы вполнѣ опредѣленно. А подобное постановленіе было тѣмъ необходимѣе, что церковная исторія первыхъ трехъ вѣковъ свидѣтельствуетъ объ участіи на соборахъ также клира и народа, да и составъ самихъ Вселенскихъ Соборовъ вовсе не выражался въ присутствіи однихъ епископовъ.

Еще менѣе основаній къ заключенію о составѣ Соборовъ изъ однихъ епископовъ можетъ дать ссылка автора Записки на то, что VI Вселенскій Соборъ при перечисленіи въ 1 и 2 правилахъ прежнихъ соборовъ опредѣляетъ ихъ числомъ собравшихся епископовъ. Въ правилахъ этихъ, какъ показываетъ ихъ содержаніе, идетъ рѣчь вовсе не о самыхъ Соборахъ или о ихъ составѣ, а лишь о вѣрѣ или ученіи или правилахъ, на нихъ изложенныхъ, при чемъ для различенія всего этого указывается мѣсто Собора и число епископовъ, участвовавшихъ на Соборахъ. Епископы въ глазахъ того времени, кромѣ присутствія въ нихъ благодати священства по преемству отъ апостоловъ, являлись обыкновенно и сосредоточіемъ церковнаго сознанія своей паствы, лучшими свидѣтелями вѣры своихъ церквей и первыми членами на Соборахъ, наиболѣе способными разрѣшать церковныя дѣла согласно тогдашнимъ потребностямъ и запросамъ, а потому было естественно, что для отличія разныхъ опредѣленій вѣроученія ихъ могли обозначать и числомъ епископовъ, но съ указаніемъ названія Собора и по мѣсту его созыва. Что упоминаніе при обозначеніи Собора о числѣ участвовавшихъ епископовъ нисколько не рѣшаетъ вопроса о его составѣ, но должно быть разсматриваемо лишь какъ обычное словоупотребленіе того времени, показываютъ, наприм., письма св. Кипріана Карѳагенскаго. Св. Кипріанъ, какъ мы видѣли, считалъ необходимымъ участіе на Соборахъ клира и народа и они дѣй-

ствительно тамъ присутствовали. Между тѣмъ Кипріанъ при упоминаніи о Соборахъ называетъ ихъ Соборами епископовъ [1]). Можетъ-быть, это допускалось просто для сокращенія и было всѣмъ понятно, потому что епископы, какъ выражается самъ Кипріанъ, предсѣдательствуютъ въ Церкви [2]). Во всякомъ же случаѣ такое словоупотребленіе для Кипріана, а затѣмъ и вообще для людей II, III и даже ближайшихъ къ нимъ вѣковъ, не могло свидѣтельствовать о составѣ Соборовъ изъ однихъ епископовъ.

Толкуя каноны въ желательномъ для себя направленіи, епископъ Волынскій считаетъ ихъ, повидимому, входящими въ самую основу православной вѣры. Возстающій, наприм., противъ каноновъ, по его мнѣнію, слѣдовательно, возстаетъ и противъ православія. Въ этомъ отношеніи авторъ Записки готовъ, повидимому, поддерживать замѣчаніе Кормчей, что каноническія правила почитаются въ Церкви не менѣе Евангелія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ напоминаетъ, что всѣ епископы при посвященіи, согласно 2 правилу VII Вселенскаго Собора, дали клятву соблюдать ихъ нерушимо. А если это такъ, если исполненіе всѣхъ каноновъ касается сущности православія и составляетъ для него неизбѣжную необходимость, то вѣдь съ этой точки зрѣнія такъ и напрашивается невѣроятное заключеніе, что русскіе епископы уже давно измѣнили православію, а особенно за послѣдніе 200 лѣтъ, которые большинство изъ самихъ же епископовъ характеризуетъ отсутствіемъ каноническихъ порядковъ и нарушеніемъ каноническихъ правилъ, и дѣйствительно, подобное заключеніе уже сдѣлано въ самой Россіи—старообрядцами. По ихъ убѣжденію, Русская Церковь и ея духовенство по причинѣ несоблюденія очень многихъ каноническихъ правилъ и измѣненія обрядовъ уклонилась отъ истиннаго православія и за послѣднее время для распространенія такого взгляда они находятъ поддержку въ заявленіяхъ многихъ изъ духовенства во главѣ съ нѣкоторыми епископами, которые крайне односторонне принялись осуждать существующій церковный строй и на него сваливать вину за все. Такимъ образомъ въ настоящее время для Русской Церкви создалось положеніе вдвойнѣ тяжелое, какъ отъ вкравшихся въ ея жизнь недостатковъ, такъ и отъ присутствія старообрядчества, и помочь отыскать для нее лучшій выходъ изъ этого положенія едва ли могутъ такія убѣжденія, что каноны одинаковы съ Евангеліемъ и всѣ касаются сущности православія, изъ которыхъ выводъ уже передъ глазами всѣхъ—въ лицѣ русскаго старообрядчества.

Не согласнѣе ли съ разъясненной апостоломъ идеей Христіанской Церкви и голосомъ самой Вселенской Церкви проводить разницу между предметами евангельскими и каноническими, какъ это и дѣлаетъ самъ VII Вселенскій Соборъ [3]) и какъ выражалъ это императоръ Константинъ Погонатъ въ своей грамотѣ папѣ

---

[1]) Наприм., Письма 55, 59, 60 и друг.

[2]) О единствѣ Церкви. Творенія св. Кипріана Карѳагенскаго, ч. 2. Кіевъ, 1891 года.

[3]) Правило 6. Дѣянія Вселенск. Собор. Т. VII, стр. 305.

древняго Рима Льву [1]). Каноны, касающіеся порядковъ церковной жизни и представляющіе изъ себя дисциплинарныя нормы въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, должны быть поставлены особо отъ предметовъ евангельскихъ или догматическихъ, да и между самими канонами въ зависимости отъ отношенія ихъ къ существу церковной жизни нужно дѣлать различіе по степени ихъ важности и обязательности при всѣхъ возможныхъ условіяхъ церковной жизни.

Кто не почувствуетъ, наприм., разницы между опредѣленіями Соборовъ символа вѣры, единосущія Христа Богу Отцу, Божества св. Духа, разъясняющими существо православнаго ученія, и такими опредѣленіями, какъ воспрещеніе клирикамъ и мірянамъ играть въ азартныя игры [2]), устраивать, такъ называемыя, мимическія представленія и ихъ зрѣлища, а также зрѣлища звѣриной травли и пляски на сценѣ [3]), принимать отъ іудеевъ лѣкарства или мыться вмѣстѣ съ ними въ банѣ [4]), а духовенству, кромѣ того, содержать корчемницы [5]), отдавать деньги въ ростъ [6]), совершать посвященіе за деньги [7]), одѣваться въ роскошныя одежды [8]) и т. д. Послѣдняго рода правила даже странно и сопоставлять съ первыми. Вообще большинство каноническихъ правилъ, какъ показываетъ самое ихъ содержаніе создавались, такъ сказать, отрицательнымъ путемъ или въ виду замѣченныхъ безпорядковъ въ церковной жизни и необходимости ихъ уничтоженія или подъ вліяніемъ чисто мѣстныхъ и временныхъ причинъ [9]), а вовсе не какъ начертаніе какихъ-либо основныхъ нормъ церковной жизни вытекающихъ изъ самаго существа Церкви и необходимыхъ для всѣхъ временъ и народовъ.

Еще болѣе всѣ эти замѣчанія могутъ быть приложимы къ правиламъ девяти помѣстныхъ Соборовъ, которые, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, должны были постановлять свои правила подъ большимъ вліяніемъ, чисто мѣстныхъ условій церковной жизни [10]). Кромѣ того, и самыя правила помѣстныхъ Соборовъ, наприм., толкователь ихъ XII вѣка Зонара, ставитъ послѣ пра-

---

[1]) Списокъ грамоты императора Константина къ папѣ Льву. Ibid. T. VI, стр. 267.

[2]) Дѣянія Вселен. Соб. Т. VI. Трулльскій Соборъ 50 правило.

[3]) Ibid. 51 прав.

[4]) 11 прав.

[5]) 9 прав.

[6]) 10 прав.

[7]) Ibid. T. VIII. Седьмой Вселенскій Соборъ 5 и 6 правила.

[8]) Ibid. 16 правило.

[9]) Напримѣръ, 15 и 17 прав. I Вселен. Соб., 4 прав. II Вселен. Соб.; 2, 3, 4 и 5 правила. III Вселен. Ефесскаго Собора; 11, 22, 25, 27 и 30 правила. IV Вселен. Халкидонскаго Собора; 17, 18, 68 и 99 правила Трулльскаго Собора; 9 правило. VII Вселен. Соб. и друг.

[10]) Наприм., большинство правилъ Анкирскаго Собора; 27, 28, 39 прав. Лаодикійскаго Собора; 5, 7, 16, 20 прав. Сардикійскаго Собора; 57, 58, 60, 62, 63, 64, 73, 78, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 92, 93, 94, 97, 106, 117, 118, 119, 124, 125 прав. Карѳагенскаго Собора и друг. Дѣянія 9 помѣстныхъ Соборовъ, издаваемыя при Казанской Дух. Академіи. Казань, 1901 года.

вилъ Соборовъ Вселенскихъ, чему слѣдуетъ и принятый у насъ сборникъ правилъ.

О причинахъ составленія нѣкоторыхъ правилъ Вселенскихъ Соборовъ можно встрѣтить въ нихъ, наприм., такія указанія, что Соборъ постановилъ правило не за что иное, какъ за мелкій образъ мыслей и странность и неустойчивость нравовъ священниковъ [1]).

Кромѣ того, сами Соборы находили нужнымъ измѣнять прежнія правила, исходящія даже отъ самихъ апостоловъ, и при томъ въ зависимости отъ новыхъ условій жизни. Извѣстно, что апостолъ предписываетъ (1. Тим. V, 9) избирать вдовицу къ Церкви 60 лѣтъ, а позднѣйшія правила постановили рукополагать діакониссу 40 лѣтъ [2]), потому что, какъ объясняетъ самъ Трулльскій Соборъ, «усмотрѣли, что Церковь по благодати Божіей стала крѣпче и идетъ впередъ и вѣрные тверды и благонадежны въ соблюденіи божественныхъ заповѣдей» [3]). Подобно этому поступалъ и Трулльскій Соборъ До свѣдѣнія его, наприм., дошло, что въ Африкѣ, Ливіи и другихъ мѣстахъ епископы тамошнихъ церквей и послѣ совершенія надъ ними хиротоніи не отказываются жить съ своими женами, въ чемъ Соборъ усмотрѣлъ «претыканіе и соблазнъ народамъ» и пожелалъ воспретить это. Но какъ быть съ яснымъ указаніемъ апостола, что епископъ долженъ быть одной жены мужъ, хорошо управляющій домомъ своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностью (1. Тим. III, 2 и 4)! И вотъ Трулльскій Соборъ разсуждаетъ такъ: «имѣя великое попеченіе о томъ, чтобы все устроять къ пользѣ порученныхъ паствъ мы постановили, чтобы отнынѣ отнюдь не было ничего такого. Говоримъ это не въ смыслѣ непризнанія или извращенія того, что узаконено прежде апостолами, но прилагая попеченіе о спасеніи и преуспѣяніи народовъ къ лучшему и о томъ, чтобы не дать мѣста какому-нибудь нареканію на священное состояніе» [4]). Такимъ образомъ, существующіе недостатки священниковъ, измѣненіе положенія Церкви, то или иное отношеніе народа къ божественнымъ заповѣдямъ, обстоятельства возбуждавшія претыканіе и соблазнъ для тогдашняго народа и т. п.—вотъ что руководило иногда составителями дисциплинарныхъ каноническихъ правилъ. А подобныя причины, конечно, не относятся къ постояннымъ, долженствующимъ дѣйствовать въ церковной жизни во всѣ времена, а уже по одному этому вызванныя ими церковныя правила не могутъ не носить на себѣ печать мѣста и времени и представлять изъ себя какое-то непогрѣшимое и неизбѣжное мѣрило для всей послѣдующей церковной жизни. Вѣдь Церковь предназначена къ распространенію во всемъ мірѣ, она должна продолжаться во всѣ времена и охватить собой всѣ народы при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни. Поэтому со-

---

[1]) Правило 30 Трулльскаго Собора

[2]) Здѣсь Трулльскій Соборъ имѣетъ въ виду, вѣроятно, 15 правило IV Вселенскаго Халкидонскаго Собора.

[3]) Трул. Собора правило 40.

[4]) Того же Собора правило 12.

вершенно не понятно, какимъ образомъ этотъ постоянно движущійся и расширяющійся процесъ духовно-нравственной жизни должно непремѣнно разсматривать лишь съ точки зрѣнія положенія дѣлъ бывшаго въ Византіи и стремиться, чтобы онъ, такъ сказать, окаменѣлъ въ формахъ и правилахъ, которыми и сами составители вовсе не имѣли въ виду создать какія-либо общія и неизбѣжныя нормы для церковной жизни всѣхъ временъ и народовъ.

Вѣдь несомнѣнно, что жизнь Православной Церкви уже давно обнаружила много новыхъ особенностей и потребностей сравнительно съ тѣмъ, какъ было во времена Византіи. Нормировать ее всю непремѣнно по древнимъ правиламъ прямо не возможно, да и самыхъ прежнихъ правилъ не хватило бы для этого, и въ дѣйствительности въ зависимости отъ вліянія окружающихъ условій въ Церкви появлялась много новыхъ порядковъ и правилъ, которые или вовсе не предусмотрѣны прежними соборами или далеко не всегда согласны съ древними постановленіями, но тѣмъ не менѣе необходимыя по обстоятельствамъ времени. По разсматриваемому здѣсь вопросу нельзя не привести указаній серьезнаго изслѣдователя въ области науки церковнаго права профессора московскаго университета Н. С. Суворова. По его разъясненію, дисциплинарныя нормы, относящіяся къ порядку церковнаго управленія, какъ сообразующіяся съ конкретными отношеніями мѣста и времени, не могутъ быть устанавливаемы на вѣчныя времена, не могутъ претендовать ни на непогрѣшимость, ни на неизмѣнность. Какъ всякое законодательство, направляющееся къ устроенію юридическаго порядка, дисциплинарное церковное законодательство должно двигаться впередъ, вмѣстѣ съ движеніемъ церковной жизни, и соотвѣтствовать ея потребностямъ. Необходимость этого соотвѣтствія служитъ наилучшимъ доказательствомъ необходимости постоянной церковной власти, которая бы принимала во вниманіе возникающія потребности жизни, и нормировала юридическій порядокъ примѣнительно къ нимъ, устанавливала бы новыя нормы, взамѣнъ устарѣвшихъ, и новые способы къ проведенію и охраненію этихъ нормъ, наконецъ, допускала бы непримѣненіе ихъ къ отдѣльнымъ лицамъ и случаямъ. А такъ какъ потребности и условія жизни въ разныхъ странахъ и государствахъ отличаются величайшимъ разнообразіемъ, то въ наше время трудно было бы представить себѣ такое всецерковное законодательство, которое (предполагая, что могъ бы составиться Вселенскій Соборъ) приложимо было бы ко всѣмъ странамъ и народамъ. Единство могло бы быть поддержано лишь въ общихъ принципахъ церковнаго порядка, законодательное же регулированіе всѣхъ деталей юридическаго порядка всегда оставалось бы дѣломъ отдѣльной страны или церкви“ [1]).

Кромѣ того, всѣмъ увѣряющимъ въ необходимости устраивать всю современную церковную жизнь непремѣнно по древнимъ дисциплинарнымъ правиламъ нужно помнить, что они далеко невсегда могутъ вполнѣ гарантировать самое пониманіе правилъ согласно съ тѣмъ, какъ имѣли въ виду ихъ составители.

---

[1]) Учебникъ церковнаго права. Москва. 1902 года, § 85. Отд. II, стр. 270.

Извѣстно, что примѣненіе каноновъ къ церковной жизни еще въ древности стало встрѣчать затрудненіе. Каноны образовывались въ разное время, на протяженіи цѣлыхъ столѣтій и въ разныхъ мѣстахъ не только Востока, но и Запада. Поэтому на нихъ, естественно, должны были отразиться особенности языка, различіе терминологіи и мѣстныхъ понятій и взглядовъ. Для другихъ странъ и временъ содержаніе правилъ оказывалось не всегда яснымъ и даже понятнымъ. Подъ вліяніемъ всего этого еще въ древности обнаружилась необходимость ихъ толкованій. Появились, такъ называемыя, схоліи или глоссы. Изъ схолій нѣкоторыя въ свою очередь, будучи сначала пояснительными примѣчаніями, съ теченіемъ времени, какъ это бывало нерѣдко и въ другихъ случаяхъ, вносились въ самый текстъ правилъ, сливались съ нимъ и впослѣдствіи сами принимались за правила [1]). Такой процессъ иногда шелъ еще дальше. Если данное правило понималось неодинаково, то позднѣйшія схоліи принимали характеръ критическихъ замѣчаній на предыдущія. Это были уже схоліи на схоліи. По утвержденію покойнаго проф. А. С. Павлова, схоліи, взятыя въ своей совокупности, представляютъ почти сплошной коментарій на весь составъ канонической кодекса Восточной Церкви [2]). Интересно обратить вниманіе на самую задачу этихъ схолій. Оказывается, одни изъ нихъ кратко излагаютъ правило или его часть, другія же подробно выясняютъ смыслъ правила и высказываютъ взглядъ, какъ должно понимать правило, или объясняютъ значеніе употребленныхъ въ текстѣ правила отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій, третьи указываютъ мотивы, которыми могли руководствоваться отцы Церкви при изданіи нѣкоторыхъ правилъ, и обстоятельства, вызвавшія появленіе того или другаго правила, иныя разрѣшаютъ вопросы, могущіе возникнуть при примѣненіи правила на практикѣ, и указываютъ случаи, которые хотя и не предусмотрѣны правиломъ, не подлежатъ его дѣйствію, а также и такіе случаи, къ которымъ правило примѣнимо быть не можетъ. Схоліи при объясненіи указываютъ другія правила, говорящія о томъ же, отмѣчаютъ правила, потерявшія силу, и въ случаѣ противорѣчія одного правила другому отмѣчаютъ это противорѣчіе, въ подтвержденіе правила ссылаются иногда на св. Писаніе. При толкованіи правилъ о правахъ и преимуществахъ Константинопольскаго патріарха и римскаго папы въ схоліяхъ обнаруживается ревностная защита правъ перваго и осужденіе иногда въ суровой формѣ притязаній послѣдняго, а также вообще обычаевъ Римской Церкви [3]). Вотъ какія задачи преслѣдовали схоліи по отношенію къ канонамъ. Изъ нихъ достаточно усматривается, что пользоваться, такъ сказать, чистыми древними правилами уже давно сдѣлалось трудно и разъяснять ихъ себѣ приходилось при помощи такихъ средствъ, какъ схоліи, на которыхъ въ

---

[1]) Курсъ церковнаго права А. С. Павлова. 1902 г., § 27, изданный подъ наблюденіемъ И. М. Громогласова.

[2]) Ibid., § 27, стр. 80.

[3]) М. Красноженъ. Толкователи каноническаго кодекса Восточной Церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва, 1892 г., глава I.

той или другой степени, конечно, не могли не отражаться личныя взгляды и особенности толкователя. И кто же могъ поручиться при всемъ этомъ за безусловную справедливость толкованія каноническаго правила. По крайней мѣрѣ послѣдующіе извѣстные толкователи этихъ правилъ, какъ наприм., Зонара и Вальсамонъ, невсегда согласны съ древними схоліями.

Сборникъ каноновъ съ правилами, признанными на Трулльскомъ Соборѣ и изданными впослѣдствіи, дошелъ до насъ въ видѣ, такъ называемаго, Номоканона въ XIV титуловъ съ принадлежащей къ нему синтагмой или сводомъ каноновъ въ редакціи 833 года, приписываемой нѣкоторыми патріарху Фотію Номоканонъ въ XIV титуловъ представляетъ изъ себя смѣшанный сборникъ церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ по дѣламъ Церкви преимущественно Императора Юстиніана, а также и его преемниковъ. Номоканонъ этотъ принятъ на всемъ Востокѣ и составляетъ основной канонический сборникъ Православной Церкви [1]). И вотъ оказывается, что помѣщенныя въ немъ древнія правила во многихъ случаяхъ въ своемъ подлинномъ греческомъ текстѣ были мало понятны даже для самихъ грековъ XII вѣка. Зонара, наприм., прямо замѣчаетъ, что глубина смысла церковныхъ правилъ недоступна для общаго разумѣнія. Во всякомъ же случаѣ примѣненіе ихъ къ церковной практикѣ требовало уже особеннаго искусства или такъ называемой юридической техники. Кромѣ того, въ самомъ содержаніи правилъ составлявшихся въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, встрѣчались мнимыя или дѣйствительныя противорѣчія, какъ между собой, такъ и съ нѣкоторыми гражданскими узаконеніями. По поводу послѣдняго рода противорѣчій Императоръ Левъ Философъ указалъ, что предпочтеніе между гражданскимъ и церковнымъ узаконеніемъ должно быть отдаваемо тому изъ нихъ, которое полезнѣе. Но, конечно, подобный пріемъ едва ли могъ достигать цѣли и доставить возможность яснаго и вѣрнаго примѣненія того или другого закона. Все это побудило Императора Алексѣя Комнина издать въ 1107 году на имя Константинопольскаго патріарха Николая Грамматика и его синода новеллу, въ которой выражается жалоба на забвеніе и несоблюденіе древнихъ каноновъ и предписывается прочитать въ синодѣ весь Номоканонъ съ тѣмъ, чтобы одни правила, необходимыя для Церкви, были возстановлены и соблюдаемы, а другія, менѣе важныя, были бы представлены Императору для совмѣстнаго сужденія о нихъ вмѣстѣ съ синодомъ. По разъясненію проф. Павлова, несомнѣнно, что самая жизнь требовала тогда полнаго пересмотра источниковъ церковнаго права, унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени. Дѣйствовавшее теперь церковное право во многихъ отношеніяхъ было уже не то, что прежде. Поэтому настала потребность установить отношеніе древнихъ каноновъ и законовъ, содержащихся въ синтагмѣ и Номоканонѣ Фотія къ современному порядку жизни церковной и общественной.

---

[1]) Православное церковное право Никодима, епископа Далматинскаго. Спб., 1897 г. § 41. Срав. Курсъ церковнаго права Павлова, § 26.

Такъ, еще въ XII вѣкѣ ревнители священныхъ каноновъ изъ самихъ грековъ, приравнивающіе ихъ къ догматамъ Евангелія и истинамъ, входящимъ въ самую сущность православія, если таковые въ то время оказывались, должны были бы находиться въ очень затруднительномъ положеніи. Вѣроятно, и имъ не осталось бы ничего другого, какъ по примѣру императоровъ и Константинопольскихъ патріарховъ обратиться къ помощи Аристина, Іоанна Зонары и Феодора Вальсомона, извѣстныхъ греческихъ каноністовъ XII вѣка, чтобы уяснить себѣ смыслъ древнихъ правилъ и способы примѣненія ихъ къ окружающей церковной жизни.

Изъ этихъ комментаторовъ наиболѣе важны толкованія Зонары. Въ своихъ толкованіяхъ Зонара старается доискаться первоначальнаго историческаго смысла правилъ и разныхъ каноническихъ терминовъ и возстановить обстоятельства, вызвавшія правила. Когда Зонарѣ приходится наталкиваться на несогласія между канонами, то онъ или употребляетъ усилія для разъясненія возможности ихъ примиренія или же рѣшаетъ вопросъ, исходя изъ относительной важности источника или времени составленія правила. Правила Вселенскихъ Соборовъ предпочитаются принадлежащимъ Соборамъ помѣстнымъ или св. отцамъ. При несогласіи же правилъ равныхъ Соборовъ Зонара по юридическому положенію lex posterior derogat priori считаетъ позднѣйшее правило отмѣняющимъ раннее, но иногда онъ отдаетъ преимущество тому правилу, которое, по его выраженію, «болѣе человѣколюбиво». Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ Зонара оставляетъ вопросъ о противорѣчіи между канонами не разрѣшеннымъ, или вовсе о немъ умалчивая или же ограничиваясь лишь его констатированіемъ. Если правило является въ нѣкоторыхъ частяхъ неполнымъ, толкователь старается дополнить его на основаніи другихъ правилъ, а иногда прямо и своихъ соображеній. Кромѣ того, Зонара отмѣчаетъ правила, утратившія силу или потерпѣвшія ограниченія въ позднѣйшихъ правилахъ, а при разногласіи въ пониманіи правила или его отдѣльныхъ выраженій онъ подробно разсматриваетъ спорный вопросъ и приводитъ существующія о немъ мнѣнія. Наконецъ, Зонара входитъ въ разрѣшеніе разныхъ каноническихъ казусовъ въ виду ихъ практическаго значенія для тогдашней жизни [1]).

Вальсомонъ въ своихъ толкованіяхъ каноническихъ правилъ обыкновенно слѣдуетъ Зонарѣ, но иногда онъ расходится съ Зонарою и дѣлаетъ дополненія и исправленія къ тому, что высказано Зонарой.

Всѣ эти византійскіе толкователи пріобрѣли большой авторитетъ въ Греческой Церкви, а затѣмъ и у насъ въ Россіи. Однако при мысли объ этихъ авторитетныхъ толкователяхъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что по утвержденію современныхъ представителей науки церковнаго права, у нихъ обнаруживается недостаточное пониманіе историческаго смысла каноновъ, наприм., объясняя

---

[1]) Курсъ церковнаго права, проф. А. С. Павлова § 31 Срав М. Красноженъ. Толкователь канонического кодекса Глава I, III и IV.

правила Соборовъ о судѣ и объ аппеляціи въ духѣ своего времени, они видятъ указаніе на патріарховъ тамъ, гдѣ о нихъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ патріарховъ во время этихъ Соборовъ еще не существовало, или, наприм., каноны, въ которыхъ говорится о публичномъ покаяніи и открытомъ церковномъ судѣ они переносятъ на исповѣдь и духовниковъ [2]).

Неужели же строгіе ревнители церковныхъ каноновъ, желающіе считать ихъ нормой церковной жизни для всѣхъ временъ и народовъ, не видятъ, что имъ волей-неволей приходится имѣть дѣло не съ чистыми канонами, въ правильномъ пониманіи которыхъ они не могутъ ручаться за себя, а и съ разъясненіями толкователей, да еще не всегда правильно разсуждающихъ и между собой согласныхъ!.

Итакъ первоначальный смыслъ священныхъ каноновъ является для насъ болѣе или менѣе доступнымъ, такъ сказать, лишь въ сферѣ, въ которой примѣшано много человѣческаго и даже слишкомъ человѣческаго.

По вопросу же о пользованіи древними канонами собственно у насъ въ Россіи издавшее правила св. апостоловъ и св. Соборовъ съ толкованіями Московское Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія, кромѣ того, поясняетъ, что Русская Церковь находится въ совершенно особенномъ положеніи по отношенію къ этимъ правиламъ, чѣмъ въ какомъ были православные христіане греческаго происхожденія. Мы, русскіе, лишены всѣхъ выгодъ наглядности и непосредственнаго знакомства съ церковнымъ бытомъ, происходящихъ отъ сожительства съ народомъ, у котораго возникло право. Мы должны вознаграждать это лишеніе духовнымъ напряженіемъ и стараться воспринять въ себя древнее право во всей его особенности и этимъ пополнять то лишеніе, которое мы терпимъ, не живя во время составленія правилъ и съ тѣмъ народомъ, на языкѣ котораго они написаны. Положеніе наше труднѣе и необходимость толкованія. каноновъ для насъ настоятельнѣе. То, что для христіанина греческаго происхожденія было ясно изъ постоянной практики и словоупотребленія, для насъ можетъ быть понятно лишь при пособіи толкованія [1]).

Трудно не согласиться съ справедливостью замѣчаній духовнаго общества, что для русскаго сознанія первоначальный смыслъ древнихъ каноновъ долженъ отстоять дальше, чѣмъ для сознанія греческаго, и потому для насъ еще нужнѣе прибѣгать къ ихъ толкованіямъ.

Но вѣдь такихъ толкованій нѣсколько. На Востокѣ Аристина, Зонары, Вальсомона и иныя принятыя съ Греческой Кормчей—Пидаліонъ и друг. На Западѣ епископа Гефеле и Беверегія, а у насъ въ Россіи толкованія, помѣщенныя въ Кормчей и заимствованныя у Аристина и отчасти у Зонары, нѣкоторыя при-

---

[1]) Н. Суворовъ. Учебникъ Церковнаго права, Москва 1902 года. Глава V. § 63.

[2]) Правила св. Апостоловъ и св. Соборовъ съ толкованіями. Изданіе Москов. Общ. Люб. Дух. Просв. Москва 1876 года. Предисловіе. Примѣчаніе. Въ изданіи этихъ правилъ принимали и участіе ректоръ Московской Духовной Академіи, протоіерей Горскій, и профессоръ церковнаго права въ Московскомъ Университетѣ А. С Павловъ.

мѣчанія и толкованія въ Книгѣ Правилъ, издаваемой св. Синодомъ съ 1839 года, взятыя у Зонары и Вальсомона, толкованія Іоанна епископа Смоленскаго и толкованія на каноны первыхъ трехъ Вселенскихъ Соборовъ Іоанна, епископа Алеутскаго.

Поэтому возникаетъ естественный вопросъ, какія толкованія правильнѣе и какихъ слѣдуетъ держаться? И вотъ для разрѣшенія этого вопроса Московское Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія предлагаетъ по его мнѣнію, безопасныя основанія. Предпочтеніе должно получить толкованіе, одобренное высшей церковной властью, т.-е. или отъ нея самой исходящее или употреблявшееся ею при рѣшеніи дѣлъ или рекомендованное ею въ качествѣ толкованія, заслуживающаго преимущественнаго довѣрія. Примѣняя эти безопасныя основанія къ Россіи, издатели утверждаютъ, что первое мѣсто между всѣми толкованіями принадлежитъ толкованіямъ и замѣчаніямъ св. Синода подъ нѣкоторыми правилами въ Книгѣ правилъ, какъ исходящимъ отъ высшей церковной власти въ Русской Церкви и ею предлагаемымъ. Далѣе должны слѣдовать толкованія въ печатной славянской Кормчей, такъ какъ они авторизованы высшей церковной властью. Изъ остальныхъ же толкованій указанные признаки издатели считаютъ приложимыми лишь къ Аристину, Зонарѣ и Вальсомону, потому что изъ нихъ существуютъ заимствованія въ Книгѣ правилъ и Кормчей и св. Синодъ иногда, по разнымъ случаямъ, обращался къ ихъ толкованіямъ [1]). Такимъ образомъ, правильность тѣхъ или иныхъ толкованій гарантируется авторитетомъ св. Синода. Вотъ чѣмъ въ концѣ-концовъ во многихъ случаяхъ должно оправдываться непремѣнное стремленіе примѣнить то или другое древнее правило. Но, не говоря уже о томъ, что критеріумъ въ видѣ авторитета св. Синода является слишкомъ формальнымъ и едва ли способнымъ, какъ должно, воздѣйствовать на совѣсть, вѣдь и самый авторитетъ св. Синода, какъ обнаружилось теперь, вовсе не представляетъ достаточно крѣпкую опору. Когда Московское Общество издавало древніе каноны, авторитетъ св. Синода, повидимому, стоялъ очень высоко. По крайней мѣрѣ, по мнѣнію Общества, его было достаточно, чтобы одно принятіе св. Синодомъ толкованія правила становилось обязательнымъ для всего церковнаго сознанія и чтобы каждый взамѣнъ собственнаго изученія правила со всѣми его толкованіями прямо довольствовался пониманіемъ его, указаннымъ Синодомъ. Но интересно знать, что сказали бы издатели правилъ теперь, когда авторитетъ св. Синода явно для всѣхъ поколебался и особенно подъ вліяніемъ заявленій со стороны духовенства и самихъ епископовъ о его полной неканоничности. Вѣдь если св. Синодъ представляетъ учрежденіе, возникшее и дѣйствующее въ нарушеніе древнихъ каноновъ, то, конечно, возбуждается сомнѣніе, какимъ же образомъ подобное учрежденіе можетъ авторизовать собой правильность толкованія каноновъ. Поэтому въ настоящее время при желаніи строго держаться древнихъ каноновъ помимо всего другаго намъ во многихъ случаяхъ предстоитъ сначала еще разобраться въ сложномъ

---

[1]) Ibid. Предисловіе къ выпуску I.

вопросѣ, какими толкованіеми ихъ нужно руководствоваться. Словомъ, ревнителямъ каноновъ, видящимъ въ нихъ норму церковныхъ порядковъ для всѣхъ временъ и народовъ и принадлежность сущности православія, если они не считаютъ свое пониманіе обязательнымъ для всѣхъ, придется потратить немало энергіи и трудовъ на выясненіе передъ сознаніемъ другихъ самаго смысла многихъ каноновъ и основаній выбора между ихъ толкованіями. Кромѣ того, и сами ревнители въ дѣлѣ примѣненія каноновъ къ современной жизни нерѣдко будутъ вынуждены, какъ это и теперь наблюдается въ церковной практикѣ, пользоваться канонами не столько на основаніи ихъ первоначальнаго смысла, сколько подъ вліяніемъ, такъ сказать, зонаровщины, вальсомоновщины и т. п., а это уже значитъ порядки современной церковной жизни и интересы живыхъ людей во многомъ подвергать всѣмъ случайностямъ человѣческаго толкованія. Наконецъ, по вопросу о самомъ соблюденіи древнихъ каноновъ не нужно забывать, что даже во времена близкія къ ихъ составленію они, повидимому, далеко не столь строго соблюдались, какъ слѣдовало бы ожидать, если бы они дѣйствительно относились къ самой сущности православія и представляли изъ себя неизбѣжную норму церковныхъ порядковъ. Такъ, наприм., даже по важному вопросу о созваніи Соборовъ два раза въ годъ, установленномъ 5 правиломъ I Вселенскаго Собора, IV Вселенскій Халкидонскій Соборъ 451 года отмѣчаетъ, что въ областяхъ не бываетъ положенныхъ по правиламъ Соборовъ, отъ чего страдаютъ церковныя дѣла. Поэтому Халкидонскій Соборъ 19 правиломъ подтверждаетъ прежнее правило о Соборахъ два раза въ годъ, а епископамъ, пренебрегающимъ участіемъ на этихъ Соборахъ опредѣляетъ сдѣлать всего только—братское внушеніе. Еще ранѣе подобное же указаніе даетъ, повидимому, Помѣстный Лаодикійскій Соборъ въ Малой Азіи, состоявшійся около 343 года. Въ правилѣ 40 Лаодикійскій Соборъ предписываетъ епископамъ непремѣнно являться по приглашеніямъ на Соборы и, если бы епископы исполняли тогда правило о Соборахъ, то едва ли Лаодикійскому Собору пришлось бы говорить только въ предупрежденіе еще ожидаемой со стороны епископовъ небрежности. Въ 691 г., спустя 240 лѣтъ послѣ Халкидонскаго Собора, Трулльскій Соборъ снова показываетъ, что 5 правило I Всел. Соб., несмотря на 19 правило IV Всел. Соб., все-таки недостаточно соблюдается. Но теперь Трулльскій Соборъ склоняется уже къ признанію неудобства и даже невозможности при окружающихъ условіяхъ исполнять буквально эти каноны о двукратномъ созывѣ Соборовъ и въ своемъ 8 правилѣ возобновляетъ ихъ, но уже съ допущеніемъ собирать Соборы одинъ разъ въ теченіе года. Но и въ такомъ видѣ правила о созывѣ Соборовъ далеко невсегда исполнялись. Въ XII вѣкѣ Зонара при ихъ толкованіи отмѣчаетъ полное пренебреженіе ими въ его время.

Во время же послѣ эпохи Вселенскихъ Соборовъ несоблюденіе каноновъ стало распространяться больше и даже, начиная съ самаго главнаго центра восточной церковной жизни—Константинополя. Для этого, повидимому, оказывалось уже и больше поводовъ, наприм., исполненіе каноновъ едва ли не встрѣ-

чали препятствія въ несогласіи ихъ съ законами государственными, особенно ушедшими далеко отъ изданныхъ во время составленія самихъ правилъ. Какъ выпутываться изъ такихъ противорѣчій, и указывала упомянутая нами Новелла Императора Льва Философа. Послѣдовавшая же въ 1107 году Новелла Императора Алексѣя Комнина уже прямо свидѣтельствовала не только о несоблюденіи каноновъ, но и объ ихъ забвеніи среди самой іерархіи. Подобное отношеніе къ канонамъ замѣчается на протяженіи почти всего XII столѣтія. По крайней мѣрѣ, Зонара среди своихъ толкованій нерѣдко выражаетъ жалобы на несоблюденіе древнихъ каноновъ. «Въ пренебреженіи оставляется, замѣчаетъ онъ, наприм , въ одномъ мѣстѣ, толикое количество правилъ, и съ лицами подлежащими въ силу этихъ правилъ изверженію вмѣстѣ служатъ и имѣютъ общеніе патріархи и епископы». А Вальсомонъ въ самомъ концѣ XII вѣка, кажется, еще сильнѣе жалуется на пренебреженіе каноновъ. Но несмотря на все это едва ли у кого-либо изъ временъ Вселенскихъ Соборъ и послѣдующихъ являлось сознаніе, что несоблюдающіе каноновъ тѣмъ самымъ уклоняются и отъ православія. Да и если бы держаться такого убѣжденія, то пожалуй пришлось бы констатировать уже давнишнее отступленіе отъ православія большей части восточной іерархіи. Или вотъ, наприм., въ наше время Константинопольскому патріарху принадлежитъ не только духовная, но и гражданская юридикція относительно православныхъ христіанъ въ Турціи. Но вѣдь такая обязанность, принятая на себя патріархомъ, не только не оправдывается древними канонами, а скорѣе прямо имъ противорѣчитъ. Однако не будемъ же мы считать Константинопольскаго патріарха уклонившимся отъ православія. Подобное этому постоянно происходитъ и въ Россіи. Наприм., I Вселенскій Соборъ въ 15 правилѣ нашелъ необходимымъ воспретить переходъ епископовъ изъ города въ городъ и обязать каждаго оставаться въ томъ мѣстѣ, для котораго онъ и поставленъ. Состоявшійся спустя около 25 лѣтъ послѣ Никейскаго Сардикійскій Помѣстный Соборъ въ лицѣ своего предсѣдателя Осіи, епископа Кордубскаго заявилъ, что переходы епископовъ приносятъ «пагубнѣйшій вредъ для дѣла церкви» и потому въ своемъ 1 правилѣ ясно осудилъ ихъ, при чемъ епископы нарушающіе это, по опредѣленію Собора, не должны имѣть общеніе даже наравнѣ съ мірянами [1]). Между тѣмъ въ Русской Церкви частое перемѣщеніе епископовъ уже давно вошло въ порядокъ вещей и нельзя не признать, что при сложившемся у насъ положеніи епископа оно нерѣдко бываетъ необходимо и иногда можетъ приносить даже пользу. Немало можно бы указать и другихъ случаевъ яснаго нарушенія Синодомъ и высшими іерархами древнихъ церковныхъ правилъ, такъ что приведенное выше замѣчаніе Зонары вполнѣ примѣнимо и къ нашему времени. Однако, несмотря на все это, развѣ только старообрядцу, можетъ представиться, что русскіе епископы во главѣ съ св. Синодомъ являются, преступниками противъ православія!

---

[1]) Дѣянія девяти помѣстныхъ Соборовъ Казань 1901 г. стр. 42.

Вообще неисполненіе древнихъ каноновъ болѣе или менѣе замѣчается всегда и едва ли можно указать время, когда они всѣ строго соблюдались бы, при чемъ нарушеніе каноновъ вовсе не понимается церковнымъ сознаніемъ, какъ отступленіе отъ православія или отъ какихъ-либо неизмѣнныхъ нормъ церковныхъ порядковъ, необходимыхъ для самой реализаціи задачъ Церкви.

Вотъ какъ разсуждалъ, наприм., извѣстный Московскій Митрополитъ Платонъ по поводу отвѣта старообрядцевъ на составленную подъ его руководствомъ книгу: Увѣщаніе Вселенской Церкви ко всѣмъ отъ нея отлучившимся: «Пастырю Христовой Церкви и самому преосвященному не возможно имѣть преніе съ раскольниками и ихъ въ заблужденіи убѣдить. Ибо въ преніяхъ съ обѣихъ сторонъ должно быть единое начало. Но если у одной стороны начало будетъ иное, а у другой другое, то согласиться никогда не будетъ возможно». Богопросвѣщенный христіанскій богословъ для утвержденія всѣхъ истинъ вѣры Христовой не иное признаетъ начало, какъ едино Слово Божіе или Писаніе Ветхаго Завѣта и Новаго Завѣта, а раскольникъ, кромѣ сего начала, которое и мало уважаетъ, ибо мало понимаетъ, признаетъ еще за равносильныя слову Божію начала и всякія правила Соборовъ и всякія писанія церковныхъ учителей и всякія повѣсти, въ книгахъ церковныхъ обрѣтаемыя, да еще ихъ и болѣе уважаетъ, нежели слово Божіе, ибо они для него понятнѣе. Но какъ и правила соборовъ или относились къ тѣмъ временамъ или писаны по пристрастію и непросвѣщенному невѣжеству, и въ писаніяхъ церковныхъ учителей много погрѣшительнаго, и съ самими собой и съ Словомъ Божіимъ несогласнаго, а въ повѣстяхъ и зѣло много басней, небылицъ и безмѣстностей, то и слѣдовало бы правила отцевъ и повѣсти не иначе принять, какъ когда они согласны съ Словомъ Божіимъ и служатъ тому объясненіемъ. Но раскольникъ сего не пріемлетъ и почитаетъ хулою, когда бъ ему открыть, что соборы или отцы въ иныхъ мнѣніяхъ погрѣшили, а повѣсти многія невѣроятны.—«Какъ,—воскликнетъ онъ,—отцы святые погрѣшили? Да мы ихъ святыми почитаемъ, они чудеса творили, ихъ писанія суть богодухновенны».—Что на сіе богословъ легко можетъ возразить, но не посмѣетъ, дабы не только раскольниковъ, но и своихъ маломысленныхъ не соблазнить и не сдѣлать зла горшаго. «Вотъ,—провозгласятъ,—отцевъ святыхъ не почитаетъ, соборы отвергаетъ, повѣстямъ церковнымъ смѣется». И такъ, богословъ богопросвѣщенный молчи, а раскольникъ ври и другихъ глупыхъ удобно къ себѣ склоняй» [1]).

Этотъ голосъ русскаго іерарха вышелъ, повидимому, изъ самой глубины души, которая не могла закрывать глаза на окружающую жизнь и требовала разобраться въ ея сложныхъ явленіяхъ.

Вообще намъ русскимъ, получившимъ христіанство черезъ Византію, необходимо однако не допускать въ себѣ вполнѣ византійскаго отношенія къ хри-

[1]) Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова. Москва, 1899 г., изданіе К. П. Побѣдоносцева, т. II. Урѣзанный документъ. Ранѣе это было напечатано Гиляровымъ-Платоновымъ въ газетѣ И. С. Аксакова „Русь“, 1884 года, № 19.

стіанству, которое оказало вліяніе и на самое раздѣленіе церквей. По разъясненію В. С. Соловьева, одна изъ характерныхъ чертъ византизма заключается въ томъ, что совершенство Церкви переносится назадъ въ прошедшее, и это прошедшее принимается не за основу а за вершину церковнаго зданія. Тогда непремѣнно случается, что существенныя требованія и условія религіозной жизни, которыя должны исполняться всѣми и всегда пріурочиваются исключительно къ отдѣльнымъ своимъ историческимъ выраженіямъ, къ формамъ уже пережитымъ Церковью и тяготѣющимъ надъ живымъ сознаніемъ въ видѣ внѣшняго факта. Существенное и вѣчное въ церковной формѣ смѣшивается здѣсь съ случайнымъ и преходящимъ и самый потокъ церковнаго преданія загражденный мертвящимъ буквализмомъ уже не является въ своемъ вселенскомъ безконечномъ просторѣ, но скрывается за частными особенностями временныхъ и мѣстныхъ уставовъ [1]). При увлеченіи же подобнымъ направленіемъ мы легко просмотримъ насущныя современныя нужды Церкви и создадимъ порядки и условія, которыя могутъ задерживать столь необходимое проникновеніе церковнаго начала во многія сферы окружающей жизни, могутъ недостаточно охватить собой полноту скрытыхъ и явныхъ потребностей самой церковной жизни, и всѣмъ этимъ подать поводъ къ стремленіямъ удовлетворять многія духовно-нравственныя потребности внѣ общенія съ Церковью.

Наконецъ, епископъ Волынскій замѣчаетъ, что представителями своими Церковь мыслитъ епископовъ не потому, что они нравятся народному множеству, а потому что они воспріяли преемственно апостольскую благодать, и, такимъ образомъ, для собора достаточно, по его мнѣнію, однихъ архіереевъ. Вполнѣ присоединяемся къ утвержденію существованія въ епископахъ преемственно полученной апостольской благодати и возможности для нихъ смотрѣть на себя, какъ на представителей или послушниковъ апостоловъ, по выраженію автора Записки. Но вѣдь нужно имѣть въ виду что служеніе іерархіи состоитъ, такъ сказать, изъ двухъ сторонъ. Іерархія является проводникомъ благодатныхъ даровъ въ таинствахъ и это происходитъ независимо отъ ея личныхъ свойствъ. Но, кромѣ того, іерархія призвана подготовлять людей къ плодотворному принятію этихъ даровъ, безъ котораго полученіе благодатнаго дара, по ученію Православной Церкви, можетъ послужить и въ большее осужденіе. На обязанности іерархіи лежитъ поддержаніе къ людяхъ жизни во Христѣ, привлеченіе къ ней новыхъ членовъ, руководство всѣхъ ихъ на пути спасенія и вообще воздѣйствіе въ христіанскомъ направленіи на мысли, чувства и желанія окружающаго общества. Первое мѣсто во всемъ этомъ должно принадлежать епископамъ, которые должны вести за собой и остальное духовенство, а для этого, по указанію апостола, епископамъ необходимо возогрѣвать въ себѣ даръ Божій, излученный черезъ рукоположеніе (2 Тим. I, 6), стараться пред-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій, т. IV. Великій споръ и христіанская политика, глава V. Срав. его же Византизмъ и Россія, Ibid, т. V.

ставить себя Богу достойными, дѣлателями неукоризненными, вѣрно преподающими слово истины (2 Тим. II, 15), быть способными передъ всѣми дать отчетъ въ своемъ упованіи и ради спасенія людей быть для всѣхъ всѣмъ (1 Кор. IX, 22). Если же епископъ въ дѣлѣ поддержанія и распространенія христіанства не будетъ, подобно св. апостолу Павлу въ Аѳинахъ, понимать состояніе и потребности окружающаго общества, не будетъ служить средоточіемъ религіозныхъ мыслей и чувствъ своей паствы, то вся его въ другихъ отношеніяхъ, можетъ-быть, и хорошая жизнь останется лишь для него самого и только онъ самъ будетъ наслаждаться созерцаніемъ доступной ему истины, а такое состояніе не соотвѣтствуетъ призванію епископа. По крайней мѣрѣ, вторымъ канономъ Константинопольскаго Собора 879 года предписывается лишать сана того епископа, который предается монашеской жизни, поставивъ себѣ цѣлью исключительно, собственное спасеніе [1]). Очевидно, задачи епископскаго служенія несравненно шире этихъ и требуютъ большого усердія и многихъ трудовъ со стороны самого человѣка, умѣнья поставить себя въ извѣстную духовно-нравственную близость съ паствой и вообще такихъ условій дѣятельности, которыя не только не мѣшали, но и прямо способствовали бы епископу къ осуществленію его главной обязанности вести людей къ спасенію во Христѣ. Но вся эта часть епископскаго служенія, зависящая отъ самого человѣка, какъ извѣстно, далеко не всегда выполняется. Напротивъ, ввѣрять все попеченіе о Церкви однимъ епископомъ только на основаніи полученнаго ими благодатнаго дара и признать, какъ склоненъ требовать авторъ Записки, учить лишь дѣломъ епископовъ, а всѣмъ остальнымъ у нихъ поучаться, по указанію опыта исторіи, невозможно, да и едва ли въ интересахъ самой Церкви. Извѣстно, что самыя опасныя ереси, посягавшія на личность Христа, центръ и основу всего христіанства, создавались и поддерживались самимъ духовенствомъ и не менѣе другихъ самими епископами. Неужели же многочисленной паствѣ такихъ липъ, какъ патріархъ Несторій или цѣлый рядъ впавшихъ въ монофелитство высшихъ іерарховъ, каковы патріархи Константинопольскіе Сергій, Пирръ и Павелъ, патріархи Киръ Александрійскій, Макарій Антіохійскій и друг. [2]), слѣдовало лишь поучаться у своихъ архипастырей, и предоставить имъ всѣ заботы о Церкви. Напротивъ, св. Аѳанасій Великій прямо рекомендуетъ не вѣрить даже епископамъ безъ всякихъ основаній, не изслѣдуя возможности, полезности, пристойности, угодности Богу или соотвѣтствованія природѣ, согласованія съ истиной, цѣлесообразности, не справляясь объ отношеніяхъ къ таинству и благочестію. Св. Аѳанасій отрицаетъ справедливость требованія отъ паствы властнаго повиновенія и сведенія ея обязанностей къ поученію. Всего этого, по его объясненію, какъ разъ и добиваются распространители ересей, чтобы не быть обличаемымъ въ заблужденіяхъ и неправильныхъ дѣйствіяхъ. „Всякій человѣкъ, замѣчаетъ

---

[1]) Аѳинская Синтагма (Сводъ каноновъ) II, 707.

[2]) Дѣянія VI Вселенскаго Собора и Историческія о немъ свѣдѣнія. Дѣянія Всел. Соб. Т. VI.

св. Аѳанасій, получившій отъ Бога способность различенія, присуждаетъ себя къ наказанію, если слѣдуетъ невѣжественному пастырю и ложное ученіе принимаетъ за истинное“ [1]). Въ дополненіе къ этимъ словамъ Аѳанасія Великаго можно указать на 15 правило Константинопольскаго второго, такъ называемаго, двукратнаго Собора 861 года Правило это рекомендуетъ членамъ Церкви ограждать себя отъ общенія съ епископомъ, начавшимъ проповѣдывать ересь, не ожидая соборнаго разсмотрѣнія дѣла, и такое поведеніе въ глазахъ Собора является даже заслуживающимъ почета [2]).

Но не только отдѣльные іерархи, а и цѣлые Соборы ихъ, могутъ вовсе не представлять собой голоса Церкви и лучшихъ устроителей ея дѣлъ. Вспомнимъ, наприм., признавшіе аріанство Соборы въ Римини съ 400 епископами и на востокѣ въ Селевкіи съ 200 епископовъ. Послѣдній Соборъ св Григорій Богословъ прямо называетъ Каіафинымъ сборищемъ, на которомъ осуждается Христосъ—или какъ, спрашиваетъ онъ, должно назвать иначе сей Соборъ, все извратившій и приведшій въ замѣшательство. Онъ разрушилъ древнее и благочестивое исповѣданіе Троицы, подкопавъ и какъ бы стѣнобитными орудіями потрясши Единосущіе, и вмѣстѣ отверзъ дверь нечестію неопредѣленностью написаннаго подъ предлогомъ уваженія къ Писанію и употребленію давно принятыхъ наименованій, въ дѣйствительности же, чтобы вмѣсто ихъ ввести неписанное аріанство [3]).

Если высшіе іерархи могли дѣйствовать неправильно относительно важныхъ вопросовъ, касающихся сущности христіанскаго ученія, то почему же въ менѣе важномъ дѣлѣ устроенія церковной жизни они не могутъ поступить несогласно съ современными интересами Церкви и насущными потребностями своей паствы?

А по отношенію къ ожидаемымъ преобразованіямъ въ Русской Церкви въ глазахъ многихъ людей и духовныхъ и свѣтскихъ, принадлежащихъ къ Церкви и ей преданныхъ, а вовсе не какихъ-то декадентовъ или нѣкоторыхъ профессоровъ духовныхъ академій и ихъ питомцевъ, о которыхъ говоритъ авторъ Записки, представляется опаснымъ вручить все это важное дѣло однимъ архіереямъ и, конечно, не вслѣдствіе заподозрѣванія какого-либо уклоненія ихъ отъ православія, а въ виду сложившихся въ Россіи условій ихъ дѣятельности, ненормальныхъ отношеній ихъ къ остальному духовенству и крайне далекаго положенія отъ паствы, съ чѣмъ русскіе епископы уже давно сами примирились.

Вообще къ дѣлу предстоящей реформы требуется приступить не съ одними древними правилами и порядками и не стараться непремѣнно втискивать въ

---

[1]) Приведено П. П. Аксаковымъ въ книгѣ „Духа не угашайте“. Петроградъ 1895 г. Глава VI, стр. 72—73. Срав. стр. 52.

[2]) Дѣянія девяти помѣстныхъ Соборовъ. Казань. 1901 г.

[3]) Творенія св. Григорія Богослова, ч. II. Москва 1889 г. Похвальное слово Аѳанасію Великому.

нихъ настоящую, болѣе сложную церковную жизнь, но правилами этими необходимо пользоваться лишь въ связи съ современной правдой жизни.

А по жизненной правдѣ, русскіе епископы прежде всего находятся далеко не въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя были поставлены епископы во время составленія древнихъ правилъ.

Прежніе епископы проходили свое служеніе при меньшей сложности окружающей жизни вообще и церковной въ частности. Небольшіе размѣры ихъ епархій позволяли имъ принимать болѣе дѣятельное участіе въ интересахъ окружающаго общества и лучше знать его религіозныя нужды. Болѣе жизненная постановка епархіальнаго управленія не вынуждала епископовъ тратить время и духовныя силы на дѣла чисто внѣшнія, способныя разсѣивать самую религіозную мысль и чувство и отнимать у нихъ должную для епископа энергію и высоту. Болѣе правильный порядокъ поступленія на епархіи, недопущеніе перемѣщенія съ нихъ въ другія и вообще возможность болѣе близкихъ отношеній съ паствой поддерживали нравственную связь съ нею епископа, которой немало могло способствовать и имѣвшее мѣсто въ исторіи Церкви избраніе епископовъ самимъ духовенствомъ и народомъ. Все это вмѣстѣ сопровождалось и большимъ авторитетомъ епископовъ въ глазахъ духовенства и народа, и они въ большинствѣ случаевъ могли считать тогдашнихъ епископовъ средоточіемъ ихъ религіозныхъ мыслей и интересовъ и выразителями современныхъ церковныхъ нуждъ и потребностей. Такъ было въ древней Церкви. Что же мы видимъ теперь въ ея отрасли Русской Церкви?

Наши архіереи не вступаютъ на епархіи хотя съ какимъ бы то ни было участіемъ со стороны самой епархіи, а назначаются по Высочайшему повелѣнію, по представленію синодальнаго Оберъ-Прокурора и случайной группы засѣдающихъ въ Синодѣ іерарховъ. Всѣ они—изъ лицъ, принявшихъ монашество нерѣдко чуть ли еще не во время несовершеннолѣтія, если не гражданскаго, то во всякомъ случаѣ духовнаго, допускающаго лучшихъ изъ нихъ увлечься какой-либо мечтой или высокимъ чувствомъ недостаточно проясненнымъ разумомъ и не поставленнымъ въ связь со всѣми задачами и условіями предстоящей жизни. Самое же принятіе монашества часто совершается прямо въ виду открывающейся возможности сдѣлаться епископомъ. Нечего, конечно, и говорить, что никакой монашескій уставъ не предусматриваетъ принятіе монашества въ виду полученія со временемъ епископскаго сана, и здѣсь человѣку въ глубинѣ своей совѣсти сразу же приходится раздѣлываться съ историческимъ монашествомъ, обѣты котораго однако онъ торжественно обязуется исполнять.

Большинство русскихъ архіереевъ, какъ, можетъ-быть, и подобаетъ людямъ, отрекшимся отъ міра, является совершенно оторваннымъ отъ интересовъ крайне сложной окружающей жизни съ ея насущными потребностями, цѣлыми годами накоплявшимися сомнѣніями и настойчивыми запросами.

Громадные размѣры епархій съ милліоннымъ населеніемъ, тысячами церквей и духовенства, ввѣренныя попеченію епископовъ заставляютъ ихъ заниматься

лишь дѣлами внѣшняго церковнаго порядка и притомъ самымъ кабинетнымъ образомъ. Жизненное начало въ управленіи епархіями уже давно совершенно подавлено началомъ бюрократическимъ. Исходящія и входящія бумаги въ видѣ прошеній, доношеній, отношеній, отвѣтовъ, резолюцій и т. п., съ тысячными номерами и часто по самымъ второстепеннымъ поводамъ и вопросамъ, многочисленные журналы консисторіи и проч.—все это пріучаетъ русскихъ епископовъ проявлять свое отношеніе къ ввѣреннымъ имъ церковнымъ дѣламъ часто бюрократически, простою подписью своего имени или краткими и нерѣдко очень мало активнаго участія и обдуманности заключающими односложными замѣчаніями въ родѣ: утверждаю, разрѣшаю, исполнить и т. п. Епископы оказываются обыкновенно окруженными цѣлымъ моремъ бумагъ, изъ котораго до нихъ доходятъ только самые отдаленные и слабые отблески сложной дѣйствительной жизни. Довольствуясь этими отблесками, епископы часто становятся мало способными имѣть дѣло непосредственно съ живыми людьми и ихъ волнующимися интересами. Кому не приходилось слышать, что въ отвѣтъ на личную просьбу или переговоры, которыя именно нуждались бы въ словесномъ объясненіи съ архипастыремъ, епископъ потребовалъ изложить все письменно и подать прошеніе установленнымъ порядкомъ! И только, когда бумага пройдетъ всѣ канцелярскія стадіи и явится предъ взорами епархіальнаго начальства подъ входящимъ номеромъ 6789, епископъ чувствуетъ себя въ своей сферѣ и способнымъ разрѣшить дѣло.

Самое разрѣшеніе доходящихъ до епископа дѣлъ совершается обыкновенно преимущественно по статьямъ Устава Духовныхъ Консисторій, Инструкціи церковнымъ старостамъ и т. п., и стремленіе разсматривать многочисленныя явленія церковной жизни при тускломъ нравственномъ свѣтѣ этихъ церковно-государственныхъ узаконеній, касающихся главнымъ образомъ внѣшняго церковнаго порядка бываетъ, такъ велико, что просьбы или предположенія объ измѣненіи какихъ-либо неправильностей существующаго или о введеніи чего-либо новаго, вызываемаго потребностями современной жизни и не умѣщающагося въ рамки дѣйствующихъ узаконеній, сейчасъ же вызываютъ у епископа заключеніе: «фантазія» и не получаютъ никакого движенія, а настойчивыя попытки повторять подобныя просьбы быстро пріобрѣтаютъ для ихъ составителя опасныя въ глазахъ начальства названія человѣка безпокойнаго, ничѣмъ недовольнаго и т. п.

Вообще можно сказать, что живая человѣческая личность съ ея внутренними потребностями, сомнѣніями и скорбями, обыкновенно мало поддающимися изложенію на бумагѣ, оказывается забыта архипастырями, и ихъ отношеніе въ этомъ къ народу и подчиненному духовенству очень напоминаетъ обыкновенныхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Присоедините ко всему этому робость, внушаемую епископомъ подчиненному духовенству при сношеніи съ нимъ, украшеніе епископовъ золотыми орденами, блестящими звѣздами и яркими кавалерскими лентами, символами большихъ государственныхъ заслугъ, появленіе епископовъ передъ народомъ не иначе, какъ въ каретахъ, путешествіе ихъ по

епархіи съ цѣлыми свитами, торжественные пріемы по городамъ, подобные встрѣчамъ высшихъ чиновниковъ. Что же удивительнаго, если русскіе архіереи, какъ мы уже замѣчали въ другомъ мѣстѣ [1]), представляются большинству лишь высшими духовными чиновниками, какими-то генералами отъ религіи и значительно потеряли свой авторитетъ въ качествѣ первыхъ служителей Божіихъ

Подъ вліяніемъ всего этого связь епископа съ своей епархіей, которую онъ призванъ руководить на пути къ вѣчному спасенію, является чисто внѣшней. Она часто и легко порывается безъ всякаго нравственнаго ущерба для обѣихъ сторонъ и при томъ по самымъ посторонимъ для самой епархіи поводамъ, вслѣдствіе перевода на лучшее открывшееся мѣсто въ болѣе богатой и обширной епархіи, по причинѣ неумѣнья ладить съ мѣстными властями, неблаговоленія къ епископу со стороны Синода и т. п. Для народа вся перемѣна въ архипастырѣ обыкновенно проявляется лишь въ томъ, что онъ слышитъ въ церквахъ и читаетъ въ газетахъ другое имя епископа. Поэтому понятно, что современный русскій архіерей не можетъ быть разсматриваемъ, какъ средоточіе церковныхъ мыслей, чувствъ и стремленій своей паствы и выразитель потребностей свой епархіи.

Насколько тягостно было бы для нравственнаго сознанія большинства русскаго общества и духовенства ввѣрить однимъ архіереямъ интересы Церкви, особенно въ дѣлѣ проведенія глубокихъ преобразованій во всемъ ея строѣ, между прочимъ могутъ служить хорошимъ указаніемъ и нѣкоторые случаи изъ самаго недавняго времени.

Вотъ, напр., обыкновенный духовный цензоръ, кандидатъ въ епископы. Для статей въ духовныя книги и журналы онъ старается тщательно удалить изъ рукописей кажущіяся ему новшества, несогласныя съ установившимися понятіями религіозныя мысли и даже не строго церковныя выраженія. Онъ задерживалъ иногда самыя безвредныя книги и статьи, и на него въ этомъ отношеніи раздавались жалобы. И вдругъ по какой-то ироніи судьбы этотъ бывшій цензоръ, уже въ санѣ епископа, попадаетъ въ члены комиссіи по пересмотру законовъ о печати, образованной подъ вліяніемъ начавшагося освободительнаго движенія. И что-же? русское общество, къ своему великому изумленію, узнаетъ, что бывшій цензоръ объявляетъ цезуру чуть ли не антихристіанскимъ дѣломъ и признаетъ необходимымъ ея отмѣну. Послѣ этого въ обществѣ возникъ естественный вопросъ, въ какомъ изъ этихъ двухъ случаевъ епископъ поступалъ въ согласіи съ своею совѣстью и въ чемъ заключается внутренняя правда его дѣятельности. Если цензура противорѣчитъ духу христіанства, почему онъ согласился принять именно эту службу и не отказался отъ нея, хотя бы цѣною личныхъ непріятностей. Нельзя же допустить, что епископъ не понималъ этого ранѣе до начала освободительнаго движенія.

Не менѣе недозумѣнія вызываютъ, наприм., и недавнія признанія другого епископа, сдѣланныя по поводу возбужденія вопроса о церковной реформѣ.

[1]) „Церковь, Духовенство и Общество“ глава II стр. 29—34.

Епископъ характеризуетъ себя слѣдующими замѣчаніями: «Я такъ люблю св. Церковь, что ежедневно готовъ умереть за этотъ святѣйшій и надежнѣйшій корабль нашего спасенія... Чуждъ я всякой односторонности, врагъ всякой партійности. Желаю горячо лишь одного, блага Христова для всѣхъ людей и для Церкви". И однако только теперь, т.-е. очевидно уже послѣ возникновенія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ вопроса о церковной реформѣ, епископъ, по его собственному утвержденію, „можетъ спокойно углубляться въ свою совѣсть, спокойно смотрѣть на всѣхъ людей". „Никто не можетъ больше, говоритъ онъ, обличать меня въ лицемѣріи или скрытности. Могу я спокойно взирать на тихій кроткій ликъ Спасителя, слабо освѣщенный лампадкой". „Въ молитвѣ своей теперь могу сказать: Спаситель мой, теперь мнѣ не стыдно больше стоять передъ Тобой... Я засвидѣтельствовалъ, исповѣдалъ свою вѣру и не торгую болѣе Твоимъ святѣйшимъ именемъ".

Если епископъ дѣйствительно столь любитъ Церковь, что всегда готовъ пожертвовать для нея даже жизнью и горячо желаетъ для всѣхъ блага Христова, а между тѣмъ, до возбужденія вопроса о реформѣ, епископъ не могъ спокойно углубляться въ свою совѣсть, спокойно смотрѣть на людей, спокойно взирать на ликъ Спасителя на Его иконѣ и даже безъ стыда стоять передъ Нимъ на молитвѣ, и кромѣ того, допускалъ возможность вести себя такъ, что его могли обличать въ скрытности и даже лицемѣріи, то самъ собой напрашивается вопросъ, почему же горячо преданный благу Церкви епископъ, при столь яркомъ сознаніи неправды существующаго, какое, повидимому, не было у большинства другихъ епископовъ, ранѣе самъ не поднялъ свой протестующій голосъ и при такомъ состояніи совѣсти нашелъ возможнымъ сдѣлаться русскимъ архіереемъ и оставаться имъ. Вѣдь чистота и спокойствіе совѣсти, особенно же во время молитвы, и дѣйствованіе по сознаваемой внутренней правдѣ, являются первыми условіями епископскаго служенія и возможности принести черезъ него пользу Церкви. Иначе, именно по любви къ Церкви и горячему желанію всѣмъ блага Христова, епископу, пожалуй, всего лучше было бы въ то время отказаться отъ принятаго на себя служенія и, по крайней мѣрѣ, удалиться кудалибо, чтобы прежде всего постараться возстановить миръ въ своей совѣсти и столь необходимыя, особенно для епископа, болѣе правильныя отношенія ко Христу. Что же касается замѣчанія епископа, что болѣе онъ не торгуетъ святѣйшимъ именемъ Спасителя, то въ виду его необычайной странности о немъ трудно даже что либо и сказать.

Признаніе русскаго епископа, въ связи съ мыслями о допущеніи на Помѣстный Соборъ однихъ архіереевъ, производитъ очень грустное впечатлѣніе, о которомъ намъ передавали многіе. Поэтому мы и нашли нужнымъ здѣсь упомянуть о немъ.

Еще тяжелѣе могутъ дѣйствовать разсужденія другого русскаго епископа, которыя онъ нашелъ нужнымъ напечатать даже въ газетѣ. Они способны вызвать уже не только недоумѣніе, но для многихъ и прямой соблазнъ: Епископу

понадобилось доказать необходимость въ Россіи конституціи и правильность основаній манифеста 17 октября 1905 года. Если бы это принялъ на себя образованный мірянинъ, то онъ воспользовался бы разными историческими, государственными и экономическими соображеніями, а также и данными изъ окружающей, всѣмъ доступной, жизни. Но русскій епископъ рѣшился оперировать для этой цѣли съ тѣмъ матеріаломъ, который онъ вынесъ изъ своего богословскаго образованія. Въ немъ онъ старается отыскать оправданія введенія конституціи и доходитъ въ этомъ отношеніи,—до чего думали бы вы?—ни болѣе ни менѣе какъ до внутренней жизни самого Божества, открывающейся намъ въ троичности, и до догмата объ искупленіи, лежащихъ въ основаніи всего христіанства. Вотъ какъ разъясняетъ самъ епископъ результатъ своего „погруженія въ созерцаніе, схемы руководящаго жизнью мірового закона". „Отвѣтственность, воспринимаемая Богомъ въ моментъ самоощущенія, раскрываетъ нашему умозрѣнію нѣкоторую процессуальность въ нѣдрахъ Божества. Богъ, какъ бы расчленяется, развертывается и отъ первичной инстанціи обособляется другая. Мы познаемъ перваго и второго субъекта небесной тріады. Межъ ними—единеніе, уподобляемое человѣческимъ отношеніямъ отца и сына. Отецъ—родникъ, носитель силы, сынъ—генетически продолженіе, точная копія отца, но въ новомъ специфическомъ моментѣ—отвѣтственности. Отецъ—инициатива, сынъ—инстанція осуществляющая, производящая, но и *страждущая*". Далѣе епископъ утверждаетъ, что вся сила Новаго Завѣта и его спасительность даны апофеозомъ, обожествленіемъ момента отвѣтственности. Для улучшенія и спасенія личности, какъ клѣточки бытія, необходимо усвоить и переварить душею біогенетическій законъ, что въ Богѣ родникъ жизни, но въ Немъ же, въ ближайшей органической сращенности съ творческимъ актомъ и инстанціи живой, дѣйствительной отвѣтственности, Самъ Богъ подклонилъ волю Свою подъ обвиненіе и осужденіе... „Въ тотъ моментъ, когда Христосъ вознесенъ былъ на крестъ, пали нравственныя опоры самодержавія, на дощечкѣ Голгофскаго креста, поверхъ трезычнаго титла вины Распятаго, вѣчною правдою начертана нравственная основа освободительнаго принципа: передъ закономъ всѣ равны Божественною кровью смыты земныя привиллегіи, исключительность и отличія. „А все это, по мнѣнію епископа, и должно доказывать необходимость уничтоженія самодержавія въ Россіи, введенія конституціи и отвѣтственности правительства передъ парламентомъ.

Дальше идти въ подобной богословской эквилибристикѣ едва ли возможно, и при чтеніи ея многимъ, вѣроятно, придетъ въ голову не разъ ущипнуть себя, чтобы удостовѣриться, не находятся ли они въ мірѣ грезъ и дѣйствительно-ли «усваиваютъ и перевариваютъ» статью подъ заглавіемъ «Православіе и 17 Октября съ подписью: Антонинъ, епископъ Нарвскій [1]). Здѣсь мы уже не будемъ разбирать, насколько самыя разъясненія епископомъ «интуитивнаго смысла

[1]) Газета „Слово" 18 декабря 1905 года № 330.

Божьяго откровенія троичности» согласны съ православнымъ его пониманіемъ [1]). Но возникаетъ вполнѣ естественный вопросъ, почему же епископъ Антонинъ, убѣжденный въ противорѣчіи самодержавія въ Россіи догматамъ троичности и искупленія, изъ которыхъ вытекаетъ справедливость конституціи, до сихъ поръ молчалъ объ этомъ и только уже послѣ 17 октября рѣшился повѣдать о своихъ созерцаніяхъ въ области міроваго закона, руководящаго жизнью. Высказать высшую правду, да еще такую, которая едва ли кому-нибудь другому и приходила въ голову, составляло долгъ епископа, какъ служителя Божія. Если же о высшей правдѣ говорится только заднимъ числомъ, уже какъ въ оправданіе существующему и, можетъ-быть, подъ вліяніемъ господ-

[1]) *Примѣчаніе.* Чтобы не показаться голословными въ этомъ замѣчаніи, предлагаемъ интересующимся вопросомъ сравнить разсужденія епископа Антонина съ ученіемъ о троичности вселенскихъ Соборовъ. По разъясненіямъ Никейскаго Собора, единое Божество есть вѣчный огнь, сіяніе и свѣтъ простой и несложный, неразлучный и нераздѣльный, необъятная мыслью и неизреченная Троица, во истину единосущная, Отецъ и Сынъ и св. Духъ (Отвѣтъ св. отцевъ черезъ епископа Леонтія. Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ т. I, отд. I). Вообще въ православномъ ученіи о троичномъ Божествѣ особенно замѣтно выдвигается его простота, несложность, нераздѣльность, неизмѣняемость и единосущіе. Поэтому, какимъ же образомъ можно говорить, что Богъ какъ бы расчленяется, развертывается и отъ первичной инстанціи обособляется другая, которая заключаетъ въ себѣ новый специфическій моментъ, да еще моментъ отвѣтственности? Тамъ, гдѣ простота, неизмѣняемость, нераздѣльность и единосущіе, должна исключаться всякая возможность момента отвѣтственности, которая предполагаетъ сложность, раздѣленіе или расчлененіе и даже неравенство. Съ понятіемъ отвѣтственности у насъ возникаетъ потребность опредѣлить—передъ кѣмъ же? Если одна инстанція Божества, какъ находитъ возможнымъ выражаться епископъ, обнаруживается въ специфическомъ моментѣ отвѣтственности, очевидно, передъ другой инстанціей, первичной, то ясно что здѣсь нарушается понятіе равенства и даже единосущія. Если же допустить отвѣтственность при равенствѣ и единосущіи, то выходитъ, что Богъ при своей неизмѣняемости является отвѣтственнымъ передъ самимъ собой, что невозможно, или же передъ какой-то высшей силой и закономъ, что уже извращаетъ самое понятіе о Божествѣ. Насколько неправильно предполагать въ нѣдрахъ Божества какой-то моментъ отвѣтственности, показываетъ самъ епископъ Антонинъ, дошедшій благодаря этому до еще болѣе невѣроятнаго утвержденія, что Сынъ есть между прочимъ инстанція страдающая. А понятіе страданія уже не только несовмѣстимо съ несложностью, неизмѣняемостью, вседовольствомъ и всеблаженствомъ, долженствующимъ характеризовать свойства Божества, но и заставляетъ нашу мысль ниспадать въ область ограниченнаго, которому свойственно страданіе, какъ послѣдствіе чего-то ненормальнаго или нарушенія какихъ-то законовъ жизни.

Къ подобнымъ страннымъ разсужденіямъ епископа Антонина главнымъ образомъ привела, повидимому, неправильная мысль, что „самъ Богъ подблонилъ волю свою подъ обвиненіе и осужденіе".

Но вѣдь согласно разъясненію Халкидонскаго Собора, два естества въ Іисусѣ Христѣ находятся неслитно и неизмѣнно и соединеніемъ ихъ нисколько не нарушается различіе двухъ естествъ, такъ что ни Божеское естество не измѣнилось въ человѣческое, ни человѣческое не преложилось въ Божеское, но то и другое остаются цѣлыми въ лицѣ Спасителя. (Опредѣленіе Халкидонскаго Собора. Дѣянія V, Ibid т. IV). Соотвѣтственно этому въ Іисусѣ Христѣ было и двѣ воли, какъ указано VI Вселенскимъ Соборомъ, божеская и человѣческая, и лишь къ послѣдней и возможно относить утвержденіе епископа. Спаситель пострадалъ только по своему

ствующихъ теченій, то вѣдь все это не только не внушаетъ довѣрія, а, въ виду прежнихъ опытовъ жизни, вызываетъ недоумѣніе и подозрѣніе въ неискренности при старомъ или при новомъ строѣ. Вѣдь и при самодержавіи большинство русскаго духовенства старалось разными способами оправдывать прежніе порядки русской жизни или, какъ выражается самъ епископъ, нести солдатскую охрану государственнаго режима, но только вмѣсто указанія въ этомъ грѣха самого духовенства епископъ, къ удивленію, считаетъ это «невольнымъ грѣхомъ православія», очевидно, смѣшивая по обыкновенію многихъ понятіе православнаго духовенства съ понятіемъ православія, которое, какъ мы уже обра-

---

человѣчеству. (Опредѣленіе VI Вселенскаго Собора. Дѣяніе XVIII, Ibid. т. VI). Поэтому страданія Спасителя не могутъ давать основаніе допускать въ нѣдрахъ самого Божества какого-то моментъ отвѣтственности или инстанцію страдающую. Не менѣе странно утвержденіе епископа, что въ моментъ вознесенія Христа на крестъ пали нравственныя опоры самодержавія. Но вѣдь самодержавіе—это извѣстный государственный порядокъ, слагающійся подъ вліяніемъ извѣстныхъ историческихъ факторовъ и зависящій отъ времени и обстоятельствъ. И неужели самый смыслъ христіанства можетъ приводить къ заключенію, что имѣющаяся міровое значеніе Голгофская Жертва, принесенная для возможности развитія среди человѣчества христіанской жизни, даетъ указаніе на то или иное государственное устройство! Христіанство затрогиваетъ человѣческую природу гораздо глубже и въ тѣхъ ея основахъ, для которыхъ внѣшній порядокъ имѣетъ слишкомъ второстепенное значеніе. Оно, какъ уже достаточно показалъ историческій опытъ, можетъ дѣлать свое дѣло въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ жизни, и для осуществленія своихъ великихъ цѣлей оно никогда не требовало того или другого внѣшняго строя, да и самое такое требованіе не согласно съ его основными задачами. Предназначенное къ нравственно-свободному воспріятію человѣкомъ въ силу его внутренняго родства и необходимости для нашей природы христіанство начинается и распространяется отъ живыхъ личностей, какъ отъ центровъ, и только уже черезъ нихъ можетъ, такъ сказать, проникать и во внѣшній строй жизни, оказывая на него вліяніе на подобіе того, какъ пригодный для жизни червяка коконъ становится тѣснымъ и негоднымъ для развившейся изъ него бабочки. Кто же не знаетъ, что разное содержаніе можно вложить во внѣшнія формы не только общественной, но даже и личной жизни. Христіанство не напрасно предупреждаетъ, что разные внѣшніе поступки, способные поражать воображеніе большинства могутъ ничего не стоить въ его глазахъ, если въ нихъ сначала не заключено должное нравственное содержаніе. (Коринф. XIII, 3). Можно, наприм., постоянно кричать о бѣдныхъ и угнетенныхъ и даже раздать имъ все свое имѣніе, можно совершить блестящій поступокъ — пожертвовать своей жизнью, и несмотря на все это не получить признанія передъ судомъ христіанства. Внѣшнее безъ внутренняго не имѣетъ значенія и само или должно вызываться внутреннимъ или идти съ нимъ вмѣстѣ. Кромѣ того нельзя забывать, что христіанство дѣйствуетъ въ мірѣ подобно сѣмени, изъ котораго должно вырости дерево, или закваски, которой предстоитъ проникнуть во все существующее тѣсто. Христіанство, очевидно, представляетъ изъ себя не останавливающійся процессъ развитія и въ отдѣльныхъ лицахъ и въ цѣлыхъ народахъ. Вмѣстѣ съ этимъ, по свидѣтельству самого же христіанства, въ мірѣ всегда будетъ много людей, не только, какъ должно, его не воспринявшихъ, но его не признающихъ и даже прямо отвергающихъ. Уже въ виду такихъ свойствъ христіанства и окружающихъ его условій оно не могло указывать на тѣ или другія формы государственнаго строя, какъ пригодныя для всѣхъ, а еще тѣмъ болѣе не могло приспособлять ихъ къ людямъ не осуществляющимъ или отвергающимъ самое христіанство. Епископъ Антонинъ заявляетъ, наприм., что христіанство подорвало нравственныя опоры самодержавія и что православіе и самодержавіе даже взаимно другъ друга отталкиваютъ. А вселенскіе соборы, служившіе выраженіемъ сознанія и голоса Православной Церкви, а вмѣстѣ съ ними и много-

щали вниманіе, никогда не только не признавало такія дѣйствія духовенства правильными, но въ лицѣ нѣкоторыхъ открыто ихъ осуждало. И вотъ самъ епископъ находилъ возможнымъ служить въ прежнихъ условіяхъ. Кто же можетъ поручиться передъ русскимъ народомъ, что и въ настоящее время усилія многихъ изъ духовенства, а въ томъ числѣ и самого епископа, доказывать, по обыкновенію, соображеніями отъ писанія, догматовъ и разума правильность новаго государственнаго строя не есть охрана новаго режима, подобная прежней! Кто можетъ намъ гарантировать, что стремленіе многихъ изъ духовенства всячески оправдывать новое не возникло отъ слабости пастырскаго христіанскаго самосознанія и недостатка нравственныхъ силъ и что новое сильное и быстрое обще-

---

численные достойные всякаго уваженія и подражанія іерархи думали иначе Они были убѣждены, что христіанство не только не подорвало самодержавія, какъ принципа государственнаго устройства, но сообщило ему высшій смыслъ и указало болѣе высокія задачи дѣятельности. О дѣятельности византійскихъ императоровъ, опиравшихся именно на свое самодержавіе, они свидѣтельствовали, какъ о полезной для блага Церкви и вполнѣ согласной съ ихъ христіанскимъ назначеніемъ.

Кто же споритъ, что самодержавіе, превратившееся въ абсолютизмъ съ предоставленіемъ правящему классу распоряжаться государствомъ по ихъ усмотрѣнію и обыкновенно въ своихъ эгоистическихъ видахъ, не можетъ быть одобряемо христіанствомъ, но отнюдь не въ своемъ принципѣ, а лишь въ его нравственномъ содержаніи. Но вѣдь не менѣе будетъ противорѣчить христіанству и конституціонное устроиство въ своемъ наличномъ содержаніи, если населеніе раздѣлится на враждующія партіи, сосредоточитъ на партійныхъ задачахъ весь интересъ жизни и каждая партія будетъ бороться за обладаніе властью въ своихъ узко-партійныхъ цѣляхъ, не брезгая при этомъ никакими средствами.

Во всякомъ случаѣ для большинства изъ насъ мірянъ, вовсе не сторонниковъ прежняго государственнаго режима, вполнѣ ясно, что вопросы о самодержавіи или конституціи въ Россіи должны быть разрѣшаемы лишь по чисто-человѣческимъ основаніямъ и подъ вліяніемъ историческихъ условій мѣста и времени, а выступать для этого съ богословскими соображеніями излишне и, какъ видимъ, даже опасно. Обращать же на служеніе самодержавію или конституціи смыслъ высочайшихъ и святѣйшихъ догматовъ христіанства, троичности и искупленія, это помимо всего другого значитъ потерять чувство благоговѣнія или, по иному выраженію, чувство святыни, которое, по разъясненію св. отцовъ всегда должно быть присуще каждому человѣку, какъ бы высокъ по своему духовному развитію онъ ни былъ. И вотъ подъ вліяніемъ немалаго числа подобныхъ случаевъ изъ русской жизни, подрывающихъ авторитетъ духовенства въ качествѣ служителей Божіихъ, намъ слѣдовало бы ходатайствовать передъ св. Синодомъ, чтобы къ молитвѣ о водвореніи въ Россіи мира и безмятежія было присоединено и прошеніе объ оживленіи въ нашихъ пастыряхъ и архипастыряхъ чувства святыни, о чемъ иногда и упоминается въ нѣкоторыхъ мало извѣстныхъ молитвахъ. Потеря этого чувства въ духовенствѣ можетъ угрожать не меньшимъ вредомъ для жизни Церкви, чѣмъ внутренняя смута для жизни государства.

Такимъ образомъ, попытка епископа вывести необходимость конституціоннаго государственнаго устройства изъ свойствъ Божества, привела его лишь къ извращенію ихъ общехристіанскаго пониманія и къ собственнымъ измышленіямъ, противорѣчащимъ этому пониманію. Кромѣ того, всѣмъ этимъ развѣ не нарушается извѣстный руководящій принципъ: отдавать кесарево кесарю, а Божіе Богу (Матѳ. XXII, 21)? Надѣемся, что примѣръ епископа Антонина явится для остального духовенства хорошимъ предостереженіемъ—не прислуживаться своимъ христіанскимъ, а еще тѣмъ болѣе пастырскимъ, сознаніемъ цѣлямъ политическимъ...

ственное теченіе не унесло ихъ за собой вмѣстѣ съ ихъ пастырскимъ сознаніемъ!

Нельзя же, конечно, думать, что въ разсужденіяхъ епископа Антонина просто обнаруживается особый пріемъ поддержки конституціонной партіи при помощи высшихъ богословскихъ соображеній!

По поводу указанныхъ случаевъ такъ и вспоминается русскій архіерей, нарисованный Щедринымъ, который помимо приспособленія своихъ дѣйствій къ окружающимъ порядкамъ готовъ былъ одинаково легко оправдывать и существованіе крѣпостного права и его уничтоженіе, и все это при помощи св. Писанія и на основаніи христіанства. Но у этого архіерея при измѣненіи мыслей вслѣдъ за перемѣной господствовавшаго строя все-таки проявилась и хорошая черта въ его признаніи, что многія свои соображенія онъ строилъ на пескѣ [1]). Характерныя особенности архіерея, описываемаго Щедринымъ, въ той или другой степени часто можно было наблюдать во многихъ представителяхъ русскаго духовенства, не исключая и самихъ епископовъ и при томъ особенно въ такое переходное время, какъ переживаемое теперь нами.

Если, такимъ образомъ, среди русскихъ епископовъ могутъ оказаться такіе, которые легко приспособляются въ своихъ дѣйствіяхъ, а иногда и мысляхъ, даже къ порядкамъ и теченіямъ, ими самими въ глубинѣ совѣсти осуждаемымъ, то развѣ народъ и духовенство могутъ спокойно ввѣрить однимъ епископамъ дѣло преобразованія всего церковнаго строя и направленія всей церковной жизни по новому пути. Въ сознаніи русскаго народа еще и теперь найдутъ откликъ, въ данномъ случаѣ вполнѣ справедливыя слова извѣстнаго протопопа Аввакума, что дѣла церковныя должны быть ввѣряемы пастырямъ и истиннымъ архіереямъ, которые души свои полагаютъ за стадо Христово, а не тѣхъ, глаголю, пастырей слушать, поясняетъ Аввакумъ, „иже и такъ и сякъ готовы на одномъ часу перевернуться“ [2]).

Для совершенія преобразованій, устрояемыхъ, можетъ-быть, на сотни лѣтъ и долженствующихъ обезпечить возможно лучшія условія для развитія духовной многихъ будущихъ поколѣній, нужна особенная твердость и ясность мысли, достаточная независимость ея отъ окружающихъ политическихъ теченій и широта христіанскаго взгляда, не отуманеннаго разными случайными сословными или партійными стремленіями. А все это, при современныхъ условіяхъ жизни, можетъ быть достигнуто лишь при искреннемъ взаимообщеніи, по отношенію къ дѣламъ церковнымъ епископовъ, духовенства и народа и при совмѣстной дѣятельности всѣхъ ихъ на пользу Православной Церкви.

---

[1]) Церковь, Духовенство и Общество, глава II.

[2]) Матеріалы для исторіи русскаго раскола за первое время его существованія, изданные подъ редакціей Н. Субботина, т. VIII. Новооткрытыя сочиненія протопопа Аввакума. Толкованія на нѣкоторые псалмы и пареміи.

Такимъ образомъ, ни по св. Писанію, ни по свидѣтельствамъ исторіи первыхъ трехъ вѣковъ и Вселенскихъ соборовъ, ни по современному положенію вещей, нѣтъ основаній отрицать возможность допущенія на соборъ, кромѣ епископовъ, клира и мірянъ. Напротивъ, именно, въ виду современныхъ потребностей и условій жизни, участіе клира и мірянъ особенно необходимо, при чемъ для оправданія этого достаточно данныхъ и указаній находится въ самой исторіи Православной Церкви. Припомнимъ сказанное о роли императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ и касающихся соборовъ, и объ отношеніи къ ней со стороны самихъ соборовъ и іерархіи. Какими бы причинами мы ни объясняли эту роль, будемъ ли мы видѣть въ императорѣ защитника Церкви, способнаго проводить ея законы въ государственную жизнь, или будемъ смотрѣть на него, какъ на верховнаго субъекта правообразованія въ его народѣ, во всякомъ случаѣ роль его принадлежитъ началу свѣтскому и въ ней это начало получило особенно яркое выраженіе. Что свѣтское начало въ дѣлахъ церковныхъ могло въ тѣ времена ограничиваться однимъ участіемъ императоровъ, вполнѣ ясно уже изъ распространенныхъ тогда взглядовъ на личность императора. Напримѣръ, судя по Ульпіану, въ императорѣ должны были считать сосредоточенными всѣ права народа и онъ разсматривался, какъ единственный его представитель. По господствовавшему римскому воззрѣнію, императоръ, какъ выражается А. Тьерри, являлся воплощеніемъ народа, передавшаго ему всѣ свои права [1]). Такой взглядъ, конечно, не могъ быть чуждымъ тогдашнимъ соборамъ и духовенству. Поэтому, когда въ церковныхъ дѣлахъ принимали столь живое и близкое участіе императоры, то это въ глазахъ всѣхъ могло значить, что въ церковныхъ дѣлахъ принимаетъ участіе весь народъ. Подобная мысль, какъ мы говорили выше, замѣчается и въ сознаніи самихъ императоровъ. Изученіе же при такихъ условіяхъ дѣятельности императоровъ, въ сферѣ церковной жизни, уже прямо свидѣтельствуетъ не только за возможность, но и за необходимость участія свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ, при чемъ въ настоящее время этому началу должно проявляться преимущественно въ формѣ допущенія къ дѣламъ церковнымъ самого вѣрующаго и принадлежащаго къ Церкви народа.

За истекшее тысячелѣтіе и особенно за послѣдніе 100 лѣтъ положеніе главы государствъ и отношеніе къ общественнымъ дѣламъ народа значительно измѣнились и притомъ въ направленіи все большаго и большаго выступленія народа на поприще государственной дѣятельности. Кромѣ того, вмѣсто прежняго признанія за христіанской религіей, главной основы государственнаго управленія и стремленія по возможности устроять подъ ея вліяніемъ государственную жизнь, теперь стараются смотрѣть на религію, какъ на дѣло совершенно частное, на которое государству нѣтъ необходимости простирать свои заботы. Самая исторія современнаго государства, по замѣчанію нѣкоторыхъ,

---

[1]) А. Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и императрица Евдоксія. Христіанское Общество Востока. Москва 1884 года. Глава V.

есть въ то же время процессъ постояннаго обособленія государства отъ Церкви. Въ цивилизованномъ мірѣ вообще обнаруживается явная тенденція къ отдѣленію Церкви отъ государства, иногда выражаемая въ формѣ извѣстнаго положенія: свободная церковь въ свободномъ государствѣ. Все это, конечно, въ той или иной степени отражается и на сознаніи самихъ правителей. Для нихъ на первомъ планѣ уже не сохраненіе единства христіанской вѣры, а стараніе умиротворить сталкивающіеся интересы разныхъ группъ населенія. Въ нихъ, повидимому, все болѣе и болѣе укореняется мысль, нерѣдко вполнѣ поддерживаемая окружающей ихъ безрелигіозной атмосферой, что для государства чуть ли не всѣ вѣры должны считаться одинаковыми. Нынѣшніе государи, вѣроятно, и сами не рѣшатся высказывать о себѣ по отношенію къ дѣламъ религіознымъ то, что мы слышимъ, напримѣръ, отъ Константина Великаго, Ѳеодосія Великаго, Константина Погоната и друг. и едва ли кто изъ нихъ самъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на главу христіанъ, представляющую сосредоточіе ихъ благочестія и заботъ о благѣ Церкви и способную служить выраженіемъ ихъ церковнаго сознанія. Установленное современнымъ строемъ государствъ активное участіе народа въ управленіи страной, конечно, не можетъ быть исключаемо и изъ области жизни церковной. Насколько государи освободили себя отъ самодержавнаго и единоличнаго управленія государствомъ и призвали къ этому народъ, на столько же, по крайней мѣрѣ, это должно произойти и по отношенію, собственно, къ дѣламъ церковнымъ, которыя по самой сущности своей представляютъ достояніе всѣхъ и, какъ затрогивающія сферу совѣсти, каждому еще ближе, чѣмъ дѣла государственныя. При теперешнемъ положеніи государей и ихъ отношеніи къ задачамъ Церкви участіе ихъ однихъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ уже не можетъ достаточно гарантировать принятіе церковныхъ постановленій народомъ и даже государствомъ. Прежнее дѣятельное участіе во всемъ этомъ императоровъ въ XX столѣтіи должно быть замѣнено народнымъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе съ нимъ раздѣлено.

И дѣйствительно, въ разныхъ самостоятельныхъ православныхъ церквахъ Востока, гдѣ государи или далеко не имѣютъ древняго значенія императоровъ или иной вѣры, народу отводится большая роль въ церковномъ управленіи. Въ Константинопольскомъ патріархатѣ, напримѣръ, вскорѣ по завоеваніи его турками, управленіе церковнымъ имуществомъ было предоставлено знатнѣйшимъ народнымъ представителямъ, которые вмѣстѣ съ епископами стали участвовать и въ избраніи патріарха. Во второй половинѣ XVIII вѣка, при патріархѣ Самуилѣ, оказалось необходимымъ ограничить власть патріарха и для уничтоженія разныхъ злоупотребленій была основана герусія, которая состояла изъ 6 митрополитовъ патріаршаго Синода, двухъ грековъ изъ дворянъ и двухъ изъ торговаго сословія и имѣла главный надзоръ надъ патріаршимъ управленіемъ. Послѣ изданія Портой гатти-гумаюма 18 февраля 1856 года о разныхъ привилегіяхъ христіанскихъ исповѣданій, во временный совѣтъ о выработкѣ закона о внутреннемъ церковномъ управленіи патріархата, кромѣ духовенства, вошли

10 народныхъ выборныхъ изъ Константинополя и 11 изъ провинцій. По существующему порядку въ Константинопольскомъ патріархатѣ дѣйствуетъ по 11-ламъ церковно-правительственнымъ, такъ называемый, Смѣшанный Совѣтъ, въ которомъ, кромѣ 4 епископовъ, членами и 8 мірянъ. Въ самомъ избраніи патріарха, кромѣ лицъ духовныхъ, принимаютъ участіе 64 члена изъ мірянъ члены Смѣшаннаго Совѣта и губернаторъ острова Самоса.

Въ Карловицкой митрополіи, въ Венгріи, для завѣдыванія церковно-правительственными дѣлами существуетъ народно-церковный соборъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, изъ всѣхъ епархіальныхъ епископовъ и 75 представителей, изъ которыхъ 25 духовныхъ и 50 свѣтскихъ. Товарищъ предсѣдателя избирается изъ мірянъ. Соборъ этотъ собирается черезъ каждые три года. Веденіе текущихъ дѣлъ лежитъ на соборномъ совѣтѣ, подъ предсѣдательствомъ митрополита, въ который входятъ и пять членовъ изъ мірянъ. Народно-церковному собору принадлежитъ и самое право избранія Карловицкаго митрополита. Кромѣ того, по вопросу объ участіи мірянъ, обращаетъ на себя вниманіе Митрополитско-Церковный Совѣтъ, для разбора духовно-судебныхъ дѣлъ митрополіи. Совѣтъ этотъ состоитъ изъ митрополита, въ качествѣ предсѣдателя, 2 епископовъ, 3 духовныхъ и 3 свѣтскихъ членовъ, избираемыхъ народно-церковнымъ соборомъ, и является апелляціонной инстанціей для дѣлъ, касающихся дисциплины духовенства и браковъ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ представляетъ первую судебную высшую власть по жалобамъ на епархіальныхъ епископовъ и епархіальныя консисторіи и вѣдѣнію его подлежатъ всѣ дѣла, касающіяся вѣры, церковныхъ обрядовъ и строгаго исполненія со стороны духовенства предписаній закона [1]).

Неменьшая роль отведена мірянамъ и въ управленіи дѣлами Сибинской митрополіи въ Австро-Угріи. Высшая церковная власть съ ней принадлежитъ Митрополичьему Синоду или Народно-Церковному Конгрессу, который состоитъ изъ митрополита предсѣдателя и народныхъ представителей въ количествѣ 30 духовныхъ и 60 мірянъ, сохраняющихъ свои полномочія на 3 года. Синодъ собирается не менѣе одного раза въ годъ. Представители мірянъ участвуютъ, конечно, и въ самомъ избраніи митрополита, а затѣмъ въ митрополичьей консисторіи, совмѣщающей въ себѣ власть административную и судебную. Они же введены и въ органы епархіальнаго управленія въ епархіальныя собранія и въ епархіальныя консисторіи. Епархіальное Собраніе состоитъ изъ епископа, 20 духовныхъ и 40 представителей народа и между прочимъ на немъ лежитъ избраніе епископа, о которомъ онъ сообщаетъ Архіерейскому Синоду, вѣдающему дѣла лишь строго духовныя. Въ епархіальной консисторіи въ отдѣленіяхъ училищномъ и епитропскомъ $^2/_3$ членовъ свѣтскіе [2]).

---

[1]) Православное Церковное Право, §§ 29, 86 и 87. Епископа Никодима.

[2]) Основныя черты церковнаго устройства у православныхъ румынъ въ Австро-Угріи Проф. И. С. Пальмова. Петербургъ, 1893 года.

Подобно этому, вполнѣ активное участіе мірянъ обнаруживается и въ Болгарской Экзархійской Церкви. Послѣ изданія султанскаго фирмана 27 февраля 1870 года, положившаго начало самостоятельному болгарскому экзархату, разработка устава для его управленія, принятаго представителями болгарскаго народа на константинопольскомъ собраніи 1871 года, происходила во временномъ совѣтѣ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. По этому уставу для церковно-правительственныхъ дѣлъ учрежденъ Экзархійскій Совѣтъ подъ предсѣдательствомъ экзарха и 6 членовъ, мірянъ, избираемыхъ клиромъ и народомъ всѣхъ епархій. Подобно этому и въ каждой митрополіи подъ предсѣдательствомъ митрополита или его намѣстника долженъ быть епархіальный смѣшанный совѣтъ изъ 3 духовныхъ лицъ и 5—7 мірянъ. Въ 1883 году былъ изданъ экзархійскій уставъ, приспособленный къ княжеству, принятый государственнымъ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ и утвержденный княжескимъ указомъ. По этому уставу экзархъ, епархіальные архіереи и члены епархіальныхъ духовныхъ совѣтовъ избираются особыми избирателями по 6 отъ каждаго намѣстничества епархіи, изъ которыхъ 3 духовныхъ и 3 мірянъ. Уставъ 1883 г. въ общемъ подтвержденъ и позднѣйшимъ узаконеніемъ 13 января 1895 года. Въ избраніи экзарха, кромѣ всѣхъ членовъ Синода, Экзархійскаго Совѣта, епархіальныхъ епископовъ участвуютъ и свѣтскія представители епархій [1]).

Въ составъ избирательныхъ собраній для выбора митрополитовъ должны входить свѣтскія лица и по церковно-государственнымъ законамъ, дѣйствующимъ въ Сербіи и Румыніи.

Вотъ какъ уже давно практикуется въ другихъ такихъ же Православныхъ Церквахъ, какъ и наша Русская, и неужели въ этомъ можно видѣть какое-либо отступленіе отъ православія! Напротивъ, по крайней мѣрѣ, по нашему личному впечатлѣнію, вынесенному изъ непосредственныхъ наблюденій, самое сохраненіе православія, наприм., въ населеніи указанныхъ митрополій въ предѣлахъ Австро-Венгріи, представляющихъ изъ себя какъ бы острова среди моря католицизма, во многомъ обязано именно близкому участію народа въ дѣлахъ церковныхъ

Наконецъ, и помимо поводовъ для замѣны собой роли прежнихъ императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ народъ вообще не долженъ являться какой-то безличной массой, способной лишь повиноваться ученіямъ и дѣйствіямъ духовенства. Это вполнѣ ясно доказываетъ и самая исторія Православной Церкви.

Иногда, вѣроятно, въ виду близкаго участія императоровъ народъ обнаруживалъ себя болѣе въ пассивной формѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ передъ лицомъ всей Церкви становилось яснымъ, что народъ уже въ силу необходимости быть живымъ членомъ тѣла Церкви, стремящимся содѣйствовать ея благу, не можетъ не чувствовать потребности и не имѣть права выступить вполнѣ активной силой въ жизни Церкви. Для вселенскаго значенія собора, между прочимъ, нужно, чтобы рѣшенія его были приняты всѣмъ клиромъ и народомъ

---

[1]) Болгарская Экзархійская Церковь. И. С. Пальмова. Петербургъ 1896 г.

Церкви. Это условіе, по разъясненію епископа Далматинскаго Никодима [1]) особенно важно, потому что касается цѣлаго состава Церкви и, свидѣтельствуя о единодушномъ признаніи святости соборныхъ опредѣленій, въ то же время переноситъ ихъ изъ области теорій въ жизнь Церкви и дѣлаетъ достояніемъ всѣхъ ея членовъ безъ различія ихъ положенія въ церковномъ организмѣ. Нѣкоторыя соборныя опредѣленія могутъ быть единодушно постановлены всѣми собравшимися на соборѣ церковными предстоятелями, но если при этомъ они не будутъ приняты всѣмъ клиромъ и народомъ, то не получатъ и вселенскаго значенія, а также и соборъ, постановившій ихъ, не можетъ тогда считаться вселенскимъ. Бывали соборы еретическіе, наприм., извращавшіе истинный символъ вѣры, или такіе, подъ актами которыхъ подписывалось гораздо болѣе епископовъ, чѣмъ подъ актами вселенскаго, или и такіе, опредѣленія которыхъ подписывали патріархи и императоры. «Но все-таки соборы эти, замѣчаетъ епископъ Никодимъ, не признаны за вселенскіе по одному тому, что вѣрующій народъ не могъ признать рѣшенія ихъ за истинный голосъ Церкви». Одинъ изъ яркихъ примѣровъ значенія голоса народа представляетъ исторія извѣстнаго Флорентійскаго Собора. Постановленія его были приняты и подписаны многими іерархами Восточной Церкви. Между тѣмъ они не получили никакой силы и преимущественно потому что ихъ не признали народъ. Вѣдь не напрасно же Восточные патріархи въ 1848 году въ своемъ отвѣтѣ папѣ Пію IX на его предложеніе объ уніи категорически высказали, что въ Православной Церкви хранителемъ богопочитанія является весь народъ, и такое заключеніе вытекаетъ изъ самой апостольской идеи Христіанской Церкви и вполнѣ подтверждается ея исторіей.

Дѣйствительно, чтобы соборныя опредѣленія вошли въ жизнь церковнаго организма и сдѣлались его общимъ достояніемъ, нужно принятіе ихъ въ свое сознаніе всѣми членами Церкви. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ о значеніи этого принятія или рецепціи, на которую въ послѣднее время обращено много вниманія и въ наукѣ церковнаго права. Въ рецепціи большая роль выпадаетъ на долю собственно самаго тѣла Церкви, т.-е. народа, и безъ этой рецепціи церковныя рѣшенія не могутъ быть дѣломъ всей Церкви и служить выраженіемъ голоса всей Церкви. Это соображеніе находитъ себѣ достаточное подтвержденіе и въ свидѣтельствѣ такихъ лицъ, какъ св. Кипріанъ Карѳагенскій и св. Василій Великій.

Божественный судъ, выраженіемъ котораго должны служить церковныя рѣшенія, по замѣчанію св. Кипріана, обнаруживается въ приговорѣ соепископовъ и голосѣ народа [2]). Подобно этому разсуждаетъ и св. Василій, «Когда нѣтъ въ виду, писалъ онъ Никопольскому причту, ничего человѣческаго и святые мужи устремляются къ дѣйствованію не съ цѣлью собственнаго своего услажденія, но предположивъ себѣ что-либо угодное Богу, тогда явно, что Господь управляетъ сердцами ихъ. А гдѣ духовные мужи начальствуютъ при со-

[1]) Православное Церковное право. § 112, стр. 445.

[2]) Творенія св. Кипріана, Карфагенскаго, ч. I. Письмо 47.

вѣщаніяхъ, *народъ же Господень послѣдуетъ имъ и по единодушному приговору*, тамъ усумниться ли кто, что совѣтъ составляется въ общеніи съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, изліявшимъ кровь Свою за Церковь» [1]). Въ другомъ мѣстѣ, обращая вниманіе на порядокъ церковнаго управленія, св. Василій Великій утверждаетъ, что распоряженія церковныя дѣлаются тѣми, кому ввѣрено правленіе церковное, *и подтверждаются народомъ* [2]).

Эта точка зрѣнія, повидимому, не чужда и св. папѣ Григорію II, и она дѣлаетъ теперь вполнѣ понятнымъ высказанное въ томъ же духѣ и приведенное нами выше замѣчаніе св. Григорія, что, когда все совершается мирно и съ любовью, то христолюбивые императоры и благочестивые архіереи въ своихъ совѣщаніяхъ являются одной нераздѣльной силой [3]).

Такимъ образомъ, необходимость живого и самостоятельнаго участія мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ въ формѣ рецепціи вполнѣ ясно устанавливается и самой исторіей и св. Отцами, и она въ качествѣ важнаго момента должна входить въ то, что называется церковнымъ соборнымъ рѣшеніемъ. Игнорировать же эту составную часть силы соборнаго рѣшенія или стараться свести ее на нѣтъ — значитъ приготовлять возможность новаго раздѣленія въ Церкви и необходимость осуществлять соборное рѣшеніе при помощи чисто внѣшней власти, можетъ-быть, не исключая даже и полиціи.

И вотъ уже для одного обезпеченія рецепціи соборныхъ постановленій всею Церковью должно допустить на соборъ по возможности всѣхъ ея членовъ и отнюдь не устранять отъ него мірянъ. Присутствіе ихъ въ настоящее время особенно необходимо въ виду значительнаго духовно-нравственнаго разъединенія между ними и духовенствомъ, такъ что голосъ мірянъ по дѣламъ церковнымъ всего лучше можетъ быть выраженъ только ими самими и всего менѣе, повидимому, епископами. Но общее совмѣстное дѣйствіе въ этомъ всего русскаго народа невозможно по самой природѣ вещей. Поэтому являются поводы говорить объ образованіи института представительства. Институтъ этотъ, правильно понимаемый и примѣняемый, едва ли противорѣчитъ духу христіанства и задачамъ церковной жизни. Многимъ при мысли о представительствѣ вѣроятно, сейчасъ же придутъ въ голову, борьба партійныхъ интересовъ, предвыборная агитація, не брезгающая самими безчестными средствами, покупка голосовъ у избирателей и т. п. Но человѣческія злоупотребленія какимъ-либо институтомъ еще совершенно недостаточны, чтобы считать его дурнымъ самого по себѣ. Иначе вѣдь многимъ нельзя будетъ давать, наприм., и ножа, потому что вмѣсто употребленія его на пользу себѣ и другимъ люди могутъ рѣзать имъ себя и другихъ. Поэтому оставимъ въ сторонѣ вопросъ о возможныхъ злоупо-

---

[1]) Творенія св. Василія Великаго. Изданіе 4, часть VII Письмо къ Никопольскому причту, № 221.

[2]) Ibid. Письмо къ Градоправителямъ Никополя, № 222.

[3]) Первое посланіе св. папы Григорія къ императору Льву Исаврянину. Дѣянія Всел. Соб т. VII.

требленіяхъ институтомъ представительства и попытаемся отдать себѣ отчетъ въ немъ самомъ и его значеніи съ точки зрѣнія духовно-нравственной.

Извѣстно, что св. ап. Павелъ различаетъ людей по отношенію къ христіанству какъ бы находящимися въ состояніи разныхъ возрастовъ. Есть младенцы, которые соотвѣтственно этому мыслятъ и разсуждаютъ, а есть и болѣе духовные, которые понимаютъ все, какъ зрѣлые мужи [1]). И вотъ естественно, что младшіе возрастомъ нуждаются для исполненія задачъ своей духовно-нравственной жизни въ соучастіи болѣе зрѣлыхъ и нерѣдко должны прибѣгать къ помощи другихъ, при чемъ помощь эта можетъ выражаться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Иногда бываетъ нуженъ совѣтъ, иногда провѣрка своихъ взглядовъ и стремленій, а случается, что для человѣка требуется участіе другого даже въ формулированіи его религіозныхъ мыслей и чувствъ Подобныя обращенія къ другимъ составляютъ прямую необходимость, если только мы, какъ это вполнѣ согласно и съ христіанскимъ духомъ, не довольствуемся результатами однихъ своихъ дѣйствій и одной своей жизни, но стремимся перейти за предѣлы, ограниченные нашей индивидуальностью и, такъ сказать, расширить нашу личность при помощи другихъ. Въ этомъ пользованіи услугами другихъ для цѣлей собственной духовно-нравственной жизни обнаруживаются уже элементы зарожденія возможности въ ней своего рода института представительства. Если же имѣть въ виду обще-церковную жизнь съ ея высокими и часто очень сложными задачами, то для людей, желающихъ принимать въ ней активное участіе, услуги въ этомъ другихъ, болѣе подготовленныхъ и духовно зрѣлыхъ, являются еще болѣе необходимыми. Чтобы лучше судить о вопросахъ обще-церковной жизни, безъ сомнѣнія нужна извѣстная степень христіанскаго развитія, возможно широкое пониманіе окружающей жизни, достаточное знакомство съ историческимъ опытомъ, способность отражать въ себѣ потребности церковной жизни и дѣлать ихъ ясными для всѣхъ и т. п. И, конечно, для плодотворнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ, для очень многихъ окажется справедливымъ и полезнымъ позаботиться объ образованіи въ нихъ института представительства, черезъ который они будутъ имѣть возможность, такъ сказать, расширить и улучшить свою церковную дѣятельность. Здѣсь мы не говоримъ уже о другихъ чисто физическихъ причинахъ, вызывающихъ необходимость этого института, какъ наприм., о невозможности личнаго участія населенія, отдаленности мѣстожительства отъ центральныхъ городовъ и т. п.

Правильно и по совѣсти примѣняя институтъ представительства, человѣкъ получаетъ черезъ это новые поводы къ проявленію отреченія отъ своего эгоистическаго «я» тѣмъ, что будетъ выражать предпочтеніе себѣ другого, какъ болѣе высшаго и болѣе способнаго понимать обще-церковныя нужды и задачи и вообще ставить выше своей собственной пользу общую. А развѣ все это можно считать противнымъ духу христіанства, которое въ лицѣ Апостола запо-

---

[1]) 1 Коринѳ. III, 1 и 2 и XIII, 11, и Ефес. IV, 13 - 14.

вѣдуетъ: никому не искать своего, но каждому пользы другого. (1 Коринѳ. X, 24). Кромѣ того, удачное избраніе нами представителей для обсужденія церковныхъ дѣлъ вполнѣ могло бы замѣнить наше личное участіе и лучше насъ самихъ гарантировать его плодотворность. Соображенія, чувствованія, и стремленія подобныхъ представителей легко могутъ быть разсматриваемы, какъ содержащія въ себѣ и мысли, чувствованія и желанія большинства ихъ избирателей, поскольку въ болѣе высокомъ, ясномъ и широкомъ заключается уже менѣе высокое, ясное и болѣе узкое. Вѣдь, если бы на какой-либо Соборъ по вопросу объ аріанствѣ мы избрали такое лицо, какъ св. Аѳанасій Великій, то кто же усумнился бы, что онъ способенъ высказать вмѣсто насъ все, что должно. Его мысли и чувствованія мы не только, вѣроятно признали бы и своими, но и готовы были бы сами поучаться глубинѣ ихъ смысла. По отношенію къ такому представителю развѣ мы затруднились бы употребить въ перефразѣ извѣстное старо англійское выраженіе, что каждый изъ насъ былъ представленъ на соборѣ и даже самъ присутствовалъ тамъ въ лицѣ своего выборнаго!

Или, наприм., допустимъ, что вмѣсто насъ на ожидаемый Помѣстный Соборъ Русской Церкви могли бы явиться избранные нами Ал. С. Хомяковъ, Ю. Ф. Самаринъ, П. С. Аксаковъ, Вл. С. Соловьевъ и т. п. Полагаемъ, что большинство изъ насъ не только съ спокойнымъ сердцемъ, но и по сознанію своей обязанности передъ общей пользой, перенесло бы на этихъ лицъ свое личное участіе на Соборѣ и охотно предоставило бы имъ выражать за себя и за насъ заботы о благѣ Церкви.

Наконецъ, правильное пользованіе институтомъ представительства можетъ содѣйствовать въ настоящее время къ усиленію нѣкоторыхъ взаимно скрѣпляющихъ связей, которыя, по разъясненію ап. Павла. (Ефес. IV, 16), должны быть въ церковномъ организмѣ. Когда каждый членъ Церкви въ свою мѣру будетъ дѣйствовать для ея блага, одинъ будетъ отыскивать людей способныхъ къ активному участію въ ея дѣлахъ и вручать имъ свои заботы о Церкви, а другой будетъ исполнять все это по совѣсти, то ясно возникновеніе новой скрѣпляющей связи между избирателемъ и выборнымъ, а черезъ послѣдняго и между народомъ и духовенствомъ, которому принадлежитъ первая роль въ попеченіяхъ о Церкви, но которое теперь потеряло много нитей изъ духовно-нравственной связи его съ народомъ.

Института народнаго представительства по дѣламъ церковнымъ, конечно, нечего искать въ Византіи въ періодъ Вселенскихъ Соборовъ, такъ какъ тогда не было историческихъ мотивовъ къ его возникновенію. Дѣятельное участіе самодержавнаго императора, главы и руководителя христіанскаго народа, исключало его необходимость. При такихъ условіяхъ отсутствіе института народнаго представительства въ древнія времена, безъ сомнѣнія, еще не можетъ говорить противъ него вообще. Напротивъ, исторія Вселенскихъ Соборъ представляетъ ясныя доказательства, что въ извѣстной степени институтъ представительства вообще, по крайней мѣрѣ, фактически былъ признанъ Церковью еще

и въ тѣ времена. Въ актахъ Вселенскихъ и одного изъ Константинопольскихъ Соборовъ по дѣлу Евтихія находится немало разныхъ указаній, свидѣтельствующихъ объ этомъ. Въ актахъ, наприм., IV Вселенскаго Собора встрѣчается достаточно лицъ въ санѣ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ съ указаніемъ, что они занимаютъ мѣсто того или иного епископа, а Бонифацій, пресвитеръ и легатъ святой Церкви древняго Рима, при подписаніи акта о себѣ добавилъ: также занимавшій мѣсто святѣйшаго архіепископа Льва вмѣстѣ съ почтенною и блаженною и апостольскою церковью папы Льва, опредѣливши осужденіе Діоскора, подписалъ. Пресвитеръ же Ефроній наименовалъ себя представлявшимъ епископа Кукузскаго [1]).

Но, кромѣ того, представителями епископовъ могли являться и люди, не имѣющіе священнаго сана, какъ, напримѣръ, чтецы. Подъ опредѣленіями Второго Вселенскаго Собора между прочими подписями значится: Атарбій (епископъ), въ лицѣ чтеца Кирилла [2]).

Изъ подписей членовъ IV Вселенскаго Собора видно, что не только епископы, но и пресвитеры, являвшіеся мѣстоблюстителями патріаршихъ престоловъ, посылали на соборъ своихъ представителей [3]). А среди подписей подъ опредѣленіями Константинопольскаго собора объ отлученіи Евтихія попадаются, напримѣръ, такія: Іовъ, пресвитеръ и архимандритъ, подписалъ низложеніе Евтихія черезъ діакона моего, Андрея. Іаковъ, діаконъ и архимандритъ Сирскій, черезъ монаха моего, Зотика, подписалъ низложеніе Евтихія [4]). Особенно много интересныхъ для даннаго вопроса, названій и подписей находится въ разныхъ актахъ VII Вселенскаго Собора. Посланные папой, напримѣръ, прямо обозначаютъ себя представителями Адріана, папы древняго Рима [5]). Затѣмъ немало лицъ, въ санѣ пресвитера и даже діакона, отмѣчаютъ, что они являются представителями то какого-либо епископа лично, то, напримѣръ, престола назіанскаго, леонтопольскаго, ставропольскаго и друг., очевидно, раздѣляя эти два вида представительства. Въ числѣ разныхъ представителей указаны еще два лица, Іоаннъ, Божіею милостію пресвитеръ и патріаршій синкелъ, и Ѳома, Божіею милостію пресвитеръ и игуменъ обители св. Арсенія, которые свидѣтельствуютъ о себѣ, что каждый изъ нихъ дѣйствуютъ въ качествѣ представителя трехъ апостолическихъ престоловъ: александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. На этомъ же соборѣ участвовало много лицъ изъ монаховъ въ санѣ пресвитера, діакона и даже безъ всякой степени священства, изъ которыхъ одни именуютъ себя представителями лично епископа, другіе — цѣлаго престола, напримѣръ, Метеллопольскаго, Смирнскаго и друг., третьи смотрѣли на себя, какъ на представителей лишь игуменовъ разныхъ монастырей. Кромѣ

---

1) Дѣянія Всел. Соб. т. III. Соборъ Халкидонскій. Дѣяніе I, стр. 57—65. и Дѣяніе III, стр. 288—295.

2) Ibid. т. II. Соборъ Вселенскій II. Подписи, стр. 115.

3) Ibid. т. VI. Подписи Отцовъ Собора, стр. 232.

4) Ibid. т. III. Дѣяніе седьмое въ Константинополѣ, стр. 131—132.

5) Ibid. т VII. Соборъ Вселенскій VII. Дѣяніе VII.

того, въ актахъ обращаетъ на себя вниманіе подпись: Никита, недостойный пресвитеръ и избранникъ Церамскій, въ которой есть намеки на какое-то избраніе его областью, и это тѣмъ примѣчательнѣе, что вмѣстѣ съ пресвитеромъ-избранникомъ присутствовали на соборѣ и два епископа изъ той же области, изъ города Акмоніи [1]). Въ спискѣ лицъ, собравшихся на соборѣ, мы находимъ двухъ, безъ приписыванія имъ какого-либо духовнаго сана и просто названныхъ: Стефанъ, довѣренный Отрскій и Іоаннъ, довѣренный Гекторійскій [2]). Въ другомъ мѣстѣ, въ актахъ Дѣянія II, эти лица названы: Стефанъ, избранникъ Отрскій и Іоаннъ, избранникъ Гекторійскій. Подобно этому и въ числѣ подписей, подъ опредѣленіями собора, безъ указанія на какой-либо священный санъ значатся: Констансъ, представитель города Агаи, и Никифоръ, представитель Гаргарскій [3]). Если бы эти лица имѣли духовный санъ, то, судя по принятому во всѣхъ актахъ собора обыкновенію точно отмѣчать его, это и было бы указано. Выходитъ, повидимому, что на соборѣ принимали дѣятельное участіе и лица безъ священнаго сана и при томъ въ качествѣ представителей цѣлыхъ мѣстностей, да еще какъ будто посланные путемъ избранія. Конечно, вопросъ этотъ требуетъ особаго изслѣдованія, а до тѣхъ поръ мы удерживаемся отъ всѣхъ возможныхъ изъ него выводовъ, но во всякомъ случаѣ нѣкоторыя обозначенія въ актахъ VII Вселенскаго Собора, касающіяся его членовъ, даютъ намеки, которые скорѣе пригодны для подтвержденія, чѣмъ для отрицанія высказанныхъ нами выше соображеній объ участіи на соборахъ мірянъ.

Такимъ образомъ, въ эпоху вселенскихъ соборовъ, институтъ представительства въ области Церкви обнаруживался въ томъ, что отдѣльные лица, обыкновенно не имѣвшіе епископскаго достоинства и присутствовавшіе на соборахъ, разсматривались въ качествѣ представителей то какого-либо епископа лично, то пресвитеровъ, которые, въ свою очередь, являлись мѣстоблюстителями патріаршихъ престоловъ, то какъ представители того или иного настоятеля монастыря, какого бы священнаго сана онъ ни былъ, то какъ представители церквей разныхъ мѣстностей и городовъ, а то и цѣлыхъ патріаршихъ престоловъ, да еще нѣсколькихъ сразу. Поэтому, при сознаніи необходимости привлечь мірянъ къ дѣятельному участію на соборѣ и въ дѣлахъ церковныхъ, вопросъ объ ихъ представительствѣ со стороны принципіальной едва ли можетъ встрѣтить затрудненіе и быть отвергаемъ, какъ противорѣчащій христіанскому духу и церковному порядку.

Въ настоящее время институтъ народнаго представительства является уже достаточно развитымъ и вошедшимъ въ жизнь многихъ православныхъ церквей.

Въ Константинопольскомъ патріархатѣ, напримѣръ, въ избраніи патріарха участвуютъ между прочими 2 выборныхъ отъ церквей Константинополя, 28 пред-

---

[1]) Ibid. Дѣяніе II, Дѣяніе IV. и Дѣяніе VII.

[2]) Ibid. Дѣяніе I.

[3]) Опредѣленіе VII Вселенскаго Собора. Дѣяніе VII, т. VII.

ставителей отъ епархій, 8 представителей отъ чиновниковъ и 16 отъ торговаго и ремесленнаго классовъ. Въ Карловицкой митрополіи, въ составъ народно-церковнаго собора, входятъ 75 представителей отъ епархіи, изъ которыхъ 50 свѣтскіе. Представители эти принимаютъ участіе въ избраніи митрополита и членовъ въ Соборный Совѣтъ и Митрополичій Церковный Совѣтъ, въ которые также входятъ и свѣтскіе члены.

Въ Румынской Церкви, въ избраніи митрополита, въ качествѣ народныхъ представителей участвуютъ всѣ православные депутаты народнаго собранія и всѣ сенаторы.

Особенно сильно развито начало народнаго представительства въ Сибинской митрополіи. 60 свѣтскихъ лицъ и 30 духовныхъ, въ качествѣ представителей отъ епархій церковной области, входятъ въ составъ Митрополичьяго Сиода или иначе Народно-церковнаго конгресса. Для выбора представителей, каждая епархія, по распредѣленію епархіальной консисторіи, раздѣляется на округи, которые избираютъ по одному представителю изъ лицъ свѣтскихъ, а духовенство двухъ соединенныхъ округовъ избираетъ по одному представителю. Полномочія представителей сохраняются въ теченіе 3 лѣтъ. Конгрессъ избираетъ членовъ въ Митрополичью Консисторію. Въ народно-церковномъ собраніи, для избранія митрополита, участвуютъ 120 депутатовъ отъ епархій, изъ которыхъ половина приходится на епархію митрополита. Въ органахъ управленія епархіальнаго также значительная роль отведена народнымъ представителямъ. Епархіальное Собраніе составляютъ, кромѣ епископа, 60 депутатовъ отъ духовенства и мірянъ съ полномочіями на 3 года. Для избранія ихъ каждая епархія раздѣляется на 21 одинаковыхъ по размѣру округовъ. Въ каждомъ избирательномъ округѣ избираютъ три особыхъ представителя, изъ которыхъ одинъ священникъ и два свѣтскихъ. Кромѣ того, епархіальная консисторія назначаетъ для каждаго округа по два уполномоченныхъ, одного духовнаго для духовенства и одного свѣтскаго для мірянъ. Подъ предсѣдательствомъ уполномоченнаго отъ консисторіи, священники, избравъ комиссію изъ 2 членовъ и 1 секретаря, немедленно приступаютъ къ выборамъ, которые производятся открытой подачей голосовъ, а при желаніи одной трети избирателей—посредствомъ закрытой баллотировки. Получившій большинство голосовъ считается выбраннымъ и объ избраніи его сообщается епархіальной консисторіи. Для избранія же свѣтскаго представителя церковныя общины сходятся на приходскія собранія и, по выборѣ изъ своей среды предсѣдателя, двухъ уполномоченныхъ и одного секретаря, приступаютъ къ выборамъ. Каждый избиратель сразу подаетъ голосъ за двухъ представителей, при чемъ, обыкновенно, голоса подаются открыто, но при желаніи 20 избирателей производится закрытая баллотировка. Актъ избранія, за подписью предсѣдателя, уполномоченнаго и секретаря съ приложеніемъ печати одного изъ уполномоченныхъ, передается другому уполномоченному отъ консисторіи. Въ назначенное время всѣ уполномоченные отъ округовъ собираются вмѣстѣ и приносятъ съ собой запечатанныя избирательныя записки, которыя, подъ на-

блюденіемъ уполномоченнаго отъ консисторіи, провѣряются и вносятся въ протоколъ. Два лица, получившіе большинство голосовъ, при чемъ въ случаѣ равенства дѣло рѣшается жребіемъ, провозглашаются представителями, въ удостовѣреніе чего имъ выдается свидѣтельство за подписью уполномоченнаго консисторіи. Для участія въ выборахъ и права быть избраннымъ въ депутаты требуется принадлежность къ православію, совершеннолѣтіе, безукоризненное поведеніе и исполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ Церкви. Входящіе въ составъ Епархіальнаго Собранія депутаты, вмѣстѣ съ нимъ при освобожденіи каѳедры, избираютъ новаго епископа, а также и членовъ въ епархіальную консисторію [1])

Въ Болгарской Церкви представители епархій участвуютъ въ избраніи экзарха, епархіальныхъ архіереевъ и членовъ епархіальныхъ духовныхъ совѣтовъ, при чемъ самые представители избираются въ каждой епархіи особыми избирателями въ числѣ 6 человѣкъ отъ каждаго намѣстничества, изъ которыхъ трое приходскіе священники, а трое — міряне. Для выбора мірянъ требуется быть православными, не моложе 30 лѣтъ, членами того или другого прихода, быть извѣстными своею благочестивою жизнью и честнымъ поведеніемъ, не опороченными по суду и т. п. За три мѣсяца до выборовъ св. Синодъ по соглашенію съ правительствомъ предписываетъ епархіальному начальству о производствѣ выборовъ избирателей. Мѣстный архіерей дѣлаетъ распоряженіе, чтобы епархіальный совѣтъ вмѣстѣ съ двумя приходскими священниками составилъ списокъ лицъ, избираемыхъ въ томъ уѣздѣ, гдѣ находится каѳедра епископа, а въ другихъ мѣстахъ епархіи это исполняютъ при участіи двухъ священниковъ архіерейскіе намѣстники, напоминающіе нашихъ благочинныхъ. Въ приходахъ, подчиненныхъ непосредственно архіерею, онъ приглашаетъ церковныя настоятельства избрать изъ числа прихожанъ по одному выборщику. Избранные собираются въ каѳедральный городъ, гдѣ назначенный архіереемъ намѣстникъ съ двумя священниками провѣряетъ правильность выборовъ, а затѣмъ приглашаетъ ихъ приступить къ избранію посредствомъ закрытой баллотировки по большинству голосовъ трехъ епархіальныхъ избирателей изъ духовныхъ лицъ и трехъ изъ мірянъ. Протоколъ избранія за надлежащими подписями посылается митрополиту. Въ предѣлахъ же вѣдомства архіерейскихъ намѣстниковъ выборы епархіальныхъ избирателей происходятъ подъ его предсѣдательствомъ. Одинъ экземпляръ протокола вмѣстѣ со списками избираемыхъ посылается епархіальному начальству, другой оставляется въ архивѣ намѣстничества. По полученіи протоколовъ епархіальный епископъ вмѣстѣ съ Совѣтомъ разсматриваютъ производство выборовъ и составляютъ актъ объ утвержденіи выборныхъ въ званіи епархіальныхъ избирателей, сообщая ихъ имена въ св. Синоду и министерству исповѣданій, а самимъ избирателямъ выдаютъ удостовѣренія, съ которыми они должны являться на избирательныя собранія. Срокъ полномочія избирателей — че-

---

[1]) Основныя черты церковнаго устройства у православныхъ румынъ въ Австро-Угріи. И. Пальмова. Спб. 1898 г.

тырехлѣтній. Изъ епархіальныхъ избирателей цѣлаго экзархата избираются кандидаты въ члены Экзархійскаго Совѣта также на 4 года. При наступленіи необходимости избранія экзарха предсѣдательствующій въ Синодѣ старшій архіерей вмѣстѣ съ членами Экзархійскаго Совѣта между прочимъ отправляетъ окружное посланіе о созывѣ избирателей на собраніе подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго архіерея или его намѣстника. Посредствомъ закрытой баллотировки по большинству голосовъ избираются по два свѣтскихъ представителя отъ каждой епархіи, которые должны входить въ составъ избирательнаго собранія. Снабженные актомъ за подписью избирателей, утвержденнымъ мѣстнымъ архіереемъ и членами епархіальнаго совѣта съ его печатью, эти лица отправляются въ резиденцію экзарха на общее собраніе. По провѣркѣ ихъ полномочія св. Синодомъ и Экзархійскимъ Совѣтомъ начинаются выборы экзарха [1]).

Такимъ образомъ, начало народнаго представительства, хотя и въ неодинаковыхъ видахъ и при разныхъ системахъ выборовъ, во многихъ православныхъ церквахъ сдѣлалось, какъ видимъ, уже правильно функціонирующимъ институтомъ. И современные примѣры его тамъ могутъ помочь въ примѣненіи его къ Русской церковной жизни.

Но съ мыслью о примѣненіи начала представительства тѣсно связанъ вопросъ и о тѣхъ условіяхъ, которымъ должны удовлетворять избиратели и избираемые съ церковной точки зрѣнія.

Церковное общество, конечно, не есть лишь простая совокупность людей. Народъ въ христіанской Церкви представляетъ изъ себя не только образующееся изъ суммы отдѣльныхъ величинъ соединеніе человѣческихъ индивидуумовъ, но и организованное единство, или по обычному выраженію самое тѣло живого организма Церкви. Поэтому въ каждомъ членѣ Церкви непремѣнно должно обнаруживаться нѣчто общее, составляющее основу церковной жизни, и присутствіемъ этого общаго обусловливается и самая принадлежность человѣка къ Церкви. Въ основаніе же Церкви, прежде всего, положена, какъ извѣстно, вѣра и убѣжденіе, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Бога живаго (Матѳ. XVI, 16—18). Эта вѣра въ Божественность Христа то въ болѣе пассивной формѣ, то при случаѣ переходящая въ пламенное исповѣданіе до положенія ради него своей жизни, должна быть въ каждомъ членѣ Церкви. Она должна проникать человѣка подобно закваскѣ, придающей всему тѣсту особыя свойства, и является первымъ признакомъ христіанина. Это основное единомысліе по отношенію къ І. Христу и вѣрѣ въ Него и составляетъ главную часть того жизненнаго цемента, который связываетъ людей въ организмъ тѣла Христова [2]). Только единомысленные, по разъясненію св. Кипріана Карѳагенскаго, живутъ и пребываютъ въ Церкви

---

[1]) Болгарская Экзархійская Церковь. И. Пальмова, Спб. 1896 г.

[2]) Срав. Привѣтственное слово VI Вселенскаго Собора императору Константину. Дѣянія Всел. Соб., т. VI.

Христовой [1]). Но такая вѣра и единомыслие, если они жизненны въ душѣ, не могутъ не обнаруживаться и во внѣшнемъ поведеніи и прежде всего въ общеніи въ молитвахъ (Рим. XV, 5 и 6), въ участіи при совершеніи св. Евхаристіи въ воспоминаніе Спасителя и въ пріобщеніи Его тѣла и крови, какъ это вполнѣ ясно и проявлялось въ первоначальной Церкви (Дѣянія II, 42). Поэтому недостатокъ во всемъ этомъ можетъ служить признакомъ или потери человѣкомъ необходимой вѣры или столь сильнаго ея ослабленія, что при такой вѣрѣ членъ Церкви находится уже въ состояніи замиранія и скоро вовсе атрофируется. Вотъ почему въ эпоху Вселенскихъ Соборовъ, когда особенно старались ограждать Церковь отъ всякаго рода посторонних для нея элементовъ, было признано на Соборѣ Антіохійскомъ, что лица, по какому-то уклоненію отъ порядка не имѣющія общенія съ народомъ въ молитвѣ и отвращающіяся отъ святого пріобщенія Евхаристіи, должны считаться отлученными отъ Церкви, пока не исповѣдуются, не покажутъ плодовъ покаянія и умоляя о прощеніи, его не получатъ [2]). Подобно этому разсуждалъ и Трулльскій Соборъ. Въ своемъ 80 правилѣ онъ предписываетъ, что лица изъ духовенства, не исключая и епископа, и мірянъ, живущіе въ городѣ и безъ крайней необходимости и препятствія не являющіяся въ церковное собраніе въ три воскресные дня въ теченіе трехъ недѣль, если они духовные, извергаются, а если міряне да будутъ удалены отъ общенія.

Существенными признаками понятія человѣка, принадлежащаго къ Церкви, мы и должны пользоваться всякій разъ, какъ намъ предстоитъ разрѣшать вопросъ, кто изъ окружающихъ насъ людей можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ болѣе или менѣе живого члена церковнаго организма. А съ такимъ вопросомъ непремѣнно придется столкнуться, когда народу будетъ предоставлено право активнаго участія въ дѣлахъ церковныхъ и ему потребуется выбирать людей, которые могли бы являться его представителями въ церковномъ управленіи и на соборахъ, созываемыхъ для устроенія церковной жизни. Безъ сомнѣнія, никто изъ принадлежащихъ къ Церкви не можетъ быть допущенъ къ участію въ ея дѣлахъ. Это прямо противорѣчило бы здравому смыслу. Если бы какое-либо общество предоставило всѣмъ безъ разбору право распоряженія его дѣлами, то вѣдь это скоро повело бы не только къ остановкѣ его развитія, но и прямо къ разложенію общества. Подобныя соображенія руководили, повидимому, и отцами Втораго Вселенскаго Собора при составленіи ими правила 2, которымъ Соборъ воспретилъ лицамъ отчужденнымъ отъ Церкви приносить обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ. Понятно, что лица, не принадлежащіе къ Церкви, отторгнувшіеся отъ единомыслія со всѣми и общаго церковнаго духа, легко могли дѣлать обвиненія епископовъ не только не ради интересовъ Церкви, а именно для того, чтобы причинить имъ какой-

---

[1]) О единствѣ Церкви. Творенія, ч. II, Кіевъ 1891 г.

[2]) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ. Правило 2, Антіох. Собора.

либо ущербъ. Своимъ вторымъ правиломъ Вселенскій Соборъ, повидимому, и предупреждаетъ такія вредныя для блага Церкви стремленія.

Конечно, самое установленіе признаковъ принадлежности къ Церкви, исключая основныхъ, въ значительной мѣрѣ должно обусловливаться временемъ и обстоятельствами. Въ Россіи, наприм., въ этомъ отношеніи нужно быть очень осторожными и не рѣшать вопроса по однимъ внѣшнимъ указаніямъ. У насъ очень много людей, считаемыхъ находящимися въ Церкви только потому, что при рожденіи они записаны въ метрики православными. Не мало затѣмъ такихъ, которые приступали даже къ св. Пріобщенію, но или по требованію правилъ службы или по распоряженію начальства или подъ вліяніемъ необходимости вступить въ бракъ. Принадлежности къ Православной Церкви, какъ справедливо отмѣчаетъ и епископъ Волынскій, въ Россіи не можетъ гарантировать ни окончаніе духовной школы, ни полученіе ученой богословской степени, не исключая и самыхъ высшихъ, и даже ни нахожденіе на службѣ въ качествѣ преподователя семинаріи или духовной академіи. Съ другой стороны въ Россіи могутъ оказаться многіе, которые уже давно не принимали должнаго участія въ церковной жизни только вслѣдствіе отдаленности разстояній и разныхъ другихъ чисто-внѣшнихъ причинъ или же по невѣдѣнію, вынесенному изъ школы и до времени поддерживаемому окружающей жизнью.

Поэтому разрѣшеніе вопроса, кто можетъ быть признанъ входящимъ въ церковный организмъ въ качествѣ болѣе или менѣе его живаго члена, должно предоставить самому народу въ единеніи съ клиромъ и епископами, когда путемъ личнаго общенія и совмѣстной оцѣнки это можетъ выясниться всего вѣрнѣй. Допущеніе народа съ его представителями къ активному участію въ дѣлахъ церковныхъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшее время требуетъ организаціи, разсчитанной на возможно тѣсное взаимообращеніе въ этомъ народа и духовенства во главѣ съ епископами, которые въ лицѣ Синода или особаго Собора должны составлять и инстанцію контролирующую. Самые же выборы представителей для участія на соборѣ или въ церковномъ управленіи вообще въ виду условій русской жизни должны быть устроены не по типу, приближающемуся къ двухстепеннымъ, какъ это практикуется, наприм., въ церквахъ Сибинской и Болгарской, а скорѣе по типу трехстепенныхъ, чтобы представители проходили, такъ сказать, черезъ большую фильтрацію и могли бы быть избираемы болѣе компетентными выборщиками.

При правильной и соотвѣтствующей современнымъ потребностямъ организаціи выборовъ отпадаетъ и высказываемое епископомъ Волынскимъ опасеніе, что въ составъ собора могутъ войти какіе-то духовные и свѣтскіе декаденты, отъ которыхъ нельзя ожидать ничего хорошаго для блага Церкви.

Здѣсь мы не касаемся подробно вопроса о самой системѣ выборовъ и ихъ организаціи, требующаго отдѣльнаго изслѣдованія, но однако и теперь мы должны замѣтить, что, вслѣдствіе новизны института представительства для русской жизни и слабаго развитія въ ней общественности, въ первое время черезъ него,

можетъ-быть, не удастся привлечь нѣкоторыхъ лицъ способныхъ принести пользу на соборѣ своимъ пониманіемъ церковныхъ интересовъ и достаточно яркимъ отраженіемъ въ себѣ церковнаго сознанія. Поэтому слѣдовало бы предоставить право съ разрѣшенія духовной власти участвовать на соборѣ, кромѣ избранныхъ представителей, и другимъ лицамъ, стремящимся къ этому, принадлежащимъ, конечно, къ Православной Церкви и удовлетворяющимъ извѣстнымъ условіямъ.

При обсужденіи вопроса о составѣ собора и допущеніи на него клира и мірянъ обыкновенно возбуждаютъ затѣмъ вопросъ, съ какимъ голосомъ они явятся, рѣшающимъ или совѣщательнымъ, при чемъ одни требуютъ для нихъ голоса рѣшающаго, а другіе готовы удовлетвориться и совѣщательнымъ. Строго говоря, въ исторіи Вселенскихъ Соборовъ мы не находимъ вполнѣ достаточно данныхъ для разрѣшенія такого современнаго вопроса. Это вполнѣ и понятно. На соборы, какой бы составъ ихъ ни былъ, отнюдь нельзя смотрѣть, какъ на что-то въ родѣ нашихъ парламентовъ. Въ жизни парламентовъ дѣйствительно играетъ важную роль большинство, которое только въ силу своего числа подавляетъ соображенія меньшинства, хотя бы меньшинство не только не согласилось съ большинствомъ, но и питало къ его мнѣніямъ самую непримиримую вражду. При такихъ условіяхъ вопросъ о правѣ голосованія, естественно, получаетъ громадное значеніе и выступаетъ на первый планъ. Церковные же соборы прежде всего покоились на духовно-нравственной основѣ и ставили своей задачей, какъ это можно подтвердить многими документами того времени, чтобы при общемъ согласіи всѣхъ по изслѣдованіи всей истины и по устраненіи всякаго пристрастія яснѣе открылась истина и чтобы уже не могло быть никакого сомнѣнія или разномыслія [1]). Соборы имѣли цѣлью установить въ томъ или иномъ отношеніи духовно-нравственное единеніе членовъ Церкви и отъ соборовъ-то по преимуществу требовалось исполненіе наставленія апостола Павла блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. (Ефес. IV, 3).

Одушевленные всѣмъ этимъ члены Собора естественно придавали рѣшающее значеніе тому голосу, который наиболѣе достигалъ указанной цѣли собора. Дѣйствительно, къ какой категоріи нужно отнести, наприм., голосъ пресвитера Мальхіона на Антіохійскомъ Соборѣ по дѣлу Павла Самосотскаго, благодаря которому Соборъ уяснилъ себѣ истинное пониманіе вопроса ? Какъ должно опредѣлить затѣмъ голосъ архидіакона св. Аѳанасія Великаго на I Вселенскомъ Соборѣ? и т. п. На соборахъ рѣшало дѣло не число голосовъ, а ихъ духовно-нравственная сила и значеніе. Какъ должны дѣйствовать соборныя рѣшенія вообще, очень характерное указаніе мы находимъ въ исторіи VII Вселенскаго Собора, которое мы уже и отмѣтили выше. При чтеніи народу на послѣднемъ засѣданіи Собора нѣкоторыхъ матеріаловъ, относящихся къ его дѣяніямъ, всѣ, какъ сказано въ актѣ этого засѣданія, умилились сердцемъ и почувствовали

---

[1]) Сравн. Списокъ съ Высочайшаго повеленія, посланнаго отъ Императора Маркіана къ епископамъ всѣхъ странъ. Дѣянія Всел. Соб., т. III., отд. 1.

влеченіе къ истинѣ. Епископы вмѣстѣ съ народомъ стали произносить приличныя благословенія и всѣ славословили Бога [1]). Подобное вліяніе соборныхъ постановленій, конечно, не могло бы обезпечить только одно вотированіе за нихъ преобладающаго большинства голосователей.

Вѣдь и съ точки зрѣнія самой Апостольской идеи Церкви, какъ живого тѣла Христова, недопустимо, чтобы соборъ, призванный служить голосомъ Церкви, могъ постановить свое рѣшеніе при непримиримомъ несогласіи и подъ вліяніемъ чисто условнаго и посторонняго для жизни Церкви обстоятельства — числа. Если на соборѣ вмѣсто достиженія единомыслія то или другое важное опредѣленіе могло бы послѣдовать только потому, что за него выскажутся на 2—3 голоса больше, а члены собора, оставшіеся въ меньшинствѣ, окажутся въ полномъ разномысліи съ большинствомъ и уйдутъ съ собора непримиримыми съ его опредѣленіями въ своей совѣсти, внося свои сомнѣнія и враждебность въ среду Церкви, то такой соборъ долженъ быть признанъ не состоявшимся и распущенъ. Спустя нѣкоторое время, достаточное однако для успокоенія несогласій и выясненія вопросовъ уже при содѣйствіи всѣхъ желающихъ этого членовъ Церкви, Помѣстный Соборъ нужно созвать вновь или пригласить еще къ участію на немъ и представителей другихъ православныхъ церквей. Иначе ожидаемый соборъ Русской Церкви можетъ сдѣлаться не началомъ созиданія правильной церковной жизни, а поводомъ къ ея большему разложенію.

Итакъ вопросъ о категоріи голосовъ на соборѣ едва ли можетъ имѣть большое значеніе. Слишкомъ сильная забота въ этомъ отношеніи о своихъ юридическихъ правахъ скорѣе свидѣтельствуетъ о недостаточномъ пониманіи самой задачи собора и о неподготовленности къ нему своимъ нравственно-духовнымъ сознаніемъ.

Во всякомъ же случаѣ допущенные на соборъ представители духовенства и мірянъ не должны играть роль молчаливо внимающихъ людей. Въ подтвержденіе этого изъ глубины вѣковъ ясно слышится указаніе Седьмого послѣдняго Вселенскаго Собора о томъ, что по справедливости каждый изъ находящихся на соборѣ долженъ подавать свой голосъ и провозгласить свое исповѣданіе [2]).

Чтобы голосованіе на соборѣ возможно болѣе соотвѣтствовало его цѣли и вело къ единомыслію, въ настоящее время при многихъ ненормальностяхъ въ церковной жизни, при сильномъ проявленіи въ ней сословности и при непривычкѣ въ соборности, можетъ-быть, окажется полезнѣе для членовъ собора, не епископовъ, установить подачу голосовъ не лично, а наприм., по епархіямъ или какимъ-либо инымъ отдѣльнымъ всесословнымъ группамъ. Представителямъ епархій, конечно, будетъ легче сговориться сначала между собой, при чемъ въ этомъ соглашеніи можетъ участвовать и мѣстный епархіальный епископъ. При голосованіяхъ по епархіямъ отдѣльные лица, обнаруживающія склонность

---

[1]) Дѣяніе Вселен. Соб. т. VII. Дѣяніе Собора VIII.

[2]) См. Дѣяніе II. Ibid т. VII.

къ рѣзкому разномыслію или къ преслѣдованію какихъ-либо сословныхъ цѣлей, получатъ, такъ сказать, нѣкоторую шлифовку въ направленіи всецерковности и объединенные въ болѣе мелкихъ группахъ сдѣлаются болѣе способными отвѣчать задачамъ собора. Если же какая-либо епархія не сумѣетъ даже между собою сговориться, то, можетъ быть, ей не слѣдуетъ вовсе подавать голоса по данному вопросу. Подобный порядокъ долженъ совершенно устранить и высказываемое нѣкоторыми опасеніе, если только оно можетъ имѣть значеніе, что при допущеніи въ члены собора большого количества клира и мірянъ они могутъ заглушить собой голоса епископовъ, которыхъ будетъ менѣе числомъ. Но, конечно, вопросъ о порядкѣ голосованія долженъ быть разработанъ лишь въ связи съ задачами, которыя предстоятъ собору, и съ той системой выборовъ представителей, которая будетъ принята.

Сознаніе, что составъ собора Русской Церкви не долженъ ограничиваться одними архіереями, далеко не чуждо русскому духовенству и въ числѣ ихъ многимъ епископамъ. Оно встрѣчается даже у видныхъ представителей той части русскаго духовенства и народа, которые почитаютъ древнія дисциплинарныя правила наравнѣ съ Евангеліемъ и готовы были умирать за самыя буквы, за одинъ „святой азъ“, находящійся въ разныхъ церковныхъ книгахъ. Извѣстный представитель русскаго старообрядчества, протопопъ Іоаннъ Нероновъ, молилъ царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ допустилъ быть собору истинному, положенному быть, по свидѣтельству отъ Писанія, а не сонмищу іудейскому. „Не единымъ бо архіереямъ, пояснялъ Нероновъ, подобаетъ собратися, но и священно-архимандритамъ, и священно-игуменамъ, и протопопамъ, и священно-инокамъ, іереямъ, и діаконамъ, вѣдущимъ до конца божественное писаніе, такожде и въ мірѣ живущимъ и житіе добродѣтельное проходящимъ всякаго чина людямъ; поискати же легко, государь, и въ пустыни живущихъ иноковъ, искусныхъ отецъ, науку имѣющихъ отъ божественнаго писанія, паче же житія ради добродѣтельнаго и чистоты и дарованію сподобившихся отъ Бога, даже споспѣшествуютъ намъ, государь, не точію словеса, но и молитвы ихъ ко исправленію православной нашей христіанской вѣры, да истина свѣтлѣе солнца явится“ [1]).

Вотъ какой составъ собора для разсмотрѣнія вопроса о старообрядчествѣ считалъ нужнымъ епископъ пензенскій Варлаамъ: 24 епископа, 3 архимандрита, 3 игумена, 3 протоіерея, 3 священника, нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта и Сената, 2—3 человѣка отъ старѣйшихъ учебныхъ заведеній и, кромѣ того, всѣ головщики старообрядчества.

Въ концѣ сентября и началѣ октября 1905 года въ Ригѣ происходилъ епархіальный съѣздъ, на которомъ, кромѣ духовенства всѣхъ степеней свя-

---

[1]) Второе посланіе Неронова къ царю Алексѣю Михайловичу изъ Спасокаменнаго монастыря, 27 февраля 1654 г. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія. Т. I. Москва 1875 г.

щенства, участвовали и міряне. При обсужденіи вопроса объ ожидаемомъ общемъ соборѣ Русской Церкви съѣздъ этотъ и, повидимому, въ полномъ согласіи съ своимъ предсѣдателемъ, архіепископомъ рижскимъ Агафангеломъ, высказался за необходимость допущенія на соборъ представителей отъ духовенства и мірянъ [1]).

Извѣстный глубиной своего пониманія духовной жизни, епископъ Игнатій Брянчаниновъ, разъясняя необходимость созванія собора, признавалъ, что на соборѣ должны участвовать и депутаты отъ монашества по избранію обителей, отъ бѣлаго духовенства, также по избранію, и отъ православныхъ мірянъ, хотя бы по два отъ епархіи. Кромѣ того, правительство должно назначить нѣсколько сановниковъ изъ лицъ, извѣстныхъ своею ревностью по св. Церкви, для наблюденія, чтобы соборъ совершился правильно и свободно. Оберъ-прокуроръ присутствовать не долженъ, чтобы не стѣснять свободы. Кромѣ того, по мнѣнію епископа Игнатія, на соборъ нужно пригласить и 1—2 митрополитовъ изъ Константинопольской Церкви, знающихъ русскій языкъ [2]).

Особенное вниманіе читателей мы обращаемъ на только что появившуюся небольшую брошюру архіепископа Финляндскаго Сергія, по вопросу о составѣ ожидаемаго собора [3]). Къ сожалѣнію, брошюра эта получена нами уже при самомъ окончаніи печатанія настоящей книги и мы не могли здѣсь подробно поговорить о ней и сдѣлать нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, нужныя поправки. Въ соображеніяхъ архіепископа чувствуется широта христіанскаго пониманія и сознаніе необходимости считаться съ современными потребностями и условіями жизни. Соображенія эти на многихъ должны произвести прямо освѣжающее дѣйствіе и дать какъ бы отдыхъ душѣ, страдающей подъ напоромъ высказываемыхъ епископами мыслей, о необходимости смотрѣть на окружающую жизнь, съ ея вопіющими нуждами и особенностями, непремѣнно съ точки зрѣнія древнихъ правилъ, и всѣ заботы о благѣ Церкви предоставить однимъ архіереямъ, потерявшимъ нравственную связь съ своей паствой.

Придерживаясь обычнаго взгляда, что древнія церковныя правила узаконяютъ будто бы только соборы изъ епископовъ, архіепископъ Сергій, тѣмъ не менѣе, находитъ невозможнымъ для блага самой же Церкви игнорировать тотъ очевидный фактъ, что окружающее общество не имѣетъ достаточнаго довѣрія къ епископамъ, при чемъ онъ справедливо замѣчаетъ, что отсутствіе такого довѣрія обнаруживается и среди людей, вполнѣ серьезно настроенныхъ и искренно преданныхъ Церкви, которые, — добавимъ мы отъ себя, — подъ вліяніемъ своего духовно-нравственнаго сознанія, вовсе не отуманеннаго какими-либо личными или партійными цѣлями, не могутъ согласиться ввѣрить все попеченіе о Церкви современнымъ епископамъ и заранѣе сдѣлать обязательными, для своей совѣсти, всѣ исходящія отъ нихъ рѣшенія.

---

1) Рижскій епархіальный соборъ 20 сентября—6 октября 1905 г. Аф. Васильева. Прибав. къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ“, издав. при св. Синодѣ, 1905 г., № 48 и „Слово“ 1905 г., № 302.

2) Сообщеніе Н. Н. Дурново. „Русское Дѣло“ 1905 г. № 47 и 1906 г. № 1.

3) О составѣ ожидаемаго чрезвычайнаго помѣстнаго собора Русской Церкви. Спб. 1905 г.

На чрезвычайный соборъ Русской Церкви, по его мнѣнію, должны быть допущены, кромѣ епископовъ, клиръ и міряне, которые могутъ принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ. Для охраненія всецерковнаго направленія собора, архіепископъ обращаетъ вниманіе на необходимость ослабленія возможной, по нашимъ условіямъ жизни, сословности. „Чтобы разрушить въ самомъ корнѣ возможность сословности, пишетъ онъ, необходимо рѣшительно отказаться отъ мысли считать духовенство особой отъ мірянъ, заключенной въ себѣ корпораціей, имѣющей интересы, отличные отъ общецерковныхъ, и потому нуждающейся въ своихъ особыхъ представителяхъ". Архіепископъ предлагаетъ организовать для собора представительство, но не отдѣльное для клира и мірянъ, а отъ приходовъ и епархій, при чемъ представителями тѣхъ и другихъ могутъ быть безразлично и клирики и міряне, смотря кого изберетъ епархія или приходъ. Вообще же, Помѣстный Соборъ, собираемый для преобразованія и отмѣны существующей системы русскаго церковнаго управленія, по мнѣнію архіепископа финляндскаго, составляютъ: 1) епархіальные архіереи, какъ блюстители Церкви, къ которымъ, по приглашенію Синода, утверждаемому на соборѣ, присоединяются и нѣкоторые изъ викарныхъ; два протопресвитера; представители отъ епархій, по 4 отъ каждой, какъ выразители нуждъ и желаній церковнаго общества; выдающіеся профессора каноническаго права и церковной исторіи по особому приглашенію. Всѣ съ рѣшающимъ голосомъ. 2) Лица, прибывшія на соборъ по собственному желанію; заштатные и викарные архіереи, представители другихъ автокефальныхъ православныхъ церквей, духовенство и міряне. Всѣ эти лица имѣютъ, одинаковое съ вышеуказанными, право принимать участіе въ разсужденіяхъ собора и въ рѣшеніяхъ, если они постановляются общимъ голосомъ, безъ поименнаго голосованія. Послѣднее же совершается по требованію большинства полномочныхъ членовъ собора и въ немъ участвуютъ только они".

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и среди русскихъ епископовъ живутъ болѣе широкіе взгляды, которые, надѣемся, и восторжествуютъ при разрѣшеніи вопроса о составѣ столь важнаго собора.

Въ дополненіе, къ приведеннымъ соображеніямъ разныхъ духовныхъ лицъ, не мѣшаетъ напомнить, что прежніе русскіе соборы вовсе не ограничивали принципіально свой составъ одними епископами. Это вполнѣ ясно, напримѣръ, изъ документовъ, относящихся къ соборамъ по дѣлу о патріархѣ Никонѣ.

Въ составленіи опредѣленія Московскаго Собора, которымъ признано право, царя съ соборомъ Русской Церкви, избрать и поставить новаго патріарха, по причинѣ самовольнаго оставленія Никономъ своего престола участвовали епископы, архимандриты, игумены и протоіереи, которые подъ нимъ и подписались [1]). Точно такъ же, когда на соборѣ 1666 года потребовалось изслѣдовать православіе прибывшихъ съ Востока патріарховъ Паисія и Макарія и книгъ, по которымъ

---

[1]) Дѣло о патріархѣ Никонѣ. Изданіе Археографической Комиссіи. Спб 1897 года, № 27. Дѣяніе, 14 августа 1660 г.

они совершаютъ богослуженіе, то къ этому были привлечены не только епископы, но и архимандриты, игумены и іеромонахи и они, подобно епископамъ, давали свои заключенія, выражали, такъ сказать, свое исповѣданіе и признаніе, что соборъ 1654 года есть истинный и православный [1]). Наконецъ, при разрѣшеніи на соборѣ вопроса о низложеніи Никона, когда, казалось бы, всего удобнѣе было присутствовать однимъ епископамъ, участвовали, однако, не только архіереи, но и архимандриты, игумены, протопопы, другіе клирики, иноки и даже бѣльцы, т.-е. міряне [2]).

Участіе собственно мірянъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ особенно замѣтно выступаетъ въ Западной Россіи. Оно было вызвано и тамъ особенностями условій церковной жизни. Польское правительство, какъ иновѣрное, не только не заботилось, конечно, о благѣ Православной Церкви, но подъ давленіемъ католицизма и его нетерпимаго духовенства нерѣдко прямо угнетало и преслѣдовало православныхъ. Поэтому въ Западной Руси участіе главы государства въ дѣлахъ церковныхъ не могло замѣнить собой участіе народа. Сами іерархи того края вполнѣ сознавали необходимость дѣйствовать въ единеніи съ народомъ и приглашали его на соборы. Когда, наприм., рѣшено было созвать въ Кіевѣ соборъ по вопросу объ уніатахъ, то православная іерархія признала нужнымъ пригласить на него не только духовенство, но и мірянъ, въ лицѣ избранныхъ ими представителей, чтобы всѣ вмѣстѣ въ духѣ братской любви и съ желаніемъ мира разсудили возникшіе церковные вопросы.

Въ изданной по этому поводу 26-го мая 1623 года грамотѣ митрополита Іова Борецкаго сказано, что «онъ по изволенію св. Духа вмѣстѣ съ находящимися при немъ епископами, архимандритами и другими духовными и свѣтскими лицами созываетъ въ Кіевѣ на праздникъ Успенія полный Соборъ и проситъ прислать на него избранныхъ мужей отъ всѣхъ повѣтовъ. отъ лица духовенства, дворянства, братствъ и всего народа [3]).

Подобно этому и митрополитъ Петръ Могила на извѣстный Помѣстный Соборъ 1640 года въ Кіевѣ, созванный для разрѣшенія важныхъ церковныхъ вопросовъ, приглашалъ именемъ Господнимъ, какъ лицъ духовныхъ, имѣющихъ преимущество и къ совѣщанію духовному способныхъ, такъ и ихъ милостей свѣтскихъ братій, ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ [4]). Вмѣстѣ съ этимъ митрополитъ просилъ духовныхъ и мірянъ пред-

---

[1]) Ibid. № 45.

[2]) Ibid. Дѣяніе 14 Московскаго Собора о низложеніи патріарха Никона, 12 декабря 1666 г., № 123.

[3]) Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи Сѣверо-Западной Руси. Т. II, № 32, Вильна, 1867 г.

[4]) Пригласительное посланіе Петра Могилы на Кіевскій Соборъ къ Луцкой братіи. Памятники, изданные кіевской комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. I, № XXII, Кіевъ, 1898 г. и Грамота Петра Могилы братству Слуцкому на Кіевскій Соборъ. Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губерніи, № 115, Минскъ, 1848 года.

оставить ихъ уполномоченнымъ на Соборѣ точныя инструкціи по вопросамъ о ихъ нуждахъ. Кіевскій Соборъ 1640 года коснулся многихъ сторонъ церковной жизни. На немъ обсуждался, между прочимъ, извѣстный катехизисъ подъ названіемъ: «Православное исповѣданіе Каѳолической и Апостольской Церкви Восточной», составленной по порученію и при участіи Петра Могилы.

Эти свидѣтельства исторіи Западной Россіи могутъ служить кромѣ того и новымъ подтвержденіемъ высказаннаго нами положенія, что при отсутствіи дѣятельности для Церкви православныхъ императоровъ принадлежавшее имъ въ прежнее время участіе по требованію самой жизни въ той или иной формѣ распредѣляется между православнымъ народомъ.

ГЛАВА V.

Вопросъ о задачахъ предстоящаго Собора. Указаніе на нихъ въ докладѣ св. Синода. Предложеніе поэтому поводу св. Синоду Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Сложность задачъ Собора. Необходимость установленія его программы. Опредѣленіе св. Синода по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній. Высочайшій рескриптъ 27-го декабря 1905 г. на имя Петербургскаго митрополита по вопросу о соборѣ. Важность наступающаго момента и необходимость нравственно-духовнаго къ нему подготовленія.

Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ св. Синодъ въ самыхъ общихъ чертахъ указалъ и рядъ вопросовъ, которые нужно внести на разрѣшеніе предполагаемаго Помѣстнаго Собора Русской Церкви. Большинство изъ нихъ, какъ показываетъ уже одно сравненіе, помѣщены въ докладѣ подъ значительнымъ вліяніемъ содержанія „Вопросовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Только этимъ вліяніемъ, вѣроятно, и должно объяснять, что среди вопросовъ, имѣющихъ цѣлью преобразованіе церковнаго управленія на соборномъ началѣ, Синодомъ включены и такіе, какъ о пересмотрѣ законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія Церковью собственности, о предоставленіи высшимъ іерархамъ права участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ по дѣламъ, затрогивающимъ интересы Церкви, предоставленіи священникамъ права участвовать въ мѣстныхъ городскихъ, земскихъ и сельскихъ учрежденіяхъ. Въ самой постановкѣ подобныхъ вопросовъ едва ли не обнаруживается замѣтная въ многомъ и въ „Вопросахъ" клерикальная тенденція—все зло существующаго сваливать на участіе свѣтскаго начала въ дѣлахъ церковныхъ и надежду на улучшеніе основывать на распредѣленіе между духовенствомъ даже такихъ обязанностей, которые по самому ихъ свойству всего удобнѣе могли бы быть возложены на преданныхъ Церкви свѣтскихъ людей. Неужели же даже въ дѣлахъ государственныхъ, общественныхъ, имущественныхъ и т. п. только одно духовенство можетъ быть дѣйствительными представителями и защитниками церковныхъ интересовъ! Напротивъ, опытъ жизни по-

казываетъ, что духовенство въ такихъ случаяхъ нерѣдко бываетъ склонно преслѣдовать не общецерковный, а свой церковный интересъ.

Въ виду значительнаго сходства этой части доклада св. Синода съ разсмотрѣнными уже нами „Вопросами“ говорить здѣсь о ней значило бы во многомъ повторить высказанное нами по поводу „Вопросовъ“, и потому, если угодно, мы просимъ припомнить замѣчанія, сдѣланныя нами въ главѣ I настоящей книги.

Но какъ бы тамъ ни было, а для ожидаемаго Помѣстнаго Собора св. Синодъ указываетъ, какъ видимъ, крайне обширную и сложную задачу и притомъ по разрѣшенію не только чисто-духовныхъ, но и церковно-государственныхъ вопросовъ, а все это, безъ сомнѣнія, требуетъ немалыхъ подготовительныхъ работъ. Кромѣ того, въ Высочайшей резолюціи 31-го марта 1905 года на докладѣ св. Синода, между прочимъ, выражено, что при наступленіи благопріятнаго времени соборъ будетъ созванъ для обсужденія церковнаго управленія и предметовъ вѣры. Если такимъ образомъ собору предстоитъ разбирать и предметы вѣры, то задача его должна еще болѣе усложниться.

Сознавая, что безъ подготовительныхъ работъ соборъ не достигнетъ цѣли, Синодальный Оберъ-Прокуроръ 28-го іюня 1905 года сдѣлалъ предложеніе св. Синоду, въ которомъ нѣсколько подробнѣе разъяснилъ предметы, подлежащіе по докладу св. Синода разсмотрѣнію Собора и указывалъ на необходимость заблаговременно приступить къ подготовительнымъ трудамъ.

Въ виду важности сдѣланныхъ въ немъ Оберъ-Прокуроромъ поясненій мы рекомендуемъ желающимъ самимъ его прочесть:

Вѣдомство Православнаго Исповѣданія, Канцелярія Оберъ-Прокурора св. Синода, отдѣленіе II, столъ 3, 28-го іюня 1905 года, № 100.

Святѣйшему Правительствующему Синоду

Предложеніе.

Согласно Высочайшей резолюціи на всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи Собора епархіальныхъ Епископовъ для учрежденія Патріаршества и для обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, слѣдуетъ признать предположеніе Синода о созваніи Собора Высочайше одобреннымъ. Но Его Величеству благоугодно было предоставить Себѣ созвать Соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія, «когда наступитъ благопріятное для сего время».

Хотя невозможно, въ настоящую минуту, опредѣлить время, когда станетъ по Высочайшему усмотрѣнію, возможнымъ созваніе помѣстнаго Собора Всероссійской Церкви, но ожиданіе событія столь чрезвычайной важности требуетъ нынѣ же, заблаговременно, подготовительныхъ къ нему трудовъ, кои по важности своей и многосложности должны занять немалое время.

Намѣченное опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 18—22 марта сего года

въ самыхъ общихъ чертахъ переустройство всего церковнаго управленія, сложившагося въ двухвѣковой періодъ Синодальнаго Управленія, представляетъ великую реформу, объемлющую духовную жизнь всей страны и возбуждаетъ множество самыхъ серьезныхъ и важныхъ вопросовъ, требующихъ предварительной обширной разработки, которая можетъ быть совершена только при содѣйствіи людей глубокой освѣдомленности съ исторіей Церкви вообще и существующимъ положеніемъ нашего церковнаго управленія и притомъ стоящихъ на высотѣ разумѣнія церковныхъ и государственныхъ интересовъ въ ихъ взаимодѣйствіи? Самое созваніе помѣстнаго собора нуждается въ точномъ опредѣленіи, на основаніи каноническихъ постановленій и церковной практики, его состава, въ установленіи порядка разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ Соборомъ и организаціи при немъ временнаго руководственнаго и подготовительнаго органа работъ. Участіе на Соборѣ представителей клира и мірянъ, если бы таковое признано было необходимымъ, вызываетъ чрезвычайно трудный и сложный вопросъ о выработкѣ такого порядка для избранія представителей, который при примѣненіи его не вызвалъ бы неудовольствія, неудобствъ и затрудненій.

Въ числѣ вопросовъ, предлежащихъ согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 18—22 марта сего года, разсмотрѣнію и разрѣшенію Всероссійскаго Собора, постановлено на первомъ мѣстѣ раздѣленіе Россіи на церковные округа подъ управленіемъ Митрополитовъ, съ предоставленіемъ имъ права созывать областные Соборы и съ передачею въ ихъ вѣдѣніе изъ высшаго церковнаго управленія дѣлъ второстепенной важности. Областныя автономіи церковнаго управленія въ первые вѣка христіанства вызывались множествомъ разнообразныхъ условій: разноплеменностію и обширностію областей, неудобствомъ сообщеній между ними, историческою обособленностію церквей, опирающеюся на высокомъ авторитетѣ первыхъ насадителей христіанства и др. До объединенія всей Россіи подъ скипетромъ Россійскихъ Императоровъ существовали отдѣльныя области церковнаго управленія на территоріяхъ Московскаго Государства, Западнаго края и Кавказа. Въ настоящее время у насъ нѣтъ областныхъ автономныхъ представителей церковнаго управленія. Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать существованія и поднесь особливыхъ задачъ, подлежащихъ церковному управленію въ разныхъ территоріяхъ Имперіи и служащихъ жизненнымъ основаніемъ къ установленію областныхъ или окружныхъ автономій. Такая особливость задачъ не можетъ быть отвергаема во всемъ Западномъ краѣ, представляющемъ обширное поприще для охраны православія въ борьбѣ съ иновѣріемъ, въ восточныхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи, гдѣ еще множество инородцевъ ожидаетъ свѣта Христова и гдѣ пропаганда ислама вызываетъ къ неутомимому христіанскому дѣланію подъ однимъ общимъ систематичнымъ руководствомъ областнаго представителя церкви, и, наконецъ, на Кавказѣ, гдѣ еще доселѣ сохранилась память о независимости церкви Грузинской и гдѣ также обширное поле для христіанской проповѣди среди населяющихъ его чуждыхъ христіанству племенъ. Но возстановленіе отдѣльныхъ церковныхъ областей и въ территоріяхъ, въ коихъ

имѣются къ тому историческія и жизненныя основанія, требуетъ весьма серьезнаго разсужденія и прежде всего необходимо тщательно обсудить, не будутъ ли автономіи эти находиться въ противорѣчіи съ началомъ государственнаго единства, способствуя возрожденію идей о культурной и политической обособленности нашихъ окраинъ въ Западномъ краѣ и на Кавказѣ.

Слѣдующій вопросъ, намѣченный Синодальнымъ опредѣленіемъ для разрѣшенія помѣстнаго Собора, — о пересмотрѣ законоположеній о существующихъ органахъ епархіальнаго управленія и суда и преобразованіи оныхъ согласно съ каноническими соборными началами. Въ настоящее время органомъ епархіальнаго управленія служитъ духовная консисторія, представляющая административно-судебное учрежденіе. О выдѣленіи изъ консисторіи церковнаго суда и объ организаціи его въ соотвѣтствіи съ церковными канонами и съ началами гражданской судебной реформы, завершившейся изданіемъ Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 года, предприняты были въ Святѣйшемъ Синодѣ, около 30 ти лѣтъ тому назадъ, обширныя работы съ участіемъ въ нихъ представителей нашей іерархіи и гражданскаго судебнаго вѣдомства. Выработанный по этому предмету проектъ предположеній съ многочисленными отзывами епархіальныхъ преосвященныхъ и другихъ лицъ восходилъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода, но дальнѣйшаго движенія не получилъ. Умѣстно теперь вспомнить объ этихъ работахъ единственно съ тѣмъ, чтобы, въ виду возбуждаемаго нынѣ общаго вопроса о преобразованіи епархіальнаго управленія и суда, было обращено на нихъ вниманіе, какъ на матеріалъ, который неизлишне использовать, насколько возможно, для выработки подготовительныхъ предположеній, подлежащихъ разсмотрѣнію Собора. Какъ учрежденія административныя, консисторіи съ ихъ присутствіями изъ членовъ, постоянно отвлекаемыхъ отъ епархіальныхъ дѣлъ исполненіемъ своихъ прямыхъ священнослужительскихъ обязанностей, и канцеляріей изъ недостаточнаго числа скудно обезпеченныхъ и большею частію мало подготовленныхъ къ службѣ чиновниковъ, при соблюденіи устарѣвшихъ формъ дѣлопроизводства, обременены формальнымъ письменнымъ производствомъ. Параллельно съ консисторіями съ послѣдней четверти прошлаго вѣка во всѣхъ епархіяхъ возникъ цѣлый рядъ новыхъ епархіально-административныхъ учрежденій, совершенно обособившихся отъ консисторій, каковы: Совѣты и Правленія по дѣламъ епархіально-училищнымъ, миссіонерскимъ, братскимъ, епархіальныхъ съѣздовъ, вспомогательныхъ и эмеритальныхъ кассъ, свѣчныхъ заводовъ и другихъ. Всѣ эти учрежденія объединяются въ лицѣ епархіальнаго Епископа. Но, при разнообразіи и обособленности сихъ учрежденій, одному Епископу безъ посредствующаго органа, соображающаго всю совокупность дѣлъ и интересовъ епархіальныхъ учрежденій крайне затруднительно направлять ихъ къ правильному и согласному дѣйствію. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ, требующій предварительной разработки, объ организаціи такого дѣйственнаго епархіальнаго органа Епископской власти, который объединялъ бы въ своемъ вѣдѣніи всю область епархіальнаго управленія. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что

при настоящемъ положеніи Государственнаго Казначейства ни о какомъ воспособленіи къ ассигнуемымъ средствамъ на содержаніе епархіальнаго управленія не можетъ быть рѣчи.

Засимъ, въ порядкѣ Синодальнаго опредѣленія слѣдуетъ вопросъ о благоустройствѣ прихода въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ. Вопросъ этотъ подвергался разсмотрѣнію въ бывшемъ Высочайше утвержденномъ Присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства. Но въ то время признано было возможнымъ ограничиться установленіемъ дѣйствующаго доселѣ положенія о приходскихъ попечительствахъ, коимъ предоставлено приходамъ попеченіе о поддержаніи церквей, наилучшемъ обезпеченіи причтовъ и объ устроеніи попечительныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Высочайше утвержденная 12 іюня 1890 года Инструкція церковнымъ старостамъ, коею дана организація общему собранію прихожанъ для выбора церковныхъ старостъ и представителей прихода при ежемѣсячной повѣркѣ церковныхъ суммъ, и также для сужденія о нѣкоторыхъ церковныхъ нуждахъ, представляетъ дальнѣйшій шагъ впередъ къ участію приходовъ въ дѣлахъ церковно-приходскихъ. Въ настоящее время многими просвѣщенными ревнителями церкви признается, что благоустроеніе приходской общины на основаніи общаго о семъ положенія, съ правомъ юридическаго лица и автономнаго завѣдыванія всѣми дѣлами прихода при посредствѣ мѣстнаго органа изъ прихожанъ, содѣйствовало бы оживленію и обновленію не только церковной жизни въ приходѣ, но и вообще духовныхъ народныхъ силъ въ Россіи. По мнѣнію помянутыхъ ревнителей, слѣдуетъ предоставить приходскимъ общинамъ не только завѣдываніе матеріальными нуждами церкви, призрѣнія и просвѣщенія, но и самое избраніе кандидатовъ клира и распоряженіе всѣмъ церковнымъ достояніемъ. Такъ какъ устройство на этихъ началахъ приходскихъ общинъ касается всего существующаго уклада церковной жизни вообще, то вопросъ этотъ требуетъ всесторонней разработки какъ въ отношеніи организаціи приходской общины, ея правъ по завѣдыванію дѣлами прихода и ея положенія въ области епархіальнаго управленія, такъ и въ отношеніи возможности и порядка осуществленія этой реформы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, безъ потрясенія и вреда для существующихъ церковныхъ учрежденій, содержимыхъ на церковныя средства. Безъ сомнѣнія это дѣло первостепенной важности для благосостоянія какъ церкви, такъ и государства.

По вопросу объ усовершенствованіи духовно-учебныхъ школъ, предположенному къ разсмотрѣнію на Соборѣ, справедливо припомнить, что духовно-учебныя заведенія до второй половины прошлаго вѣка отличались устойчивостью учебной и воспитательной постановки и хотя вызывали нареканія на устарѣлость и схоластичность пріемовъ обученія и суровость дисциплины, тѣмъ не менѣе выпускали оканчивающихъ въ нихъ курсъ съ весьма развитымъ мышленіемъ, чрезвычайною трудоспособностью и добрымъ направленіемъ воли. Изъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній того времени можно указать значительное

число замѣчательныхъ многополезныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ церковнаго, государственнаго и общественнаго служенія. Введенная затѣмъ въ духовно-учебныя заведенія многопредметность, съ обширными программами, требующая не столько размышленія, сколько механическаго усвоенія, и постоянная, особенно въ послѣднее время, перемѣна начальствующихъ лицъ, для которыхъ учебная служба стала какъ бы этапомъ на пути къ дальнѣйшему служебному повышенію, неблагопріятно отразилась на состояніи духовно-учебныхъ заведеній. Большая сумма знаній, наскоро пріобрѣтенныхъ по учебникамъ, односторонне развиваетъ преимущественно способность усвоенія, но не даетъ общаго умственнаго развитія, а частыя измѣненія воспитательныхъ пріемовъ, зависящія отъ перемѣнъ начальствующихъ лицъ, вызываютъ разстройство дисциплины, выразившееся въ послѣдніе годы многочисленными безпорядками въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Такое положеніе духовно-учебной части дѣйствительно требуетъ тщательно обдуманныхъ мѣропріятій. Помимо того нельзя не обратить вниманія, что значительное число обучающихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и часто изъ лучшихъ воспитанниковъ, по окончаніи учебнаго курса, поступаетъ на службу, не имѣющую ничего общаго съ духовнымъ вѣдомствомъ. Утрата эта особенно тяжела для отдаленныхъ епархій Сибири, гдѣ ежегодно остается значительное число незамѣщенныхъ священническихъ вакансій. Никакія принудительныя мѣры, какъ показалъ опытъ, не могутъ оградить духовное вѣдомство отъ этихъ потерь. Неизбѣжно поэтому возникаетъ вопросъ объ устройствѣ такихъ богословскихъ училищъ съ сокращеннымъ общеобразовательнымъ курсомъ, которыя служили бы исключительно для приготовленія кандидатовъ на священно-церковнослужительскія должности, съ допущеніемъ въ эти училища дѣтей, прошедшихъ курсъ церковно-приходскихъ школъ, безъ различія сословій.

Изъ всѣхъ предметовъ, подлежащихъ Соборному разсмотрѣнію, менѣе сложнымъ представляется пересмотръ законовъ, касающихся порядка пріобрѣтенія церковію собственности. Очевидно, въ настоящемъ случаѣ возбуждается вопросъ объ отмѣнѣ того ограниченія права пріобрѣтенія не только церквами, но и монастырями и архіерейскими домами недвижимой собственности, которое выражено въ законахъ гражданскихъ и о состояніи и которое обязываетъ на пріобрѣтеніе недвижимости путемъ купли, дара или пожертвованія испрашивать Высочайшее соизволеніе. На протяженіи многихъ лѣтъ нельзя припомнить случая, когда бы ограниченіе это являлось препятствіемъ къ совершенію актовъ укрѣпленія на пріобрѣтаемое имущество. Но ограниченіе это, обязывающее епархіальное и центральное Синодальное управленіе входить въ разсмотрѣніе этого рода дѣлъ, ограждаетъ церкви и монастыри отъ пріобрѣтеній ненужныхъ, невыгодныхъ, спорныхъ и т. п. Въ виду этого, представляется цѣлесообразнымъ съ отмѣною существующаго ограниченія, если бы это признано было желательнымъ, установить такой порядокъ разрѣшенія на пріобрѣтеніе собственности, который обезпечивалъ бы осуществленіе этого права въ интересахъ для церквей. Не излишне было бы обратить вниманіе, при пересмотрѣ законовъ о пріобрѣ-

тенiи собственности церквами, на слѣдующую аномалiю: законъ т. X, ч. I, Зак. Гражд., изд. 1900 г., ст. 698 не признаетъ за духовенствомъ, какъ сословiемъ, правъ юридическаго лица по прiобрѣтенiю недвижимаго имущества. Посему во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для духовенства настоитъ надобность въ прiобрѣтенiи въ полную собственность для его нуждъ и на его средства недвижимаго имущества, это имущество приходится укрѣплять не за дѣйствительнымъ прiобрѣтателемъ—духовенствомъ, а за фиктивнымъ—епархiальнымъ начальствомъ или учебнымъ заведенiемъ, имѣющими права юридическаго лица. Настоитъ надобность въ обсужденiи вопроса о предоставленiи духовенству помянутыхъ правъ.

Относительно епархiальныхъ съѣздовъ, находящихся также въ числѣ предметовъ, подлежащихъ Соборному разсмотрѣнiю, настоитъ дѣйствительная надобность въ установленiи, на основанiи опыта, опредѣленныхъ границъ для ихъ дѣятельности и указанiя имъ надлежащаго мѣста и значенiя въ ряду епархiальныхъ учрежденiй. Возникшiе, на основанiи семинарскаго устава 1867 г. спецiально для удовлетворенiя нуждъ семинарiй, мужскихъ и епархiальныхъ женскихъ училищъ. Съѣзды вскорѣ принуждены были выдти изъ этихъ тѣсныхъ границъ и, по указанiямъ епархiальныхъ Преосвященныхъ и по требованiямъ самой жизни, принимать къ своему сужденiю обще-епархiальныя матерiальныя нужды. Такимъ образомъ, съѣздами изыскивались и изыскиваются средства для удовлетворенiя нуждъ не только духовно-учебныхъ заведенiй, но и другихъ епархiальныхъ потребностей—миссiонерскихъ, благотворительныхъ и церковно-хозяйственныхъ. Благодаря Съѣздамъ, возникли во многихъ епархiяхъ эмеритальныя, взаимовспомогательныя и сгудосберегательныя кассы, свѣчные заводы, склады для разныхъ предметовъ церковнаго обихода: вина, масла, ладона, утвари, облаченiй и пр., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать на то, что по многимъ епархiямъ Съѣзды, вовлеченные въ сферу обще-епархiальныхъ нуждъ, присвоили себѣ право полномочныхъ хозяевъ, дозволяющихъ себѣ не только установлять разные обязательные сборы и облагать ими церковные доходы, но даже распоряжаться эксплоатацiей церковныхъ оброчныхъ статей. Нѣкоторые изъ епархiальныхъ Преосвященныхъ, пользуясь прибытiемъ на съѣздъ священнослужителей изъ разныхъ мѣстностей епархiи, часто самыхъ захолустныхъ, вступаютъ съ ними въ собесѣдованiе и по религiозно-нравственнымъ вопросамъ, оказывая, такимъ образомъ, непосредственное архипастырское на нихъ воздѣйствiе и въ то же время сами знакомясь съ такими явленiями приходской жизни, которыя недоступны наблюденiямъ при епископскихъ объѣздахъ епархiй. Важность такого живого и взаимнаго обмѣна епископа съ пастырями вообще для церковнаго управленiя въ епархiяхъ несомнѣнна. Въ виду этого возникаетъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли присвоить епархiальнымъ Съѣздамъ значенiя вспомогательнаго при епископѣ органа не только по вопросамъ о матерiальныхъ, но и религiозно-нравственныхъ нуждахъ.

Что касается вопроса объ участiи священнослужителей въ общественныхъ

учрежденіяхъ, то по дѣйствующимъ положеніямъ городскому и земскому, согласно заключеніямъ Святѣйшаго Синода, представители клира могутъ принимать участіе въ городскихъ и земскихъ учрежденіяхъ, только въ качествѣ депутатовъ епархіальнаго начальства. Члены причта не могутъ участвовать въ выборѣ гласныхъ и сами быть избираемы ими, хотя бы и обладали требуемымъ для сего цензомъ. Право на участіе въ сельскихъ сходахъ духовенству также не представлено. Только положеніемъ о войсковомъ управленіи въ казачьихъ войскахъ духовенству дано право участвовать въ станичныхъ сборахъ по дѣламъ, касающимси интересовъ церковныхъ. Святѣйшій Синодъ обыкновенно отклонялъ неоднократныя ходатайства о привлеченіи членовъ причта въ составъ учрежденій, вѣдающихъ исключительно мірскія дѣла. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что въ воззрѣніяхъ на вопросъ объ участіи духовенства въ городскихъ, земскихъ и сельскихъ общественныхъ учрежденіяхъ существуетъ два совершенно противоположныя теченія, имѣющія убѣжденныхъ сторонниковъ изъ числа представителей церковнаго управленія и богословской науки. По однимъ такое участіе, вводящее пастырей церкви въ круговоротъ мірскихъ дѣлъ, совершенно не согласно съ прямыми обязанностями и вѣчными началами пастырскаго служенія. По другимъ—участіе въ общественныхъ учрежденіяхъ пастырей церкви, которымъ не должны быть чужды и мірскія нужды своихъ пасомыхъ, открываетъ широкое поприще для проведенія и въ этой области чистыхъ христіанскихъ началъ и для утвержденія своего нравственно-просвѣтительнаго вліянія. Но вопросъ этотъ, казалось бы, можетъ получить правильное разрѣшеніе не на однѣхъ теоретическихъ основахъ, а и на существующихъ условіяхъ дѣйствительной жизни и взаимоотношеній.

Изложеннымъ очеркомъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію Помѣстнаго Всероссійскаго Собора, повидимому, исчерпывается рядъ предметовъ, указанныхъ въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода отъ 18—22 марта сего года, для соборнаго обсужденія. Но по прямому смыслу Высочайшей резолюціи, на всеподданнѣйшемъ докладѣ о созваніи собора каноническому обсужденію его, подлежатъ и предметы вѣры, о коихъ въ Синодальномъ опредѣленіи не дано никакихъ указаній. Между тѣмъ и въ этой обширнѣйшей области предметовъ, относящихся къ познанію, утвержденію и очищенію отъ разныхъ заблужденій православной христіанской вѣры, ожидается разрѣшеніе высшей церковной власти на многіе вопросы, которые ближе всего извѣстны самимъ представителямъ церковнаго управленія. Если бы Святѣйшимъ Синодомъ признано было желательнымъ предложить на обсужденіе Помѣстнаго Собора хотя нѣкоторые, наиболѣе настоятельные изъ сихъ вопросовъ, то для уясненія ихъ также необходима предварительная разработка, при содѣйствіи представителей богословской науки.

Надо предполагать, что на Соборѣ обнаружатся попытки къ возбужденію вопросовъ, помимо намѣченныхъ Святѣйшимъ Синодомъ. Одинъ изъ такихъ вопросовъ можно и теперь предвидѣть—это вопросъ о положеніи Православной

Церкви въ отношеніи къ старообрядцамъ, сектантамъ и иновѣрцамъ по изданіи Высочайшаго указа 17 апрѣля сего года о вѣротерпимости. Посему желательно было бы предварительно установить, могутъ ли и въ какомъ порядкѣ быть возбуждаемы подобные вопросы.

Имѣю честь предложить о семъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

Оберъ-Прокуроръ *К. Побѣдоносцевъ.*

Исп. об. Директоръ *В. Яцкевичъ.*

По поводу предложенія Оберъ-прокурора св. Синодъ 27 іюля 1905 года составилъ указъ епархіальнымъ архіереямъ о необходимости подготовительныхъ работъ по вопросамъ, предположеннымъ къ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Соборѣ Всероссійской Церкви, слѣдующаго содержанія:

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ святѣйшаго Правительствующаго Синода.

„По указу Его Императорскаго Величества св. Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе г. Синодальнаго оберъ-прокурора отъ 28 минувшаго іюня за № 100 о необходимости подготовительныхъ работъ по вопросамъ, предположеннымъ къ разсмотрѣнію на Помѣстномъ Соборѣ Всероссійской Церкви. Приказали: принимая во вниманіе важное значеніе предположенныхъ къ разсмотрѣнію и изложенныхъ въ настоящемъ предложеніи вопросовъ а именно: о раздѣленіи Россіи на церковные округа подъ управленіемъ митрополитовъ, о преобразованіи церковнаго управленія и суда, о приходѣ, объ усовершеніи духовныхъ школъ, о порядкѣ пріобрѣтенія церковной собственности, объ епархіальныхъ съѣздахъ, объ участіи священнослужителей въ общественныхъ учрежденіяхъ и о предметахъ вѣры, и имѣя въ виду, что преосвященные до Помѣстнаго Собора должны тщательно ознакомиться съ вопросами, подлежащими ихъ разсмотрѣнію, равнымъ образомъ и Помѣстный Соборъ долженъ имѣть предъ собою весь необходимый для сужденія по означеннымъ вопросамъ матеріалъ, разработанный и приведенный въ систему, св. Синодъ опредѣляетъ поручить епархіальнымъ преосвященнымъ войдти въ сужденіе по означеннымъ вопросамъ, предоставивъ въ помощь себѣ по разработкѣ означенныхъ вопросовъ пригласить лицъ, заслуживающихъ довѣрія и способныхъ оказать въ этомъ дѣлѣ содѣйствіе, и соображенія свои представить св. Синоду не позднѣе 1 декабря 1905 года для дальнѣйшей разработки и проведенія въ систему доставленныхъ матеріаловъ и отзывовъ“...

Къ указу, отправленному епархіальнымъ архіереямъ по опредѣленію св. Синода, были приложены и печатныя копіи съ предложенія Оберъ-прокурора.

По прочтеніи предложенія Оберъ-Прокурора еще яснѣе выступаетъ необычайная обширность и сложность задачи, которую, повидимому, придется разрѣ-

шать Собору. Включеніе же въ нее еще предметовъ вѣры можетъ сдѣлать ее почти не выполнимой, если конечно, соборъ не будетъ продолжаться неопредѣленно долгое время. По вопросамъ вѣры за послѣднія два столѣтія накопилась масса сомнѣній и недоумѣній и обнаружилось немало новыхъ точекъ зрѣнія, требующихъ провѣрки общецерковнаго сознанія. Въ виду оковъ, лежавшихъ въ Россіи на каждой религіозной мысли, хоть нѣсколько не подходящей къ принятому офиціальному взгляду, прежнія поколѣнія могли игнорировать въ этой области многое, рвущееся наружу и взывающее о разъясненіи и отвѣтѣ. Поэтому намъ придется имѣть дѣло сразу съ вопросами, возникавшими на протяженіи цѣлыхъ столѣтій. Но, вѣдь и предметы церковнаго устройства по современнымъ условіямъ жизни оказываются очень сложными и требуютъ, по замѣчанію К. П. Побѣдоносцева предварительной обширной разработки, которая можетъ быть совершена только при содѣйствіи людей глубокой освѣдомленности съ исторіей Церкви вообще и существующимъ положеніемъ нашего церковнаго управленія и притомъ стоящихъ на высотѣ разумѣнія церковныхъ и государственныхъ интересовъ въ ихъ взаимодѣйствіи. Все это вдвойнѣ справедливо и относительно соборнаго обсужденія вопросъ вѣры, для которыхъ, кромѣ того особенно нужно не одно теоретическое знаніе церковной исторіи и богословія, а прежде всего жизненное пониманіе христіанства и притомъ въ связи съ современными запросами и характерными чертами людей. Для собора, разсматривающаго и предметы вѣры, необходима еще болѣе серьезная подготовка и знакомство съ еще большимъ количествомъ матеріала. Кромѣ того, подобный соборъ едва ли могъ бы не допустить на свои собранія въ качествѣ посѣтителей многихъ лицъ, которыя являются представителями тѣхъ или иныхъ взглядовъ или авторами разныхъ точекъ зрѣнія, недостаточно понимающихъ христіанство, а то и прямо отъ него уклоняющихся. И неужели же русскіе епископы, особенно, если они одни составятъ соборъ, рѣшатся въ данный моментъ принять на себя трудную обязанность за всю Русскую Церковь разобрать существующія точки зрѣнія на вопросы вѣры, вступать въ разъясненія съ ихъ представителями и вообще отдать для всѣхъ ясный отчетъ въ своемъ упованіи, примѣняясь къ современному сознанію и его запросамъ!

Во всякомъ случаѣ, Св. Синоду слѣдовало бы еще разъ тщательно разсмотрѣть, спѣшно составленную весной 1905 года, программу занятій ожидаемаго собора и внимательно обсудить, какіе вопросы должны быть для него поставлены. По нашему мнѣнію, программу собора необходимо составить болѣе опредѣленно, чтобы не отвлекать вниманіе собора предметами посторонними и чтобы каждый изъ членовъ собора могъ заранѣе знать, съ какими предметами, главнымъ образомъ, ему придется имѣть дѣло на соборѣ. Изъ программы же собора, намѣченной Св. Синодомъ въ его докладѣ, нужно кое-что вычеркнуть и вмѣстѣ съ этимъ, по крайней мѣрѣ, для перваго чрезвычайнаго собора исключить изъ нея предметы вѣры, ограничивъ обсужденіе собора лишь вопросами церковнаго устройства и управленія.

По осуществлении же болѣе правильной организации церковной жизни, въ соотвѣтствіи съ апостольской идеей Церкви, когда соборное начало будетъ проникать ее всю, начиная съ приходской общины и кончая высшими церковными учрежденіями, сдѣлается возможнымъ для послѣдующихъ соборовъ болѣе плодотворное и спокойное занятіе болѣе глубокими и тонкими вопросами вѣры, уже давно выдвинутыми самой жизнью и требующими всецерковнаго рѣшенія.

Въ главѣ I мы уже замѣчали, что для болѣе правильнаго и благотворнаго проведенія церковныхъ преобразованій необходимо немедленно, не ожидая выполненія всей реформы, хотя нѣсколько возбудить церковную жизнь въ ея основныхъ ячейкахъ—приходскихъ общинахъ. Безъ этого же церковныя преобразованія могутъ пройти чисто внѣшнимъ путемъ, совершенно пассивно быть восприняты народомъ и духовенствомъ и вообще не доставить для Церкви того, что отъ нихъ столь ожидается.

На встрѣчу удовлетворенія этой важной церковной потребности, повидимому, готовъ итти и самъ Св. Синодъ 18 ноября 1905 года въ немъ состоялось опредѣленіе, именно, по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній, хотя и вызванное, какъ будто, преимущественно современными смутами, по выраженію Св. Синода, „колеблющими отеческія преданія и дерзновенно попирающими законъ и правду“.

Вотъ буквальное содержаніе опредѣленія Синода.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

(Отъ 18 го ноября 1905 г., за № 5,900).

По вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній. Приказали: въ тяжелые дни великой скорби, постигшей державу Россійскую, когда колеблются отеческія преданія и дерзновенно попираются законъ и правда, является настоятельнѣйшая и неотложная нужда въ тѣснѣйшемъ единеніи пастыря съ паствой и въ постоянномъ взаимообщеніи пастырей. Святѣйшій Синодъ, въ заботахъ своихъ объ утвержденіи вѣры и благочестія, обращаетъ нынѣ особенное вниманіе епархіальныхъ преосвященныхъ на необходимость приложенія всяческихъ стараній къ оживленію приходской жизни, къ возбужденію въ пастыряхъ церковныхъ особой ревности о единеніи ввѣреннаго имъ стада въ дѣлѣ служенія Церкви и дѣятельнаго исполненія въ жизни заповѣдей Христовыхъ.

У Церкви Христовой есть лишь одинъ мечъ—мечъ духовный вразумленія и убѣжденія. И нынѣ, когда Государю нашему угодно было возвѣстить народу Своему о предстоящемъ устроеніи жизни государственной на началахъ свободы и когда уже теперь многіе люди, забывъ страхъ Божій, стремятся во зло употребить эту свободу, часто вовсе и не понимая значенія того, что творятъ, сей

мечъ духовный — слово вѣчной правды Христовой — долженъ усугубить свою силу въ общеніи пастыря со всякимъ вѣрующимъ и преданнымъ Церкви.

Въ Церкви Божіей первое общеніе христіанъ, за предѣлами семейнаго союза, бываетъ вокругъ храма и около пастыря церковнаго. И это основное церковное единеніе людское — приходъ церковный — во всѣ времена прошлой жизни Церкви Православной и Государства Россійскаго имѣлъ важнѣйшее значеніе И нынѣ благочестивые люди въ братствахъ и церковно-приходскихъ попечительствахъ находятъ осуществленіе такого общенія, объединяясь для взаимопомощи въ дѣлахъ благотворенія, вѣры и благочестія и являя крѣпкій духовный оплотъ противъ внѣшнихъ, чуждыхъ вѣрѣ и истинной Христовой свободѣ, теченій Но не вездѣ такія попечительства и братства существуютъ Устроеніе же самаго прихода—общины на твердомъ законѣ не можетъ тотчасъ совершиться, требуя работы законодательной и многихъ перемѣнъ. Между тѣмъ дальнѣйшее отлагательство, въ нынѣшнее тяжелое время, сего важнаго дѣла совсѣмъ нежелательно. Посему Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предложить теперь же преосвященнымъ, черезъ напечатаніе въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* къ руководству такія правила и указанія, которыя могутъ быть безотлагательно выполнены безъ особаго новаго гражданскаго закона лишь при условіи сердечнаго и настойчиваго попеченія о дѣлѣ семъ епархіальной власти,—а именно: 1) Предложить настоятелямъ церквей, съ цѣлью тѣснѣйшаго объединенія прихожанъ съ пастыремъ и между собою и для сужденія о способахъ удовлетворенія нуждъ прихода въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и благотворительномъ отношеніяхъ, для возбужденія въ прихожанахъ усердія къ храмамъ Божіимъ, къ дѣламъ и вопросамъ вѣры и для содѣйствія духовенству къ успѣшному исполненію лежащихъ на немъ пастырскихъ обязанностей,—созывать общія церковно-приходскія собранія изъ достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія преданныхъ Церкви прихожанъ всѣхъ состояній и званій. 2) Изъ состава сего собранія и по его признанію учреждать, для ближайшаго осуществленія задачъ приходской жизни, постоянно дѣйствующій церковно-приходскій совѣтъ, подъ руководствомъ и предсѣдательствомъ настоятеля приходской церкви, при чемъ число членовъ совѣта отъ мірянъ не должно бы превышать 12 лицъ 3) Указанныя 1 и 2 пп. общія основанія для устройства церковно-приходской жизни отнюдь не должны быть вводимы съ принужденіемъ или съ нарушеніемъ установленнаго церковнаго строя, а также и тамъ, гдѣ приходская жизнь получила уже развитіе при посредствѣ церковныхъ попечительствъ, братствъ и церковныхъ совѣтовъ, развѣ лишь въ случаѣ, если объ этомъ будутъ просить сами прихожане. 4) Члены церковнаго совѣта могутъ быть приглашаемы причтомъ и церковнымъ старостой къ участію въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ. 5) При открытіи, особенно впервые, общихъ церковно-приходскихъ собраній желательно, чтобы на нихъ присутствовалъ для совѣта и указаній мѣстный благочинный. 6) Дальнѣйшія подробности въ устроеніи указанныхъ формъ церковно-приходской жизни могутъ быть предоставлены свободному почину самихъ собраній, согласно общимъ указаніямъ и съ одобренія епархіальной власти, которой непосредственно или черезъ благочинныхъ надлежитъ разъяснять всѣ недоумѣнія, могущія возникнуть при осуществленіи сего дѣла.

Изложенныя указанія, направленныя къ обновленію приходской жизни и къ расширенію круга пастырской дѣятельности, не могутъ не вызвать потребности въ особыхъ пастырскихъ собраніяхъ длл обмѣна мыслей по этимъ предметамъ. Но уже и теперь нынѣшнее смутное время побудило духовенство во

многихъ епархіяхъ дѣлать попытки выработать особыя постановленія для такихъ собраній, дабы путемъ взаимообщенія пастырей объединиться на истинныхъ основахъ пастырскихъ задачъ, неотложно нынѣ требующихъ разрѣшенія. Во вниманіе къ сему и идя на встрѣчу назрѣвшей потребности, Святѣйшій Синодъ благословляетъ созываемыя, по мѣрѣ надобности, пастырскія собранія въ предѣлахъ благочиній, уѣздовъ и епархій для обсужденія возникающихъ вопросовъ пастырской дѣятельности, съ предоставленіемъ, если представится надобность, приглашать въ эти собранія и мірянъ изъ числа лицъ, входящихъ въ составъ церковно-приходскихъ совѣтовъ, приходскихъ попечительствъ и братствъ, при чемъ постановленія пастырскихъ собраній не иначе могутъ воспринять обязательную силу для участвующихъ въ нихъ пастырей, какъ съ благословенія и разрѣшенія мѣстнаго преосвященнаго.

Давая о семъ знать для надлежащаго руководства и исполненія, Святѣйшій Синодъ питаетъ увѣренность, что епархіальные преосвященные приложатъ самое сердечное попеченіе къ благоустроенію приходовъ и осуществленію пастырскихъ собраній на преподанныхъ Святѣйшимъ Синодомъ общихъ указаніяхъ.

По разъясненію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, этимъ опредѣленіемъ св. Синода положено основаніе проведенію въ жизнь идеи обновленія прихода на новыхъ началахъ. На первый разъ въ осуществленіи этой задачи св. Синодъ ограничился такими нововведеніями, которыя, не соединяясь съ коренными перемѣнами въ общемъ строѣ церковномъ и не требуя посему сложной законодательной работы, могутъ быть безотлагательно выполнены безъ особаго новаго гражданскаго закона. Такими мѣропріятіями являются общія церковно-приходскія собранія прихожанъ всѣхъ званій и состояній и постоянно дѣйствующій по избранію общеприходскаго собранія церковно-приходскій совѣтъ въ составѣ 12 представителей отъ мірянъ подъ предсѣдательствомъ и руководствомъ настоятеля приходской церкви [1]).

Конечно, для перваго раза должно благодарить св. Синодъ и за это. Но съ церковно-правовой точки зрѣнія опредѣленіе Синода нуждается въ важномъ дополненіи — въ признаніи хоть какихъ либо правъ за общими собраніями прихожанъ и церковно-приходскими совѣтами въ отношеніи къ дѣламъ прихода, причту и епархіальной власти. Если постановленія совѣта, не нравящіяся причту или епархіальному начальству, просто будутъ игнорироваться ими, то это у большинства скоро отобьетъ всякую охоту тратить время и труды на участіе въ дѣлахъ прихода.

Однако какими бы причинами ни было вызвано это опредѣленіе Св. Синода и какъ бы недостаточно оно ни было, его нельзя не привѣтствовать, какъ первую и вполнѣ соотвѣтствующую потребностямъ времени попытку оживить омертвѣвшій русскій приходъ и черезъ это положить начало зарожденію въ Россіи новой

---

[1]) Отношеніе Оберъ-Прокурора св. Синода къ Московскому городскому головѣ. Циркулярно. Вѣдомство Православнаго Исповѣданія. Канцелярія Оберъ-Прокурора. Отд. III, ст. 3, 7-го декабря 1905 г., № 8671.

церковной жизни. Теперь для всего русскаго духовенства, столь громко взывающаго о необходимости церковныхъ преобразованій, открывается полная возможность показать, что оно желаетъ церковныхъ преобразованій не въ своихъ сословныхъ цѣляхъ, а въ интересахъ общецерковныхъ. Если это такъ, оно не можетъ не приложить всѣхъ усилій возможно скорѣе осуществить опредѣленіе Св. Синода и не постараться путемъ духовно-нравственнаго общенія съ паствой привлечь ея вниманіе и заботы къ дѣламъ церковнымъ. Плодотворная дѣятельность духовенства въ этомъ отношеніи служила бы лучшей подготовкой и къ ожидаемому Собору, создавая для него наиболѣе благопріятныя условія.

Опредѣленіе Св. Синода, направленное къ оживленію приходской жизни, должно получить возможно широкое распространеніе среди народа. Его уже давно слѣдовало бы прочесть во всѣхъ приходскихъ церквахъ съ разъясненіемъ его значенія и необходимости для народа немедленно идти ему на встрѣчу. Всѣмъ же епархіальнымъ архіереямъ нужно бы первымъ показать примѣръ для остальнаго духовенства и, можетъ быть, обратиться къ ихъ паствамъ съ соотвѣтствующимъ посланіемъ. Но вотъ прошло уже два мѣсяца и по крайней мѣрѣ въ большей части Россіи никакихъ усилій со стороны духовенства къ выполненію опредѣленія Синода еще не замѣтно. Громадная часть народа до сихъ поръ не только не уяснила себѣ все возможное значеніе стремленія Св. Синода, но даже не знаетъ и сущности самого опредѣленія. Напротивъ въ это новое дѣло, имѣющее въ виду способствовать зарожденію въ Россіи лучшихъ условій церковной жизни, уже успѣла попасть, такъ сказать, небольшая капля дегтя, брошенная въ него со стороны столь проникшаго въ церковное управленіе стараго бюрократизма.

Послѣ 17-го октября 1905 года произошло немаловажное событіе въ исторіи нашего церковнаго управленія—перемѣна синодальнаго Оберъ-Прокурора. Но въ этой перемѣнѣ, происшедшей, повидимому, въ виду наступившей новой государственной жизни, однако очень характерно сказалось вліяніе прежнихъ порядковъ. Извѣстно, что отличительную черту стараго режима составляло игнорированіе интересовъ общественныхъ и голоса самого народа. При назначеніи или перемѣщеніи, наприм., разныхъ должностныхъ лицъ интересы ввѣряемаго ихъ попеченію вѣдомства обыкновенно отходили на второй планъ. То или другое лицо часто получало очень отвѣтственный постъ не потому что оно по своимъ способностямъ, знаніямъ и опытности вполнѣ подходило для даннаго вѣдомства, а потому что ему хотѣли предоставить службу. И вотъ на мѣсто такого серьезнаго и опытнаго въ церковныхъ и государственныхъ дѣлахъ человѣка, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, занимавшаго должность Оберъ-Прокурора по призванію, вдругъ неожиданно для всѣхъ, а еще болѣе вѣроятно и для самого себя, былъ назначенъ князь А. Д. Оболенскій, при чемъ это назначеніе состоялось, очевидно, стараніями предсѣдателя новаго высшаго учрежденія — Совѣта Министровъ, который включилъ новаго Оберъ-Прокурора Св. Синода и въ составъ своего кабинета.

Русское общество, дорожащее благомъ Православной Церкви, сейчасъ же начало съ тревогой на душѣ спрашивать, каковы религіозныя убѣжденія новаго Оберъ-Прокурора, и какое отношеніе ранѣе имѣлъ онъ къ дѣламъ церковнымъ, окажется ли онъ на основаніи этого способнымъ стоять во главѣ церковнаго вѣдомства, преслѣдующаго свои особыя цѣли, да притомъ еще въ самое переходное время и въ эпоху важнѣйшихъ преобразованій. Въ отвѣтъ на эти вполнѣ естественные запросы до общества дошли свѣдѣнія, что кн. Оболенскій объявилъ себя вѣрующимъ, а по вопросу объ отношеніяхъ его къ дѣламъ церковнымъ общество къ удивленію, узнало, что ни по своему образованію, ни по прежней службѣ онъ не имѣлъ съ ними ровно никакихъ достаточныхъ соприкосновеній. Новый Оберъ-Прокуроръ ничѣмъ не заявилъ себя въ литературѣ ни по вопросамъ богословскимъ ни по церковно-государственнымъ, такъ что нельзя даже и такимъ путемъ судить, насколько онъ способенъ выразить свою вѣру именно въ этихъ направленіяхъ, съ которыми ему по своимъ обязанностямъ постоянно придется имѣть дѣло. Кромѣ того ранѣе дѣятельность свою новый Оберъ-Прокуроръ Св. Синода сосредоточивалъ въ сферѣ задачъ Министерства Финансовъ и особенно его значительной отрасли Акцизнаго Вѣдомства, наиболѣе далеко отстоящихъ отъ цѣлей церковныхъ. Даже старавшіеся оправдать новое назначеніе кн Оболенскаго нѣкоторые газетные публицисты, недовольные К. П. Побѣдоносцевымъ, и тѣ не могли ничего высказать въ пользу подготовленности кн. Оболенскаго къ управленію дѣлами Церкви кромѣ наивнаго указанія, что новый Оберъ-Прокуроръ находился въ дружбѣ съ покойнымъ философомъ Вл. С. Соловьевымъ. Вотъ почему въ русскомъ обществѣ, принадлежащемъ къ Церкви, назначеніе кн. Оболенскаго Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода было встрѣчено съ недовѣріемъ, которое увеличилось еще и отъ особаго положенія новаго Оберъ-Прокурора, едва ли согласующагося съ его обязанностями Посредникъ между Верховной властью и Синодомъ, судя по прежнимъ опытамъ имѣющій большое вліяніе на дѣла церковныя, оказался вошедшимъ въ составъ кабинета и поставленнымъ подъ вліяніе Совѣта Министровъ и его предсѣдателя, гр. Витте, въ отношеніи къ дѣламъ церковнымъ уже извѣстнаго обществу по своему подготовленію закона 17 апрѣля 1905 г. Такимъ образомъ церковное управленіе, преслѣдующее свои особыя важныя задачи, можетъ находиться теперь подъ двойнымъ вліяніемъ и самого Оберъ-Прокурора и политики Совѣта Министровъ, и посредство между Синодомъ и Верховной властью сдѣлалось сложнѣе и запутаннѣе.

Всѣмъ этимъ, повидимому, нужно объяснять едва ли вполнѣ осторожныя и соотвѣтствующія церковнымъ цѣлямъ дѣйствія Оберъ Прокурора по вопросу объ исполненіи опредѣленія Синода о средствахъ къ оживленію прихода. Способъ, принятый кн. Оболенскимъ, вызвалъ во многихъ большое недоумѣніе и лишь закрѣпилъ существовавшее недовѣріе къ его дѣятельности Кн. Оболенскій разослалъ отъ себя городскимъ головамъ циркулярное обращеніе, въ которомъ ясно слышатся не столько заботы собственно о Церкви, сколько преслѣдованіе современной задачи Совѣта Министровъ добиться водворенія въ Россіи государ-

ственнаго порядка и усматривающаго очень подходящее для этого средство въ оживленіи прихода.

„Въ настоящее смутное время, пишетъ Оберъ-Прокуроръ городскимъ головамъ, переживаемое Россіей, сплоченность людей, преданныхъ Церкви, для цѣлей благотворительныхъ и на защиту вѣры при возможности нынѣ всяческой пропаганды со стороны, имѣетъ самое серьезное значеніе. Обновленіе церковно-приходской жизни можетъ послужить не только къ повышенію прямого религіознаго интереса, но содѣйствовать также водворенію порядка, мира и тишины въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приходскія собранія дѣйствительно окажутся организованными на правильныхъ началахъ и способными противодѣйствовать разрушительнымъ стремленіямъ людей подстрекающихъ ко всякимъ насиліямъ. Главенствующая роль здѣсь несомнѣнно принадлежитъ духовенству, но важное значеніе могутъ и должны имѣть также и вліятельные члены приходовъ. Не сомнѣваясь, что, Ваше Превосходительство, оцѣните по достоинству изложенныя мѣропріятія св. Синода въ настоящее трудное для Церкви и государства время, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ не отказать въ Вашемъ благосклонномъ содѣйствіи епархіальнымъ властямъ и приходскому духовенству въ возложенномъ на нихъ св. Синодомъ великомъ дѣлѣ благоустроенія приходовъ. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что помимо личнаго содѣйствія Вашего было бы крайне желательно, еслибы Вамъ было угодно привлекать къ активному участію въ семъ дѣлѣ и другихъ извѣстныхъ Вамъ лицъ, преданныхъ Церкви и могущихъ съ пользою содѣйствовать начинаніямъ духовенства въ семъ важномъ дѣлѣ“ [1]).

Повидимому, и самое обращеніе къ городскимъ головамъ вызвано преимущественно тѣмъ, что опредѣленіе Синода нужно въ интересахъ государственныхъ. Но вѣдь если такое обращеніе сдѣлано ко всѣмъ городскимъ головамъ, то въ числѣ ихъ могутъ оказаться не только вполнѣ равнодушные къ дѣламъ церковнымъ или даже прямо не вѣрующіе, но и лица иныхъ исповѣданій. Неужели же Оберъ-Прокуроръ Синода разсчитываетъ и отъ такихъ лицъ получить серьезное содѣйствіе интересамъ Православной Церкви и признаетъ ихъ способными указать для этого людей дѣйствительно полезныхъ и вполнѣ подходящихъ! Кромѣ того, въ какое же положеніе Оберъ-Прокуроръ ставитъ своимъ образомъ дѣйствій епархіальныхъ архіереевъ и духовенство, если даже преданныхъ церкви и подходящихъ для оживленія прихода лицъ онъ отыскиваетъ черезъ посредство городскихъ головъ, вѣдающихъ хозяйственныя дѣла города и обыкновенно не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣламъ церковнымъ! Наконецъ и вообще съ большою вѣроятностью можно сказать, что подобное обращеніе Синодальнаго Оберъ-прокурора къ городскимъ головамъ едва ли принесетъ что-либо кромѣ заведенія по канцеляріи Городской Думы объ отношеніи Оберъ-прокурора особаго дѣла, которое по прошествіи извѣстнаго времени будетъ сдано въ Архивъ. Вотъ, между прочимъ, яркій примѣръ безпомощности въ церковномъ управленіи

---

[1]) Циркулярное отношеніе къ Московскому городскому головѣ 7 дек. 1905 г. Ibid.

бюрократизма, не знающаго за что ухватиться, когда для него самого вполнѣ очевидна невозможность удовольствоваться одними канцелярскими дѣйствіями, составленіемъ и распубликованіемъ опредѣленія Синода, и особенно ясно выступаетъ необходимость сейчасъ же приступить и къ проведенію его въ жизнь. Какъ важно поэтому для блага Россіи возможно скорѣе установить активное участіе народа въ дѣлахъ церковныхъ, способное поддерживать живую связь съ окружающимъ обществомъ, на подобіе того, какъ это уже и практикуется въ нѣкоторыхъ другихъ православныхъ церквахъ!

Вскорѣ послѣ опредѣленія св. Синода, которое требуетъ возможно скораго проведенія въ жизнь, самый вопросъ о созывѣ Помѣстнаго Собора Русской Церкви, отложенный по Высочайшей резолюціи 31-го марта 1905 года, получилъ дальнѣйшее движеніе. Въ оффиціальномъ органѣ св. Синода „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ въ № 1 за 1906 годъ напечатано слѣдующее сообщеніе:

„Его Императорскому Величеству благоугодно было призывать, 17-го декабря, въ Царское Село, присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ высшихъ іерарховъ: митрополитовъ: С.-Петербургскаго Антонія, Московскаго Владиміра и Кіевскаго Флавіана, для непосредственнаго преподанія Царственныхъ указаній къ предстоящему созванію помѣстнаго собора всероссійской Церкви.

Освѣдомившись отъ вызванныхъ іерарховъ о положеніи предпринятыхъ уже для успѣшнаго созванія собора подготовительныхъ работъ, — требующихъ труда и времени, Государь Императоръ соизволилъ высказать, что въ настоящее время, при обнаружившейся расшатанности въ области религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ началъ, благоустроеніе православной россійской Церкви—хранительницы вѣчной христіанской истины и благочестія—представляется дѣломъ неотложной необходимости. Въ виду сего Его Величество Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ приложить особое стараніе къ исполненію всего, что требуется для созванія собора въ ближайшее по возможности время.

Согласно сей Высочайшей волѣ, Святѣйшій Синодъ, помимо сдѣланныхъ уже съ его стороны распоряженій, предположилъ для предварительнаго обсужденія, на основаніи всѣхъ имѣющихся данныхъ, какъ намѣченныхъ уже къ соборному разсмотрѣнію, такъ и вновь возникшихъ вопросовъ, учредить при Святѣйшемъ Сунодѣ, съ начала наступающаго года, особое присутствіе изъ представителей церковной іерархіи и другихъ, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами и познаніями въ области богословія, церковной исторіи, каноническаго права и церковной практики.

Послѣ сего, 27 го декабря, Его Императорскому Величеству благоугодно было обратиться къ первенствующему члену Святѣйшаго Синода, митрополиту Антонію, съ нижеслѣдующимъ Собственноручнымъ рескриптомъ:

„Ваше высокопреосвященство.

Церковная власть, въ лицѣ Святѣйшаго Синода, весною настоящаго года заявила Мнѣ о необходимости созвать, для устроенія дѣлъ церковныхъ, чрезвычайный всероссійскій помѣстный соборъ.

Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ не дали Мнѣ возможности тогда привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Нынѣ же Я признаю вполнѣ благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной церкви, на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ, для вящшаго утвержденія православія.

А посему предлагаю вамъ, владыко, совмѣстно съ митрополитами: Московскимъ—Владиміромъ и Кіевскимъ—Флавіаномъ, опредѣлить время созванія этого, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго, собора.

Поручаю Себя вашимъ молитвамъ".

„*НИКОЛАЙ*".

Принявъ выраженную въ семъ рескриптѣ Высочайшую волю съ чувствомъ величайшей благодарности, поименованные іерархи положили теперь же приступить къ опредѣленію того срока, какой можетъ быть указанъ для созванія церковнаго собора въ наступающемъ 1906 году, въ зависимости отъ объема предстоящихъ подготовительныхъ работъ".

Остается пожелать, чтобы въ учреждаемое при св. Синодѣ присутствіе, повидимому, достаточно разнообразнаго состава, изъ духовенства и мірянъ вошли люди широкихъ взглядовъ, способные понимать современныя потребности и дѣйствовать подъ вліяніемъ не какихъ-либо сословныхъ, а общецерковныхъ интересовъ. Разрабатываемый же этимъ присутствіемъ матеріалъ по крайней мѣрѣ въ его главныхъ положеніяхъ долженъ быть своевременно опубликованъ, чтобы лица не участвующіе въ присутствіи, но желающіе что-либо высказать, могли сдѣлать это во время, а справедливыя ихъ замѣчанія могли быть приняты во вниманіе. Нужно надѣяться, что учреждаемое присутствіе, хотя и будетъ значится при св. Синодѣ, но будетъ поставлено по своимъ работамъ въ совершенно независимое положеніе, какъ отъ Св. Синода, такъ и отъ его Оберъ-Прокурора, съ правомъ запроса и полученія отвѣтовъ отъ всѣхъ лицъ и вѣдомствъ.

Неужели затѣмъ все дѣло о Помѣстномъ Соборѣ должно обойтись безъ К. П. Побѣдоносцева? Если немало лицъ изъ принадлежащихъ къ Церкви во многомъ не сочувствовали его дѣятельности въ качествѣ Оберъ-Прокурора св. Синода, почти единолично распоряжавшагося церковными дѣлами, то едва ли кто рѣшится отрицать его преданность благу Церкви и способность принести большую пользу своими знаніями, опытностью и совѣтомъ, особенно же по вопросамъ церковно-государственнымъ въ ихъ крайне сложномъ взаимодѣйствіи. Въ положеніи единоличнаго управителя К. П. Побѣдоносцевъ, конечно, легко могъ во многомъ ошибаться, что-нибудь не охватить, не все замѣтить и т. п., какъ это свойственно всѣмъ людямъ, но при разрѣшеніи важныхъ вопросовъ широкихъ церковныхъ преобразованій *путемъ соборнымъ* участіе такого лица, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, можетъ быть только полезно и даже прямо необходимо.

Итакъ часъ открытія Помѣстнаго Собора Русской Церкви уже близокъ. Скоро наступаетъ моментъ, который долженъ положить начало новому періоду въ исторіи Русской Церкви и подготовить возможность въ Россіи лучшимъ условій для развитія церковной жизни. Намъ предстоитъ увидѣть сбывающимся то, о чемъ многіе изъ нашихъ предковъ только мечтали.

Но такое болѣе счастливое положеніе предъявляетъ къ намъ и большія требованія и налагаетъ на насъ и большую отвѣтственность передъ Церковью и послѣдующими поколѣніями Къ великому дѣлу устроенія церковной жизни на основахъ соборности, выпавшему на нашу долю, было бы преступно отнестись съ пренебреженіемъ или даже безъ достаточнаго вниманія. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать, что Православная Церковь въ Россіи въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не имѣла возможности выразить свой голосъ, и за это время въ массѣ ея членовъ могло утратиться и самое сознаніе потребности Собора и его духовно-нравственнаго значенія. Поэтому, кромѣ тщательной разработки матеріала, подлежащаго обсужденію ожидаемаго Собора, не менѣе необходимо и подготовленіе къ нему всѣхъ членовъ Церкви безъ исключенія своимъ нравственно-духовнымъ сознаніемъ съ полнымъ уясненіемъ себѣ и самой задачи Собора. По отношенію къ Собору духовенство и народъ должны явиться однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, проникнутыми однимъ духомъ, живущимъ въ Церкви Во всѣхъ нихъ должно быть оживлено стремленіе къ единомыслію, а не къ какому-либо раздѣленію, составляющее одно изъ необходимыхъ условій правильной дѣятельности Собора.

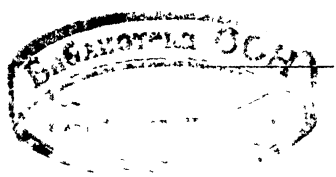
Въ настоящее время намъ особенно нужно помнить смыслъ приведеннаго выше замѣчанія св. Василія Великаго, что совѣтъ въ общеніи съ главой Церкви І. Христомъ составляется, когда нѣтъ въ виду собственныхъ личныхъ цѣлей, когда мысли движутся подъ вліяніемъ желанія совершить угодное Богу, а духовенство и народъ наполнены стремленіемъ къ единодушному согласію.

Намъ нужно сдѣлаться въ той или иной формѣ способными почувствовать влеченіе къ истинѣ, какъ это указано, наприм., относительно лицъ, присутствовавшихъ при окончаніи VII Вселенскаго Собора, а для этого всѣмъ, особенно же членамъ Собора, необходимо прежде всего и нѣкоторое очищеніе души, чтобы ослабить сильное вліяніе на свое сознаніе всей массы накопившихся у насъ сомнѣній, усвоенныхъ стремленій преслѣдовать лишь свои сословные интересы, и захватывающихъ многихъ всякаго рода недовольствъ и даже прямой вражды.

Кромѣ того, всѣмъ намъ, а еще болѣе призваннымъ участвовать на Соборѣ, необходимо воспринять въ свое сознаніе очень полезное разъясненіе св. Кипріана Карѳагенскаго по вопросу объ отношеніи къ дѣламъ церковнымъ. „Каждому порознь,—говоритъ онъ,—можетъ быть многое открыто къ лучшему и никто не долженъ отстаивать упорно то, что онъ однажды задумалъ и чего держится, но, если предложится что-либо лучшее и полезнѣйшее, всякій долженъ это охотно принимать. Вѣдь мы не побѣждаемся, когда намъ предлагаютъ лучшее, но вразу-

мляемся, особенно же относительно того, что принадлежитъ къ единству Церкви, къ истинѣ надежды и вѣры нашей“ [1]).

Кто же не позаботится подготовить въ себѣ должное внутреннее настроеніе и намѣревается дѣйствовать подъ вліяніемъ какихъ-нибудь личныхъ, сословныхъ или партійныхъ, а не общецерковныхъ цѣлей, тотъ, можетъ быть, всего болѣе принесетъ пользы Церкви, если устранитъ себя отъ участія на Соборѣ и предоставитъ его тѣмъ, которые окажутся къ этому болѣе готовы по своему нравственно-духовному сознанію...



[1]) Творенія, ч. I. Письмо 58.

ОГЛАВЛЕНІЕ КНИГИ.

Страницы.

ГЛАВА I. Законъ 17 апрѣля 1905 года. Порядокъ его изданія въ отношеніи къ Православной Церкви въ Россіи. Возбужденіе вопроса о реформѣ въ устройствѣ Православной Церкви „Вопросы о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Отношеніе ихъ къ современнымъ потребностямъ Церкви и главной задачѣ всей церковной реформы 3–24

ГЛАВА II Записка Предсѣдателя Комитета Министровъ: „О современномъ положеніи Православной Церкви". Характеръ ея Недостаточная разработка вопросовъ реформы и неправильная тенденція ея относительно церковнаго строя XVI и XVII вѣка. Возраженіе на эту Записку Оберъ-прокурора Св. Синода подъ названіемъ: „Соображенія Статсъ-секретаря Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Отношеніе этого возраженія къ дѣлу церковныхъ преобразованій. Указаніе черезъ него важнаго недостатка церковнаго управленія, отсутствія живого участія народа. Объясненіе на соображенія Побѣдоносцева со стороны Предсѣдателя Комитета Министровъ подъ названіемъ: „По поводу Соображеній Статсъ-секретаря К П. Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви". Главная задача объясненія — полемика съ Соображеніями К. П. Побѣдоносцева. Пріемы его при выясненіи важныхъ вопросовъ церковныхъ преобразованій. Отношеніе объясненія къ вопросу о церковномъ сознаніи . . . . . 25—57

ГЛАВА III. Передача дѣла церковной реформы на разсмотрѣніе Св. Синода. Всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода. Сравненіе его съ порядкомъ осуществленія церковной реформы Петромъ Великимъ. Отношенія къ дѣйствіямъ Синода со стороны общества въ Москвѣ. Вопросъ о патріаршествѣ въ докладѣ Св. Синода. Разсмотрѣніе этого вопроса съ точки зрѣнія современныхъ церковно-общественныхъ потребностей Уроки исторіи изъ временъ русскаго патріаршества. Мечты со стороны многихъ духовныхъ лицъ о значеніи будущаго патріарха въ Россіи и ихъ безпочвенность Необходимость разрѣшать вопросы объ измѣненіи церковнаго строя и введенія патріаршества не иначе, какъ въ связи съ новымъ государственнымъ строемъ и положеніемъ въ немъ Государственной Думы . . . . . 58—71

ГЛАВА IV. Вопросъ о составѣ собора Русской Церкви въ докладѣ св. Синода. Свидѣтельства исторіи о составѣ соборовъ. Разсмотрѣніе основаній ограниченія состава собора одними епископами въ связи съ Запиской, представленной Св. Синоду епископомъ Волынскимъ. Данныя изъ первыхъ вѣковъ христіанства и эпохи вселенскихъ соборовъ. Участіе императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ и на соборахъ Значеніе этого участія по сознанію самихъ императоровъ. Отношеніе къ нему со стороны соборовъ и іерарховъ Православной Церкви. Смыслъ его съ точки зрѣнія церковной. Вопросъ о составѣ собора по отношенію къ древнимъ канонамъ. Значеніе дисциплинарныхъ каноновъ въ жизни Церкви. Необходимость толкованій для ихъ пониманія. Вопросъ о соблюденіи древнихъ правилъ въ Православной Церкви Положеніе русскаго епископа, сравнительно съ положеніемъ въ древнее время. Недостатокъ духовно-нравственной связи съ клиромъ и паствой Современныя условія жизни требуютъ перехода въ той или иной формѣ прежней роли императоровъ въ дѣлахъ церковныхъ къ самому народу. Осуществленіе этого въ разныхъ другихъ православныхъ церквахъ. Значеніе народной рецепціи въ дѣлахъ церковныхъ Указаніе на это въ свидѣтельствахъ св отцовъ Институтъ народнаго представительства въ дѣлахъ церковныхъ и возможное его духовно-нравственное значеніе. Обнаруженіе представительства вообще въ исторіи вселенскихъ соборовъ. Существованіе института народнаго представительства во многихъ другихъ православныхъ церквахъ. Условія требуемыя отъ мірянина для участія въ дѣлахъ церковныхъ. Вопросъ о значеніи голоса на соборѣ. Указаніе на необходимость болѣе широкаго состава помѣстнаго собора Русской Церкви со стороны нѣкоторыхъ русскихъ епископовъ и друг. Свидѣтельства изъ русской исторіи . . . . . 72—142

ГЛАВА V. Вопросъ о задачахъ предстоящаго Собора Указаніе на нихъ въ докладѣ Св. Синода. Предложеніе по этому поводу Св Синоду Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Сложность задачъ Собора. Необходимость установленія его программы. Опредѣленіе Св Синода по вопросу объ устроеніи церковно-приходской жизни и пастырскихъ собраній. Высочайшій рескриптъ 27-го декабря 1905 г. на имя Петербургскаго митрополита по вопросу о Соборѣ Важность наступающаго момента и необходимость нравственно-духовнаго къ нему подготовленія . . . . . 143—162